

ВОЗДУШНЫЕ ШАРИКИ

п ь е с ы

Скифия-Принт

Санкт-Петербург
2016

УДК 82-2
ББК 84 (2Рос-Рус)6
КТК 610
В64

Батурина А., Букреева А., Ищенко Ю. и др.

В64 Воздушные шарiki : Пьесы. — СПб.: Скифия-принт, 2016. — 268 с., с илл.

Этот том объединяет пьесы авторов из разных уголков постсоветского пространства, от Беларуси до Урала, от Москвы до Нижнего Тагила. Общим для авторов, чьи творческие биографии и географические координаты разнятся столь существенно, становится острая чувствительность к социальной проблематике, завроженность темами культурной и персональной травмы, переосмысление культурного наследия в сюрреалистическом и постмодернистском ключе.

Может быть интересен как профессионалам в области современного театра, так и широкому кругу читателей

ПО-ПРЕЖНЕМУ НАПОМИНАЕМ! Присутствие в отдельных пьесах ненормативной лексики подразумевает, что читатель достиг соответствующего возраста.

ISBN 978-5-98620-192-4

© Батурина А., Букреева А., Ищенко Ю., Мартинович В.,
Медведько Ю., Поспелова Ю., Сташков Е., 2016

© Белов И., Майсюк С., обложка, 2016

© Михеева Л., предисловие, 2016

Послесловие к предыдущему и предисловие к настоящему

«Воздушные шарики к людям ниточками привязаны. А когда ниточки рвутся, шарики убегают на небо». Вот и мы с ней, как воздушные шарики. Нам бы ниточки оборвать и мы полетели бы себе... Полетели...

Юрий Медведь,
«Воздушные шарики»

Лидия Михеева

Пионеры сидят в лесу на полянке и жгут пионерский костер. В огне весело потрескивают сухие веточки и красиво плавятся, обдавая полянку запахом пластика, обертки от чипсов, шоколадных батончиков и другой мусор, которые кто-то из пионеров нашел в лесу, загаженном дачниками-туристами-гопниками, и туда подкинул... просто так, из вредности. Над поляной витает дух разухабистого веселья — то гитару кто-то мучает, то, давясь смехом, изображают «пьяную-помятую пионервожатую», то шепотом заводят «страшилку», которая заставляет наших пионеров заходиться от ужаса оглушительным хохотом.

В руках пионеры держат веточки, на которые наколот хлеб и кусочки сала, а не какое-нибудь хипстерское «маршмеллоу», подсмотренное в иностранном фильме про скаутов. Пьют пионеры, конечно же, водку. И имеют на это полное право — ведь лет им, по паспорту, столько, что они сами могли бы быть отцами (а кто и дедами) следующей генерации пионеров. Но нет уже ни той страны, которая проводила обряд инициации с «салютом», клятвой, красным галстуком, нет уже тех лагерей, с «Зарницей» и вожатыми, которые водку-то пить как раз запрещали. По крайней мере, пытались запрещать. На месте лагерей — пышные заросли борщевика или санатории с баней, бильярдом, «бабочками». У страны — новая мифология, отчасти впусившая в себя и мировые тренды — Макаронного монстра, Чубаку, Крутого

Уокера, Джейн Псаки... Пионер в новой стране мечтает стать не космонавтом, а олигархом. В лучшем случае — автором крутого стартапа.

Но пионеры еще держатся за корни и галстуки. Дело не в ностальгии. Просто этот самый пионерлагерь, с водкой втихаря, соревнованиями отрядов, песнями о дедушке Ленине и легендами о пионерах-героях, в которые кто-то верил, а кто-то — нет, был мощным социальным механизмом, инсталлирующим в сознание такие культурные коды, которые продолжают там работать, хочешь ты этого или нет. Даже если ты смеешься над коллективизмом, заставляющим просыпаться по звуку пионерского горна и ходить строем, коллективизм «капустника» и веселых дружеских посиделок у костерка — уже вписан в твой код. Даже если ты стебешься над Ленином-грибом и Зоей Космодемьянской — это работа того же кода, пусть и инверсированная. Ну а кроме бронзовых горнистов, барабанщиков, девушек с веслами, дежурства по столовке — пионерлагерь это ведь сплошная, кипящая трансгрессия. Там, где шаг в сторону — считай, побег, где сон, принятие пищи и «культурные мероприятия» — по расписанию, там и рождается это первое острое наслаждение от нарушения запретов.

Первая запретная радость — это, конечно, мат. Иногда — осторожный, рожденный в муках преодоления культурной цензуры. Порой — фонтанирующий, вырвавшийся на свободу и инфантильно пузырящийся в витиеватых словоформах (поди ж ты, я могу и так, и эдак сказать — я сам хозяин своему языку!). Второе — употребление запрещенных жидкостей и курение (причем чем противнее алкоголь и чем хуже сигареты, тем пионеру больше по кайфу).

Третье, и, возможно, главное, — создание «команд», «банд», девчачьих и пацанских, или смешанных, где все — не по «большим» правилам лагеря, а по внутренним, своим законам. Вот где «ячейка» для творчества, где все можно, где перерабатываются «взрослые», сухие, официальные смыслы, где герои из асбеста, бетона и бронзы обретают новую жизнь.

Мы имеем плод свободного полета вот такой пионерлагерной «бригады». Кто-то из авторов пьес пионером никогда не был в силу молодого возраста, а кто-то им остался, несмотря на

возраст зрелый. Зато атмосфера бурлящего самодеятельного театра — для всех общая. Кому-то хочется ругнуться, кому-то — эпатировать друзей-товарищей, кто-то включает в повествование Героев и делает их просто героями, с маленькой буквы, подчиняющихся новой логике: тут и Че Гевара, и батька Махно, и Покрышкин, и безногий «герой войны» и архетипическая Страхолюдина. В карнавале смешалось все — и бесшабашный стеб, злой и горький смех над обществом, превратившимся в «территорию мусора», и реальность травматичного исторического опыта... Пионерлагерный театр — это не КВН, где довольные собой и жизнью юные конъюнктурщики шутят о несущественном, и не балаганчик, в котором ставятся клишированные сюжеты. Пионерлагерный театр — это полигон, где разыгрываются фантазмагии, за задником которых — реальность живого опыта и боли конкретного человека, обломки мифов и несбывшихся утопий.

Сборник «Воздушные шарики» второй раз объединил тех же авторов, с незначительным исключением, не несущим другой функции, кроме подтверждения правила: собираются для того, чтобы делать вместе. Что делать? Сажать картошку. Раздавать листовки. Издавать книги.

Географически, поколенчески, гендерно и т. д. — авторы — люди с различным жизненным, культурным опытом. И потому в каждой из представленных пьес ясно различимы голоса рассказчиков, раскрывающих собственный мир, со своими особыми законами и эстетическими координатами.

И тем не менее, есть нечто совершенно осязаемо общее в этих текстах. Несмотря на всю художественную смелость авторов, их новаторские в формальном отношении пьесы сохраняют нерв классической трагедии, уклоняясь от столь характерных для постмодернистского искусства «смерти субъекта», угасания всех аффектов, тотальной иронии.

В «Воздушных шариках» можно различить траекторию одной и той же драмы — драмы нереализованных планов по достижению мечты, попытки обрезать нити у шариков, слишком крепко привязанных к земле. Дедушка движим оглушительной любовью — и теряет ее («Лёха...»), героиня «Кафе “Шарур”»,

будто обуянная жаждой саморазрушения, жестоко пресекает возможность хэппи-энда. Счастливый конец в «Ванькиной шашке» только усугубляет драматизм описанного социального конфликта: сказка может кончиться хорошо, а «в жизни» заданные фабулой противоречия неистребимы, и проклятье это никаким волшебством не разрушить. Тот же путь проходит и Франциск Скорина в пьесе «Карьера доктора Рауса»: мечта длинной в жизнь отнимает все силы героя и раз за разом разбивается о неумолимые препятствия. Грань между полным крахом и триумфом не различима с той точки, в которой находится действующее лицо. И тем храбрее выглядят его настойчивые попытки проломить лбом стены равнодушия, проторить силой воли собственный путь, пролегающий сквозь косные горные породы общественных устоев, порядков, норм, предрассудков.

Обреченные на неудачи герои не хотят знать о своей обреченности. В этом их вызов миру, они выходят на сцену, чтобы действовать, чтобы двигаться к некой, для каждого из них вполне конкретной цели. В этом смысле общая направленность пьес сборника перпендикулярна магистральной линии в западной литературе, где главный герой со времен Сартра с Камю наблюдает за своей собственной смертью, отсутствием желаний, жалуется на тошноту и рефлексиирует по поводу собственной пустоты.

Тексты же «Воздушных шариков» написаны так, как будто всей этой литературы мертвых героев не было — герои устремлены вовне, к миру, в нем что-то ищут, чего-то от него ждут, трепыхаются.

Мечта, любовь, цель — все это не только о «прекрасном, чистом, светлом». Все далеко не так тривиально. Иное измерение, зовущее героев «Воздушных шариков,» — это не более умытый и благообразный мир. Скорее речь здесь должна идти об особом напряжении желания. Под желанием психоаналитики лакановского толка подразумевают особое символическое отношение к миру, устремленность к достижению цели, выходящей за рамки удовлетворения потребностей. Желание не связано с простым человеческим благополучием или счастьем в его обывательском понимании. Следуя по пути своего желания, можно, напротив, постоянно пребывать в травматичном состоянии борьбы, мучи-

тельного поиска, покоя. И, тем не менее, только его наличие задает направление пути для героя и драматургическую пульсацию текста.

Места действия многих пьес — это зоны аномии, насилия, тревоги, тяжкого труда, репрессии. Квартира алкоголиков, барак сезонных рабочих или метафорическое дно реки, куда прыгают «Нырятьщики», а также и детский психоневрологический диспансер в «Яблочном зайце» — лиминальные пространства, где жизнь протекает по особым, потусторонним социальной «норме» законам.

Риску предположить, что локализуются сюжеты пьес в таких декорациях отнюдь не из-за стремления авторов чем-то шокировать читателя. Тем более что сегодня, в эпоху, когда страдание, смерть и катастрофы стали привычной медийной картинкой, это вряд ли возможно. Скорее, эти зоны боли на сегодняшний день представляют собой редкие ареалы обитания того самого желания, являются «поставщиками» действительных, а не фантазийных конфликтов. Ведь повседневная жизнь «нормального» горожанина давно уже превратилась в рутинный круговорот мелких удовольствий в калейдоскопе потребления. Зато обитателей этого Зазеркалья жизнь уже вытряхнула из своего теплого кармана на холод, заставляя бороться как за каждый маленький сантиметр «человеческого», так и за право желать чего-то большего. Это и делает авторов «Воздушных шариков» собеседниками, способными приоткрыть двери в миры, о существовании которых мы без них могли так никогда и не узнать.

Юлия Пospelова

«ЛЁХА...»

монопьеса
моему деду посвящается

Действующие лица:

я

(д е д

любовь ивановна кузнецова

дочечка-людоchка

витюша)

!

мой дед говорил: что с меня взять — только анализы,
да, так мой дед говорил, что с него взять — только анализы.

мой дед говорил:

тебе уже десять, а мне еще семьдесят два,

да, так мой дед говорил, что мне УЖЕ десять, а ему всего семь-
десят два.

мой дед говорил,

насаживая плохо порезанную селедку на вилку,

он говорил: бог сцепил, бог и расцепит,

да, так говорил мой дед.

у моего деда была татуировка на плече

с грудастой женщиной, внизу было написано «зоя ч.».

он врал своей первой жене по имени зина,

что там, где он жил, где-то под владимиром, кажется, в киржаче, всех зин называл зоями, а букву «ч» было плохо видно.

мой дед выпросил у моего отца
синие таблетки,
он так сказал отцу: «лёха, она любовь всей моей жизни»,
да, так и сказал мой дед моему отцу.

солнечным днем, через месяц или два после смерти жены,
мой дед ремонтировал балкон в своей новой квартире (размен),
он высунулся из окна, чтобы избавиться от слюны.
с восьмого этажа он увидел школьный стадион, и бежит спортс-
мен.

такой маленький спортсмен
в синем трико
такой крохотный спортсмен
где-то глубоко
под легкими
недалеко от сердца
бежит и бежит, болтается
где-то между вдохами
не знает, куда ему деться,
куда податься,
вдруг спортсмен остановился — почесать яйца,
и в этот момент мимо окна восьмого этажа пролетела птица,
дед резко поднял глаза вверх
(было чему удивиться) —
он увидел любовь ивановну кузнецову, нет, ее грудь, да,
что это было там, на девятом этаже, что это было тогда?

мой дед говорил, громко сморкаясь от смущения,
мой дед говорил: «лёха, она любовь всей моей жизни».

любовь ивановна называла его козлом и мудаком,
любовь ивановна выбрасывала его гвоздики в закрытое окно,
но, когда мой дед заводил патефон

производства ленинградского граммофонного завода,
кажется, тридцать пятого или тридцать шестого года,
и по его пыльной холостяцкой комнате разливался волшебный
голос
вячеслава добрынина,
а любовь ивановна, выпив рюмочку, вставала из-за стола...
мой дед говорил, вытирая платком запотевшую лысину,
он говорил: «лёха...»

II

у деда была дочка от жены зины,
дочку звали людочка-дочечка,
так называл ее мой дед.

когда людочкино жирное тело всплывало в прокуренную прихо-
жую деда,
он зажимал ее так же сильно, как тогда,
он нюхал ее крашенные, плохо промытые волосы,
и ему казалось,
что они пахнут, как тогда,
что они пахнут какао и детским кремом,
как тогда,
когда ей было лет семь, когда
она рассказывала ему все свои самые секретные секреты,
на ушко (подходила так близко-близко),
когда он учил ее не падать с велосипеда, когда
нес ее завернутую в одеяло в больницу,
а она еле дышала, и могла, могла случиться беда.

еще у моего деда был внук витюша,
очень длинный парень с редкими усами (на них всегда оставалась
еда: семечка или кусочек лука).
когда дед звонил витюше,
чтобы спросить про то, про что обычно спрашивает дед внука,
витюша удивленно говорил: дед, это ты? ты еще не умер?

а дед говорил всем, что у его внука такой, понимаете ли, юмор, ау-ха-ха.

людочка и витюша появлялись у деда один раз в месяц, обычно под вечер, после захода солнца, в тот самый день, когда дед получал пенсию. дед подавал им чебуреки, завернутые в теплое полотенце, выносил, как младенца.

дед смотрел, как сок стекает по тонким людочкиным губам, как капелька масла падает на плохо вымытую тарелку, а в этой капельке... прямо внутри, прямо там, в этой жирной, мелкой, в этой чертовой капельке была вся его жизнь, такая же мутная, такая же временная на этой тарелке.

III

у деда был гараж на другом конце города, на СГШ, на узко-колейке (я бываю там иногда во сне), в гараже жила белая копейка, дед выгонял ее только по весне.

теплым весенним утром, на рассвете дед уходил в гараж, брел по прошлогодней листве, приходил, превращал свою копейку в самую чистую копейку на свете: долго тер ее, меняя мокрую тряпочку на сухую, превращал ее в лучшую копейку на земле, и подгонял ее прямо к подъезду, вплотную.

любовь ивановна кузнецова тем временем стояла у зеркала и раскручивала бигуди, наливала чай с лимоном (дед так любил) в термос, а он, забыв про свою грыжу, двигал мусорные контейнеры,

чтобы подогнать копейку поближе к подъезду.

любовь ивановна усаживалась на переднее сиденье,
говорила: «с богом в добрый час», открывала окно, закуривала,
курила,
«с богом в добрый час. трогай, саша»,
дед очень любил, когда она так говорила,
от этих слов ему сразу становилось тепло и не страшно.

дед гнал, говорил: больше скорость, меньше ям.
мой дед говорил: дави на газ, дыши глубоко,
раз, два, три...
из соседних машин ему кричали: козел или старый козел, он
посылал всех к ...ям,
что они все знали о нем и о том спортсмене в трико,
который бежит внутри?

иногда его останавливали гаишники и просили выйти, показать
права.
тогда любовь ивановна говорила: сиди, саша.
саша сидел, она выходила, говорила гаишнику какие-то слова,
и они ехали дальше,

по утренней москве-риге,
золотая коронка во рту любви ивановны сияла,
отражала блики —
так она улыбалась.

в такие минуты мой дед думал, что то, что сейчас происходит
с ним,
должно было произойти лет пятьдесят назад,
когда он вернулся с фронта красивым и молодым,
или сорок лет назад, когда устроился на завод, работал как все —
за идею, не за зарплату,
когда резал трафареты для агитплакатов,
когда так старательно вырезал:
«рабочая неделя сокращается,

налоги с населения ликвидируются,
и жизнь хороша и жить хорошо».

и черт его дернул тогда
пойти после смены в ДК —
не сиделось дома, хотелось пива и покурить —
пойти в ДК и встретить там зину и прожить с ней потом полвека.
и самое интересное, все это время он думал, что вот так вот и
надо жить,
считал себя счастливым человеком.

но теперь-то он ехал по утренней москве-риге, шурился в горизонт,
рядом с ним сидела любовь ивановна кузнецова,
внутренний спортсмен ускорял ход,
и было так кайфово, так кайфово,
да, это слово не из его лексикона,
он бы сказал чудесно, бесподобно,
но это, то, что он чувствовал тогда,
было именно кайфово, дааа...
и вячеслав добрынин тихонько пел:
«мне мерещится — волны плещутся,
и я тону,
взгляд единственный и таинственный
влечёт ко дну,
этот сказочный и загадочный
взгляд голубой,
взгляд голубой,
он может стать судьбой» —

были и другие моменты, когда ему было кайфово,
например, каждую пятницу в половине восьмого,
когда из дальнего угла телевизора выходила первая тройка
игроков,
якубович смотрел с экрана грустными глазами, растягивая в
улыбке кончики усов,

этот лётчик эфира, поедатель воронежской колбасы и чак-чака
из казани,
прячущий ключи от личного автомобиля в каждом кармане,
все это было так волшебным, так странно,
сидеть рядом с ней на тахте, различать нечеткие пятна на
поверхности экрана,
вставать, идти в туалет, стоять там, прижавшись к двери, как
молодой дурак,
заметить, как на тебя кто-то смотрит, взглянуться, а это алан
чумак,
вырезанный из газеты и повешенный над унитазом, снизу над-
пись «улучшает стул».
тоже на него смотреть, стараться не моргать, он-то не моргает,
моргнул.

IV

мой дед говорил: любовь иванна,
он говорил: любовь и ванна,
да, так шутил мой дед.

мой дед умел писать двумя руками, отдельно и одновременно,
такая суперспособность была у моего деда, как у бэтмена, бёрд-
мена, супермена.

однажды у моего деда случился инсульт, мир окрасился кислотно-
яркими красками,
все вокруг стало двигаться очень мед-лен-но,
его правый глаз в какой-то момент перестал открываться,
а правая сторона лица стала похожа на маску царя агамемнона,
он говорил так, что никто не мог его понять,
так говорил мой дед.

когда у любви ивановны происходил юбилей или какое-нибудь
другое 8 марта,

дед писал ей своей единственной подвижной рукой то, что он называл стихами:

«любочка, я знаю, что это любовь,
во мне ускоряется кровь,
и так я тебя люблю,
что даже дышать не могу».

однажды мой дед проснулся среди ночи, он встал с кровати и пошел на кухню, отбрасывая тень на стене,
дед сидел на кухне и слушал холодильник марки «зил-65»,
его дряблое тело, покрытое седой шерстью, отражалось в окне.

о чем думал в эти минуты мой дед?
о чем он думал в эти минуты?

может, о том, как умерла его жена зина?
его жена зина умерла от паленой водки,
они с подругами галей и леной после работы зашли в магазин
и купили паленой водки,
дома у лены они «быстро сообразили столик»,
лена разогрела вчерашние котлеты,
галя соорудила свой «фирменный» салат из кинзы и фасоли,
зина оформила селедочку, сели, разлили, подняли за то, за это,
налили по третьей, хором сказали «за нас, богинь»
и выпили.

через сорок минут они
были доставлены в реанимацию,
доктор вышел к деду в коридор и, не поднимая головы,
сказал: увы, увы.

может, мой дед, сидя на кухне
и отражаясь в окне, думал о том,
как умерла его жена,
или, скорее, он думал, зачем она умерла.
так было надо, думал мой дед,
это была высшая справедливость,

так, разумеется, думать не хорошо,
но так, наверное, думал тогда мой дед.

затем он вернулся в комнату, выключил свет,
завел граммофон и лег в постель,
«так было надо», — думал мой дед,
а вячеслав добрынин тихонько пел:
«в этом городе, шумном городе,
на склоне дня,
взгляд твой искренний,
взгляд твой пристальный
нашел меня,
как мне справиться, как избавиться
от колдовства,
от колдовства кружится голова.
колдовское озеро, это не в лесах,
это, это озеро у тебя в глазах,
никуда не денешься, так к себе манит
колдовское озеро, голубой магнит».

V

любочка в детстве ходила в музыкальную школу,
у нее не было какого-то особенного голоса или слуха,
но зина, ее мать, считала, что все девочки должны ходить в му-
зыкальную школу,
а все мальчики — на футбол
(мой отец отлично играет в футбол).

однажды в доме появился маленький черный футляр,
любочка открыла его и...
открыла его и...
и...
и увидела блестящую, рыжую скрипочку.

толстый ребенок обхватил скрипочку двумя руками

и унес в свою комнату,
очень осторожно положил на подушку
и сел рядом на пол, чтобы смотреть.

когда через день или два зина отвела людочку в музыкальную
школу,
и людочка услышала ужасный скрип,
она не поверила, что такой чудесный предмет,
как ее скрипочка,
может издавать такие ужасные звуки.

после урока людочка принесла скрипочку домой,
сломала об коленку смычок,
положила скрипочку на подушку
и села рядом, чтобы смотреть.

зина, вернувшись с работы, сняла с гвоздика прыгалку,
зашла в людочкину комнату и закрыла за собой дверь,
а мой дед
в этот самый момент
зашел на балкон и закрыл за собой дверь.
он слышал людочкин голос,
она говорила: папа, папочка,
да, так она говорила.

семь лет людочка училась в музыкальной школе,
семь лет в их квартире закрывались две двери.

VI

это произошло 9 марта 1999 года
на детской площадке
возле дома номер 17
по улице Карбышева.

того самого генерала Карбышева,
которого фашисты облили водой
и оставили голым на морозе,
того самого, который покрылся коркой льда
и умер.
бедный генерал.

думаю иногда о нем
и про то, как это все происходило.
один майор канадской армии,
свидетель этой ужасной смерти,
оставил такие слова.

вот что пишет этот майор:
как только мы вступили на территорию лагеря,
немцы загнали нас в душевую,
велели раздеться и пустили на нас сверху струи ледяной воды.
это продолжалось долго,
все посинели,
многие падали на пол
и тут же умирали: сердце не выдерживало,
потом нас выгнали во двор,
генерал карбышев стоял
в группе русских товарищей,
совсем близко ко мне.
через несколько минут
гестаповцы,
стоявшие за нашими спинами
с пожарными брандспойтами в руках,
стали поливать нас холодной водой...

к чему это я,
подумаешь, что там могло такого произойти
на улице карбышева
9 марта
на детской площадке,
какая-то частная история,

и даже никто не умер,
вернее, умер, только потом, попозже.

а произошло вот что:

любочка сидела на низкой скамейке, рассматривала лежащие
в песочнице забытые игрушки,
любовь ивановна показала откуда-то с правой стороны,
зажав под мышкой теплый хрустящий батон без горбушки,
давняя привычка — ребенок войны.

любочка, увидев любовь ивановну, подалась назад
и сказала: тетя любя,
как-то прямо даже вроде бы ласково, на первый взгляд,
на самом деле прозвучало грубо.

потом еще был ряд существительных: квартира, гараж, машина
и два глагола: не позволю и проклянц,
то есть, как бы, получается —
пять слов, минус словесный мусор, жестикуляция и мимическая
морщина,
всего одна.

любочка осталась сидеть у песка,
палочкой рисуя скрипку без смычка.
любовь ивановна пошла дальше, расковыривая батон,
она думала: обычный мужчина, психованная дочь, дурацкий
балкон.
спортсмен притормозил, почувствовал неожиданную резкую
боль во всем теле,
он теперь не бежал, а шел еле-еле.

VII

а мой дед
в этот самый момент

сидел на своей дымной кухне,
мягкие лучи пробивались откуда-то справа
через пыль стекла,
дед шурился и курил золотую яву,
стряхивая пепел на край стола.

перед ним на столе лежали молоток и гвоздик —
металлические свидетели его бессонных ночей,
послезавтра у нее будет праздник, соберутся гости,
все будут говорить о ней.

он придет последним, не повяжет галстук,
оголит свою седовласую грудь,
скажет тост, что-то пошное, про неожиданное счастье,
на нее не посмеет даже взглянуть.

VIII

он звонит в звонок, поправляет галстук,
в целлофане «Аленка» и «Абсолют»,
там, за дверью, он слышит, в разгаре праздник,
он еще простоит так десять или пятнадцать минут.

он сначала звонил, писал, стучался,
под балконом ее сидел и думал: «долбанный старый Ромео, твою
мать
может, яду выпить и тут остаться,
но противно — голуби могут обоссать».
...

восемь лет прошло,
он сидел на кухне,
отражался в грязном двойном стекле,
слушал гул холодильника, улыбался,
вылетал из окна на старой метле.

поднимался к ее окну, стучался,
проверял — не горит ли случайно свет,
поправлял усы и назад спускался,
относил метлу в туалет.

IX

сколько он еще прожил после нашей последней встречи,
месяца полтора, два?
я пришла к нему вечером,
мы говорили какие-то слова,
в основном я, он молчал,
давил окурки в консервную банку,
что-то в ответ мычал,
расковыривал от заусенца ранку.
в конце я спросила, чем он занят сейчас,
он сказал, что подводит итоги,
что прожил в целом неплохую жизнь,
женился, жену свою уважал,
родил детей, дождался внуков,
работал, старался не обманывать,
не воровал, выпивал только по праздникам,
встретил несколько плохих людей, но больше хороших,
прочитал несколько хороших книг, но больше плохих,
любил собак, не любил кошек,
любил собирать грибы, рыбу ловить не любил,
в бога не верил, но всегда подозревал, что он есть,
и если тот его сейчас слышит, то пусть простит.

а потом он умер.
за несколько дней до смерти, поздно ночью
он позвонил моему отцу и сказал: «лёха...»,
он сказал «лёха...» и повесил трубку.

К о н е ц

Анна Батурина

КАФЕ «ШАРУР»

пьеса в одном действии

Действующие лица:

А с е л ь — 22 года, казашка с театральным образованием.

Ж о л д ы з — ее тетя-опекунша, 40 лет.

С е р и к — 13 лет
М а н с у р — 18 лет } сыновья Жолдыз, двоюродные братья Асель.

К а р л ы г а ш — мама Асель, 45 лет.

Е в г е н — 36 лет, индивидуальный предприниматель, русский.

Ж а н н а — 26 лет, русская с филологическим образованием.

Л е н к а К о п ы л о в а — 24 года, русская, девять классов.

Ш о л п а н — 21 год, бывшая одноклассница Асель, казашка.

Б е л о в — бывший одноклассник Асель, 21 год, русский.

Т е т я Э л ь в и р а — дальняя родственница Жолдыз, 46 лет, казашка.

К а н а т — сын тети Эльвиры, 25 лет, агент страховой компании.

Т а г и р — хозяин закуской, 33 года, азербайджанец.

К а м и л ь — его сын, 9 лет.

1-я картина

Деревня в Нагайбакском районе Челябинской области. Дом казахской семьи. Из мебели только низенький столик — достархан — и кресло с верблюжьим пледом. Весь пол и стены задрапированы красно-белыми войлочными коврами с казахскими орнаментами. Ж о л д ы з — вдова — расчесывает седые волосы, заплетает их в косу, повязывает на голову цветной платок. Скатывает вычесанный пучок между ладоней и бросает на горелку газовой плиты. Волосы мгновенно вспыхивают, испаряются. Жолдыз ставит на плиту чайник, открывает форточку. На улице

М а н с у р колет дрова, а С е р и к перетаскивает их в сарай.

Ж о л д ы з (*в форточку*). Мансур! Где Асель?

Мансур. Не знаю.

Жолдыз. Мансур! Позови Серика!

Мансур. Ага.

Жолдыз. Мансур! Серика позови!

Мансур. Серик!.. Серик в сарае. Щас придет!

Жолдыз (*замечает Серика, громко кричит в форточку*). Серик! Серик! Асель где у нас?

Серик. Асель по телефону в огороде триндит!

Жолдыз закрывает форточку, оборачивается. В кресле сидит Асель, отправляет кому-то смс.

Жолдыз. О! Вот ты где!

Асель. Что, уже нельзя в туалет выйти?

Жолдыз. Не в таком же виде! Иди, переоденься! Тебе перед братьями не стыдно? Где халат! Хоть руки закрой!

Асель. Может, мне еще и платок носить?

Жолдыз. Ты нас сегодня кормить будешь? Братья не ели еще!

Асель. Вчера шурпа осталась.

Жолдыз. Ты совсем в своем городе обленилась!

Асель. Щас! Разогрею! (*Бросает телефон в кресло, идет к плите.*)

Жолдыз. Кому опять пишешь? Ищи работу.

Асель. Какая у вас здесь работа?

Жолдыз. Я тебя зря выучила, что ли? Хоть в клуб, хоть в школу иди!

В это время Серик молча заходит, скидывает куртку, рабочие рукавицы и садится к достархану, ожидая обеда.

Асель. У меня другая профессия.

Жолдыз. Серик! Ты быкам дал?

Серик. Мансур быкам дал.

Жолдыз. А Заурбека накормили?

Серик. Мансур Заурбека накормил!

Жолдыз. А где Мансур?

Серик. Мансур в огороде. Он в туалет пошел!

Жолдыз накрывает достархан скатеркой. Возвращается Мансур, тоже подсаживается к столу.

Ж о л д ы з . Вот! Умер отец... Обещал-обещал сортир в доме сделать, не дождались... А наш-то совсем развалился! Мансур, ты бы хоть яму вычистил!

М а н с у р . Ага.

С е р и к . А мне папа приснился! Он сказал, компьютер купит!

М а н с у р . Мне тоже отец снился.

Ж о л д ы з . И тебе снился?

М а н с у р . Позвал меня поступать в МВД...

Ж о л д ы з . Да к чему это? Асель! А тебе дядя Ильхам не снился?

А с е л ь . Мне снилась мать. Пора бы навестить.

Ж о л д ы з . Я сама схожу! Тебе у нее делать нечего!

А с е л ь . Она мне все-таки мать.

Ж о л д ы з . Мать — не кто родила, а кто воспитала!

Громко хлопает форточка от сквозняка, на пороге появляется мама Асель — Карлыгаш. Это пьющая женщина лет сорока пяти, одета очень грязно, короткие волосы сожжены химической завивкой, нижняя губа синяя и распухая. Женщина входит в дом и падает на пол.

А с е л ь . Мама!

К а р л ы г а ш . Салам алейкум!

С е р и к . Тётя Карлыгаш!

Ж о л д ы з . Тихо! Асель! Иди, надень халат!

А с е л ь . Ладно... *(Асель уходит в комнату, быстро накидывает цветной плюшевый халат, возвращается. Карлыгаш по-прежнему лежит на полу.)*

К а р л ы г а ш . Жолдыз! Храни тебя Бог, Жолдыз!

А с е л ь . Мама! Садись! Мама, садись! *(Пытается помочь Карлыгаш подняться.)*

К а р л ы г а ш . Плохо мне, дочка!..

Ж о л д ы з . Сестра! Ты сегодня что-нибудь ела? Давай шурпы, горяченькой? Асель готовила, попробуй!

К а р л ы г а ш . Мне плохо! Я есть не могу!

Жолдыз. У врача была? Ты была у врача?

Карлыгаш. Как мне больно. Какой врач! Я умирать пришла.

Асель. Мама, ты не умрешь, не говори так...

Карлыгаш. Прости меня, Асель. Прости, дочка.

Асель. Мама, поешь!

Жолдыз. Мансур! Вызывай скорую! Чего любишься!

Мансур встает из-за стола, берет сотовый.

Мансур. А как в скорую из «Билайна» позвонить?

Жолдыз. Звони!

Мансур. Я чё, знаю?

Асель отбирает у него телефон, звонит в скорую.

Асель. Ало! Ало! Маме плохо! Нет, не сердце... Мира, семнадцать... А вы скоро? Скоро?..

Карлыгаш. А ну, брось трубку! Иди сюда!

Жолдыз. Асель! С тобой мать разговаривает!

Карлыгаш. Брось трубку, тебе говорят! Будем обниматься. Доченька, моя родная доченька...

Асель. Сейчас скорая приедет, мам...

Карлыгаш обнимает Асель, закрывает глаза.

Карлыгаш. Ты у меня красивая, дочка. Я вижу...

Асель. Как ты видишь, мам, ты же глаза закрыла?.. Открой, мам!

Карлыгаш. Спасибо, Жолдыз... Ты все сделала, как надо... Молодец...

Жолдыз. Как могла, Карлыгаш...

Карлыгаш. Она совсем взрослая... Я посчитала, это уже двадцать лет...

Жолдыз. Двадцать два.

Карлыгаш. Ей надо хорошего мужа. Понятно, Жолдыз? Ты слышишь?

Жолдыз. Я ищу, Карлыгаш, ищу!

Карлыгаш. А она все равно — моя кровь... Похожа на меня... Всё, умираю...

Серик. Мама, я спать! *(Убегает в комнату.)*

Жолдыз. Серик перепугался... Ты напугала его совсем!..

Мансур. Почему скорая еще не едет?

Жолдыз. А ты как хотел? Дорогу развезло!..

Асель. Мама, прости меня... Прости меня... Прости меня...

Жолдыз. За что прощенья просишь, а?

Карлыгаш *(внезапно открывает глаза, говорит очень внятно)*. Ой! А у меня для тебя подарок, Асель!.. *(Из внутреннего кармана куртки она достает маленький сверток с деньгами.)*

Жолдыз. Что там?

Карлыгаш. Так, ничего *(шутит, улыбается)*. Заначка это! Спрячь! Быстро! Думаешь, твоя мать нищая совсем? А вот и нет! *(дергает Асель за нос)*. Что, рассмешила тебя? Век живи и век радуйся, понятно?

Карлыгаш снова закрывает глаза.

Асель. Мама! *(Тормозит ее.)* Можно я в город поеду, мама? Ты мне разрешаешь, мам? Скажи, мам?

Карлыгаш. А что там делать?

Жолдыз. Кто тебя там кормить будет! Выдумала!

Асель. Я работу найду! Я в театр устроюсь! Я буду в кино сниматься, мам!..

Карлыгаш. Ты? В кино?

Жолдыз. Пусть в клубе нашем работает! Куда опять? Приключений захотелось?

Карлыгаш. Пусть едет, Жолдыз. Не держи.

Жолдыз. Карлыгаш! Думай, что говоришь! Ты ей какой жизни хочешь?

Карлыгаш *(улыбается с закрытыми глазами)*. Дышите глубже, жизнь прекрасна!

Асель обнимает маму, мама теряет сознание.

Жолдыз *(глядит Асель по голове)*. Держись, ласточка...

Мансур. Пульс есть у нее?

Ж о л д ы з . Да всё... Откуда... Пятнадцать лет прожить с таким диагнозом...

М а н с у р . И пить столько!..

А с е л ь . Заткнись!

Асель встает, уходит в свою комнату. Стены в комнате оклеены постерами и афишами, над самой кроватью висит портрет Джонни Деппа в пиратском костюме. Асель снимает его со стены, сворачивает в тубус. Ногой выкатывает из-под кровати пыльную дорожную сумку. Скидывает в нее вещи. Сквозь бамбуковую занавеску, отделяющую комнату от гостиной, она слышит разговор тети Жолдыз со старшим сыном.

Ж о л д ы з . Экология наша... А вы всё курите! Обо мне подумали бы! Тебе мало, что отец в пятьдесят загнулся?

М а н с у р . Щас, скорая приедет... Собаки в конце деревни лают...

Ж о л д ы з . Да ничего уже не сделают... Ничего...

М а н с у р . А вдруг откачают? Ее так сто раз откачивали!

Ж о л д ы з . Всё, отмучилась...

Асель выходит из комнаты. Смотрит на свою мать, закрытую цветным платком. Подходит к ней, подкладывает подушку под голову.

Ж о л д ы з . Щас, скорая приедет, дочка...

А с е л ь . Тётя Жолдыз, я уезжаю.

Ж о л д ы з . Как ты уезжаешь?

А с е л ь . Мне надо в город.

М а н с у р . Аселя? Ты чё?

А с е л ь . Так нам всем будет лучше.

М а н с у р . Аселя? Ты где там жить будешь?

А с е л ь . У друзей поживу.

М а н с у р . Каких друзей! Ты что говоришь!

А с е л ь . Сниму квартиру.

Ж о л д ы з . Сколько она тебе принесла? Сколько там денег?

А с е л ь . На первое время хватит, тетя Жолдыз. Я работу найду. Это вам. *(Асель кладет на стол тысячу рублей.)*

Ж о л д ы з . Забери! Я что, не знаю, какая у нее пенсия?

Асель обнимает тетю.

Жолдыз. Я тебя не пушу, Асель! Что ты делаешь?

Асель. Мама меня отпустила. Вы же слышали. Отпустила... Вы сами слышали... До свидания.

Жолдыз. Асель! Пусть тебя Мансур до станции проводит!

Асель. Не надо. Не ходите за мной. Я позвоню, как доеду. Не ходите за мной!

Жолдыз. Асель!

Асель. Не ходите за мной.

Асель выходит из дома. Младший брат, Серик, догоняет сестру.

Серик. Асель! Асель! Не уезжай, Асель! Научи меня танец танцевать! Асель!

Жолдыз (*кричит через форточку*). Серик! В дом, я сказала!

Серик. Научи меня, Асель!

Асель. Какой еще танец, Серик?

Серик. Твой тинтоник!

Асель. Может — тектоник?.. Беги в дом.

Серик. Там страшно!

Асель. Дурак! Иди в дом. Тетя Карлыгаш больше не кушается.

Собаки на улице лают, скулят. Тетя Жолдыз и Мансур долго смотрят в окна. Скорая всё не едет.

2-я картина

Белый фон, фотозонты, осветительные прожекторы. Идет кастинг. На подиуме перед экраном стоит Асель. Она поет протяжную казахскую песню «Көзімнің қарасы» (Кэзымным карасы).

Көзімнің қарасы
Көңілімнің санасы
Бітпейді іштегі
Ғашықтық жарасы

Қазақтың данасы
Жасы үлкен ағасы
«Бар» демес сендей бір
Адамның баласы

Жылайын, жырлайын
Ағызып көз майын
Айтуға келгенде
Қалқама сөз дайын

Жүректен козғайын
Әдептен озбайын
Өзі де білмей ме
Көп сөйлеп созбайын

Оператор и режиссер — молодые ребята в свитерах. Оператор одной рукой держит камеру — другой бутылку колы. Режиссер ковыряет подошву, важно расположившись в кресле и закинув ногу на ногу.

Режиссер (*оператору*). Мить, ты прослезился?

Оператор кивает.

Режиссер. И я прослезился. Что-нибудь современное есть в репертуаре?

Асель. Тектоник могу показать.

Режиссер. Это как?

Оператор. Это танец такой. Пусть покажет.

Асель без музыки исполняет ритмичный танец.

Асель. Хоп-хоп, так-так, и раз — и два!.. Хоба-хоба!..

Режиссер. Достаточно. Что не задорно так? Кто-то умер? На какую роль будем пробоваться?

Асель. А какая есть? Я всё могу!

Оператор. Асель Бахытовна! Ты Чулпан Хаматова, что ли?

Асель. Мне срочно нужна работа.

Режиссер. Туфлиними. Стой.

Асель снимает туфли, держит их перед собой.

Оператор. Метр шестьдесят!

Асель. Метр шестьдесят два.

Режиссер. Следующая!

Входит высокая блондинка.

Б л о н д и н к а . Людмила, двадцать лет!

Р е ж и с с е р . Сними туфли.

Блондинка и Асель стоят босиком.

О п е р а т о р . Европеоид и монголоид!

А с е л ь . Что?

Р е ж и с с е р . Людмила, скажите, как вы узнали о нашем кастинге?

Б л о н д и н к а . Заполнила анкету в агентстве...

А с е л ь . Мне так и стоять?

Р е ж и с с е р . Нет, идите, идите.

О п е р а т о р . Спасибо!

А с е л ь . На здоровье.

Асель обувается, забирает свою дорожную сумку, выходит в коридор. Ожидающие в очереди переодеваются, красятся, распеваются, ходят из угла в угол. Гудит сотовый телефон в сумке. Асель несколько мгновений смотрит на трубку, принимает вызов.

А с е л ь . Да, тетя Жолдыз... Салам... Нормально... Да... Нет... Дома... Я дома!.. Снимаю. Снимаю возле метро, все нормально!..

Г о л о с т е т и Ж о л д ы з и з т р у б к и . Тут с тобой братья поговорить хотят! (*Мансуфу.*) На, поговори с ней!

Г о л о с М а н с у р а . А чё я говорить должен?

Ж о л д ы з . Поздоровайся!

М а н с у р . Салам, сестренка! Ага!..

С е р и к . Аселя! Когда ты приедешь?

Ж о л д ы з . Слышала?

А с е л ь . Ага... Салам.

Ж о л д ы з . Там тепло?

А с е л ь . Где?

Ж о л д ы з . В квартире твоей тепло? А кто соседи? Там есть мужчины? Там мужчины есть?

Асель смотрит на актрис, сидящих рядом.

А с е л ь . Нет. Не беспокойся.

Ж о л д ы з . Что ты ешь? Ты сама варишь?

А с е л ь . Да, все нормально, тетя Жолдыз!

Ж о л д ы з . А казан? Казан тебе привезти?

А с е л ь . Тетя Жолдыз! Ну зачем мне одной — казан?

Ж о л д ы з . Я могу маленький привезти! Помнишь, у меня и маленький казан есть?.. Аселя! А масленка у тебя там какая?

А с е л ь . Что? Масленка?..

Ж о л д ы з . Как? Ты живешь без масленки? А в чем ты масло складываешь? Как это можно без масленки жить? Я скажу Мансуру, он привезет тебе масленку, пиалку, картошки и конины! Мы Заурбека зарезали! Слышишь меня? Заурбека зарезали!

А с е л ь . Не надо мне везти... Я Заурбека не буду есть, тетя Жолдыз!

Ж о л д ы з . Я лучше знаю! Давай адрес! Говори адрес, Асель! Какой у тебя адрес? Где ты там живешь!?

А с е л ь . Тетя Жолдыз... Вышлите мне денег лучше. Рублей тысячу... Сможете? Я с зарплаты верну, когда устроюсь. Хорошо?

Ж о л д ы з . Какую тысячу? Целую тысячу? На что такие деньги? Ну ладно... Последний раз, понятно?

А с е л ь . Да. Понятно.

Ж о л д ы з . Если до конца месяца не устроишься, я за тобой с Мансуром приеду! Слышишь? Асель! Вчера тетя Эльвира звонила, Канату ищут невесту! Помнишь тетю Эльвиру? Она тебе рамку на выпускной дарила! Они очень богатые! Помнишь сына ее?

А с е л ь . Ой! Ой! Тетя Жолдыз, я перезвоню, там ванна набирается! Блин! Там вода уже!.. Я про ванну там забыла совсем! Извини!.. Я тебе перезвоню!..

Две актрисы в джинсах и розовых кофтах смотрят на Асель, переглядываются.

А с е л ь . Вы тоже результаты ждете?

Молчание.

Результаты когда будут, не знаете? Мне сразу не сказали ничего...

Актриса справа (*отвечает приятным хрипловатым баритоном*). А мне тоже не сказали...

Актриса слева. Позвонят, если надо.

Актриса справа. Что ты на меня так смотришь?

Асель. Ничего, все нормально... Показалось, что вы девушки. Извините!..

Актриса справа. Все нормально?..

Актриса слева. Акто мы, по-твоему, мальчики, что ли?

Асель. Ой!!! Нет, нет! Извините!!! Я не то хотела сказать! Я перепутала всё!..

Актриса справа. Чукча, ты откуда? Из тундры?

Актриса слева. Дайте кто-нибудь сигаретку!

Асель уходит. Ей вслед смотрят другие пестрые существа неопределенного пола. Женщина-администратор преграждает Асель дорогу.

Администратор. Вы куда? Разве уже оплатили?

Асель. Что?

Администратор. Читать по-русски-то не умеешь? На стенде — платный кастинг!

Взгляд Асель останавливается на стенде с ламинированными объявлениями, среди которых объявление «Сериал “Лучшие друзья” — глобальный молодежный кастинг!» и список условий на участие в кастинге мелким шрифтом.

Асель. А? Да, конечно... А сколько?

Администратор. Пятьсот.

Асель. Пятьсот? (*Долго роется в сумке, наконец находит деньги, завернутые в прозрачном файле с документами, рассчитывается.*) Возьмите.

Администратор. Всего доброго! Удачи в кастинге!

3-я картина

Продуктовый павильон в торговом центре. Мясная лавка. Витрины и лотки заполнены куриными тушками, филе, полутушками, полуфабрикатами. Рядом висят свиные головы, говяжьи окорока, вокруг

очень шумно. Мясо рубят, кидают, привозят, увозят — всё происходит в таком ритме, как будто яркие туши сами собой перемещаются по павильону, чудовищно трансформируясь и перевоплощаясь из слонов в колбасные обрезки.

За прилавком работают Асель и Жанна. Жанна — девушка с короткой стрижкой, вываливает из коробки в лоток куриные крылья, вытирает руки фартуком.

Асель. А лапы куда?

Жанна. Между прочим, это называется голени.

Асель. И куда?

Жанна. В нижнюю.

Асель переставляет лоток в нижнюю камеру холодильника.

Жанна. Привыкай поворачиваться!

Асель. Я привыкаю.

Жанна неожиданно подпрыгивает и повисает на крючках для туш. Раскачивается, болтает ногами, висит то на одной, то на другой руке.

Жанна. Не обращай внимания. Фитнес. Работаю над косыми мышцами и поясницей!

Мимо прилавка парень-кореец катит тележку.

Кореец. Обед!.. Обедать будете?

Жанна. «Три в одном»! Асель, кофе пьешь?

Асель. Не, мне не надо!..

Жанна. Почему?

Асель. Я дома!..

Жанна. Денег, что ли нет? Антон! Два три в одном!..

Кореец Антон ставит на прилавок два дымящихся стаканчика.

Жанна. Пей. До дома еще как до Кореи пешком, да, Антоха?

Кореец улыбается, уходит.

Асель. Спасибо. Мне тетя вышлет, я отдам. Комнату сняла, а деньги только так все улетают...

Жанна. Улетают. Понятно. Куришь?

Асель. Нет, нет.

Жанна. А чё!.. У меня соседка съезжает, давай вместо нее — заселяйся. Пополам будем. За комнату... Ну, как? О чем задумалась? Много будешь думать — заселю Наташку из «рыбы»!.. (Показывает на рыбный павильончик.) Ты здесь надолго вообще?

Асель. Нет. Ненадолго. Я другую работу ищу...

Жанна. Другую работу?.. Бывает! Я, так-то, сама — журналист! А у Евгена вообще театральное образование! Артист! Семь лет мясом торгует!

Асель. Евгений?

Жанна. Ну, наш Евгений!.. До сих пор с хозяином лавочки не познакомили? Ну, держись, не падай только! Он странный.

Асель. Он театральный закончил?

Жанна. Наверное, закончил...

Асель. И я тоже...

Жанна. Поздравляю. Куда деваться! Одна богема вокруг! В свободное время, кстати, подработку берем: на мясорубку можно вставать. Кидаешь, крутишь, вываливаешь. Кидаешь, крутишь, вываливаешь. Только волосы свои прибирай лучше!.. За волосы в мясе у нас жестоко штрафуют! Кидаешь, крутишь, вываливаешь...

Жанна закидывает в огромную мясорубку свиную вырезку, прокручивает, фарш вываливает в металлический бак.

В это время две огромные телячьи туши раздвигаются, появляется молодой человек в белом свитере.

Евген. Ну как работа, нравится?

Асель. Нравится.

Евген. Хороший, кстати, фарш. Советую! Питательный...

Асель. Я свинину не ем.

Евген (смотрит на новенькую). А я — ем.

Евген зачерпывает рукой свежий фарш и ест его.

Жанна. Свинину не ест — может, она еще и девственница, а, Евгений?

А с е л ь . Разочарую!.. Еще на первом курсе, того!..

Е в г е н . Да? А зачем так поспешно?

А с е л ь . Надо было... Посмотреть, что это... Вдруг у меня будет роль, где я должна любить? И как я сыграю, если не знаю, что это вообще?

Е в г е н . Теперь знаешь, да?

А с е л ь . Нет. И теперь не знаю. Но в кино — смогу.

Е в г е н . Кино — это страшная сила. А я тоже люблю — и в театр, и в кино... Как-нибудь поговорим об этом, если ты не против... Не против?

А с е л ь . Нет, не против...

Евген пожимает Асель руку и уходит, перепрыгнув через прилавок.

Жанна . Ну ты и отожгла, девственница! На, поставь крылышки на вторую!

Жанна передает Асель лоток.

А с е л ь . Это Евгений, да?

Жанна . Евгений Михалыч. Мясник и герой-любовник.

4-я картина

Евген и Асель выходят вместе из кинотеатра. На нем драповое пальто, белый шарф и кроссовки, на ней — цветной пуховик. Они идут очень медленно. Асель постоянно останавливается и разглядывает прохожих, витрины, всплывающие на асфальте неоновые огни...

А с е л ь . Интересно, а ты кто по нации?

Е в г е н . Что?

А с е л ь . Просто интересно. Точно же не русский...

Е в г е н . Кто такие русские, вообще? Они есть в природе?

А с е л ь . Так ты кто?

Е в г е н . Что за вопрос? Живу в России, значит, русский.

А с е л ь . А из какого города? Вот я родилась в Париже...

Е в г е н . Где?

А с е л ь. Париж — так деревня под Магниткой называется!
Я серьезно! А ты где родился?

Е в г е н. Аркалык.

Она обнимает Евгена, потом забирает у него сигарету.

Е в г е н. Эй! Отдай!

А с е л ь (*курит*). Так? Я правильно держу?

Е в г е н. Отдай! Ты когда так делаешь, я вспоминаю про кинотеатр и волноваться начинаю!

Асель смеется, закашливается.

Е в г е н. Ты чё?

А с е л ь. Ничё. Так красиво...

Е в г е н. Что красиво?

А с е л ь. Всё. Свобода! (*Читает вслух вывески и объявления.*)
Вон! «Покупаем волосы!»... Может, свои продать? «Шейпинг и аэробика»... Смотри, объявление «Требуются девушки в тайский массажный салон»!

Е в г е н. Ага!.. Хорошо, что у тебя уже есть работа!

А с е л ь. Это точно... О! Смотри! (*Асель останавливается возле рекламного столба, шелестящего маленькими выцветшими объявлениями.*) Актерский набор! (*Обрывает телефон, прячет его в кармане.*) Евгений, ты если увидишь про кастинги, скажи мне, хорошо?

Е в г е н. Окей, скажу...

Мимо проходят двое парней с дредами, один из них задевает Асель плечом.

Е в г е н. Хочешь, извиниться его заставлю перед тобой, хочешь?

А с е л ь. Давай...

Е в г е н. Э! Уважаемый! Можно вас на секундочку?... Можно вас?!

Парни с дредами не слышат, переходят на другую сторону улицы.

Е в г е н. Запел патлы в какашки — и король вселенной!
Щенки позорные... Строят из себя!

Асель. Не злись. Не идет тебе!..

Евген. Да я не злюсь. Как я злюсь, ты еще не видела!

Асель. Стой! Красный!

Евген. Обьедет!

Проезжает тонированный автомобиль, Евген и Асель переходят улицу. Парень в капюшоне протягивает им рекламные листовки.

Асель. Спасибо!

Евген молча выбрасывает свою листовку в мусорку. Асель долго разглядывает лощеную бумажку.

Евген. И что там?

Асель. «Скидки любимым в ювелирном салоне!»

Евген. Да выброси ты макулатуру! *(Евген забирает у Асель листовку. Роемся в кармане своего пальто, достает пластмассовую игрушку.)* На, это тебе.

Асель. Что это? Вау! Спасибо! *(Обнимает его.)* Это же магнитик на холодильник!

Евген. Мне так нравится, как ты радуешься! Может, ко мне зайдем? Хочешь? Давай?

Асель. Нет.

Евген. Почему? Что-то не так? Ты не хочешь побыть со мной еще немножко?

Асель. Хочу...

Евген. Так почему? Ты сама же себе противоречишь! Если ты сама этого не захочешь, ничего не будет... Ты мне веришь?

Асель. Да дело не в этом...

Евген. А что такое? В чем дело?..

Асель. Стесняюсь...

Евген. Меня стесняешься?

Асель. Нет... Не тебя...

Евген. А чего, например?

Асель. Ну ты достал... Я не думала, что мне разуваться придется... Ты предупреждай в следующий раз! И вообще, может, у меня на колготках дырка!..

Евген. Ну что за глупость! Асель! Асель, да мне плевать на колготки твои... Малютка! Иди сюда, обнимемся! *(Обнимает ее.)*

Маленькая моя... Ну хочешь, щас целые колготки купим? Переоденешься?

Асель. Нет, я домой.

Евген. Значит, дело не в колготках...

Асель. А в чем?..

Евген. Как скажешь...

Асель. Надеюсь, ты меня провожать не собрался?

Евген. Пойдем, пойдем! Не только провожать, еще и на чай попроситься!

Асель. Нет.

Евген. Что тебе, чая жалко?

Асель. Нет... Евген, я с Жанной!.. Я не одна живу!

Евген. Можно подумать, я у Жанны не был!

Асель. Что ты там делал?

Евген. Да так, заходил сто лет назад уже..

Асель. Там такой холодильник страшный...

Евген. Я в курсе. Я даже знаю, что у вас кран течет и что воюет в кладовке. Я всё там уже видел и всё нюхал!.. Пойдем! Кран починим и прибьем тебе какую-нибудь картинку над койкой!

Асель. Не надо. У меня есть картинка. Извини.

Евген. Ой, что это у тебя стучит? Набойка стопталась? Надо глянуть.

Асель. Евген!

Евген. Ну что ты переживаешь? Мы все не звезды голливуда, чё стесняться-то?

Асель. Евген!

Евген. Что за глупость?

Асель. Ты очень хороший! Обо мне никто никогда так не заботился...

Евген. Да ладно тебе...

Асель. А я серьезно говорю...

Евген. А я совершенно серьезно говорю, что люблю тебя... Такую, какая ты есть... С дырками и с набойками... А может, за них, в первую очередь, и люблю...

Асель. Мы словно из старого фильма... Где идет дождь...

Евген. Ты сама не представляешь, какая ты маленькая и миленькая... Я не из фильма, Асель. Я просто хочу о тебе заботиться. Я просто хочу всегда быть рядом... Позволь мне...

А с е л ь . А я никогда еще не чувствовала себя такой счастливой, Евгений. Это ты виноват. Спасибо...

Асель обнимает его.

Е в г е н . Пойдем ко мне? Идем? Ну? Асель? Очнись!

А с е л ь . Идем.

5-я картина

Окно на шестом этаже. Маленькая комнатка. Джонни Депп над железной койкой. В оконном проеме — Асель. На ней безразмерная футболка и тапочки. В металлической тарелке горит свечка. Асель нагревает над свечкой ножницы и подрезает кончики волос. Собирает волосы в тарелке, поджигает. Открывает форточку. Летит дым. Асель забирается на подоконник, натягивает футболку на колени. Слышно, как в замке входной двери поворачивается ключ, как шуршат куртки в прихожей, шаги... Входит Жанна, включает в комнате свет. Ставит продукты на стол рядом с подоконником.

Ж а н н а . Опять паленым воняет.

А с е л ь . Нельзя выкидывать волосы... Надо сжигать... *(Асель берет со стола упаковку с крабовыми палочками, рвет обертку зубами, ест.)*

Ж а н н а *(смотрит на Асель)*. Что ты делаешь?

А с е л ь . Прогоняю мысли...

Ж а н н а . Я говорю, ты нормально-то открывать не умеешь?

А с е л ь . А чё?

Ж а н н а . Как зверье!

А с е л ь . Ага... Ты меня завтра минут на пятнадцать с работы отпустишь?

Ж а н н а . Куда тебе?

А с е л ь . Договор подписать.

Ж а н н а . Каламбия пикчерз дает добро?

А с е л ь . Такие кастинги раз в год бывают! А то и реже.

Ж а н н а . Ты прошла?

А с е л ь . Вроде бы... Кажется, да... Кажется, я прошла... На этот раз... Мне выпал счастливый билетик... Можно йогурт?

Жанна. Офигеть! Асель! Офигеть! Наконец-то, хоть чё-то обломилось! Конечно, ешь! На! Салатик хочешь?

Асель. Ага.

Жанна. И сидит! И молчит! Ты чё?

Асель. Жанна! Только честно. У меня есть уральский говор?

Жанна. Ты о чем?

Асель. Сказали, им как раз надо уральский говор. У меня чё, прям говор?

Жанна. А чё это?

Асель. Ну, это когда на «о» говорят и слова проглатывают. Я чё, так говорю, да?

Жанна. Ты нормально говоришь!

Асель. Жанна, я чё, говорю не по-русски? Я коряво говорю, что ли? У тебя диктофон есть в телефоне, а? Давай эксперимент проведем?

Жанна. Блин! Батарея села. А фильм когда выйдет? По какому каналу выйдет?

Асель. Откуда мне знать! Еще не читали сценарий даже...

Жанна. Рассказывай всё! Как прошло? Раздеваться просили?

Асель. Тебе только раздеваться!

Жанна. Офигеть! Ты Евгению звонила? Он уже знает?

Асель. Пошел он...

Жанна. Почему? Он что, тебе отказал? Он тебе не занял? Да? Вот гад!.. Скотина... А как за квартиру отдавать?

Асель. Отдам.

Жанна. С каких... ты отдашь? Опять Жанночка должна!..

Асель. Не кричи, Жанна. Все спят.

Жанна. Что хочу, то и делаю, понятно? Я плачу за комнату!

Асель. Сама знаешь мое положение...

Жанна. А кто виноват? Предохраняться научись! Это дешевле, чем аборт.

Асель. Как ты думаешь, у меня еще могут быть дети?

Жанна. Даже слишком часто могут!

Асель. Я съезжу к тете. Я займу. Тем более, она сама звонила, в гости звала. Не парься, Жанна. Всё будет. Всё срастется, вот увидишь...

Жанна. Тетя твоя про Евгена в курсе?

Асель. Нет... Ты чё! Меня бы сразу убили... А тетя хочет меня выдать, похоже.

Жанна. Выдать? Нашли богатого казаха?

Асель. Если зовет, значит нашли.

Жанна. Не уппусти свой шанс!

Асель. Какой шанс, ага!.. Приглашаю на свадьбу. На поезд займешь, ладно?

Жанна. Сколько надо?

Асель. Как обычно.

Жанна. С такими соседками я на собственную комнату до пенсии копить буду!

Жанна роется на полке и достает записку из жестяной чайной банки.

Отсчитывает свернутые в трубочку деньги, кидает на стол.

Асель. Спасибо. Ты и так до пенсии копить будешь.

Жанна. С гонимых своих вернешь. За съемки.

Асель. Очень смешно! Завидуешь?

Жанна. Я спать. Ноги уберу с подоконника.

Асель. Я покрашу.

Жанна. Не жуй в темноте. Хрустишь, как лошадь. Бесит.

Асель. Дышать надо глубже.

Жанна кидает вещи на спинку дивана, забирается в одеяло. Асель остается сидеть на подоконнике.

Жанна. Вот и дыши теперь. Надеюсь, ты большая девочка и понимаешь, что он не разведется?

Асель. Посмотрим.

Жанна. И тем более, он не оставит там детей.

Асель. Посмотрим.

Жанна. Асель, так бывает только в кино... Не выдумывай лишнего. Очнись уже, наконец. И выходи за того казаха, если чё. Это твой единственный шанс. Я серьезно. Мечты — это мечты, а жизнь — это жизнь. Это в кино все по-другому, а у нас...

Асель. Дура. Я и так в кино! Буду... Только кино и есть жизнь... Только там и есть мой дом, понятно? Он там, в кино. Я пришла... Почти. Я знаю.

6-я картина

Суббота. Деревня в Нагайбакском районе. Вечер. Асель и ее школьная подруга Ш о л п а н останавливаются возле деревенского клуба в здании бывшей школы. На Асель — джинсы, кеды, из-под куртки торчит растянутая майка. Шолпан одета более женственно: ботинки на шпильке, в подмышке зажат лакированный клатч на цепочке. У дверей кто-то привязал лошадь. Асель легонько ее гладит по носу. Лошадь переступает, отстраняется, фыркает.

Ш о л п а н . Это моего брата!

А с е л ь . У нее глазки слезятся...

Вдруг из окна клуба вылетает пивная полтариха и попадает Асель в голову.

Ш о л п а н . Зоопарк!

А с е л ь (*поправляет волосы*). Я нормально выгляжу?

Ш о л п а н . Ну да... Заправь майку.

А с е л ь . Куда заправь? Ты чё? Это специально!

Ш о л п а н . Как хочешь. Лучше бы топик надела...

Вход в клуб преграждает девушка в кожаной куртке. На голых ногах — расчесанные комариные укусы. Это Л е н к а.

Л е н к а . Стоп!

Ш о л п а н . Что-то не так?

Л е н к а . Городских не пускаем!

Ш о л п а н . Ты чё, Ленок, ты Асель не узнала? Ленка! Ты чё? Да ей пофиг на твоего Белова, у ней своя жизнь сейчас! Она театральное закончила!

Л е н к а . Причем Белов здесь? Я сказала!..

Ш о л п а н . Она со мной!

Л е н к а . Прикид беспонтовый! Забыла, куда пришла? Она вообще с утра не расчесывалась, похоже!

Ш о л п а н . Ты сама-то руки после коровника мыла?

Л е н к а . Пошли вон, чернобурки!

А с е л ь . Лен, а ты кто такая вообще, пускать меня или не пускать, а?

Л е н к а . Я — фейсконтроль! Может, по-русски поговорим!

А с е л ь . Давай, поговорим! Думаешь, не отвечу?

Ш о л п а н . Капец! Это уже все границы!.. (*достает из лакированного клатча дорогой сотовый, звонит своему брату*). Ало! Ало! Кобыланды! Есть проблема! Я у входа! У входа в клуб, говорю, стою! Копылова с ума сошла! (*Ленке*.) Щас ты от брата отхватишь, поняла!

Л е н к а . Мне пофиг.

Из клуба выходит К о б ы л а н д ы — здоровый парень лет 18, брат Шолпан. Улыбается.

К о б ы л а н д ы . Лен, она и так раз в год приезжает! Ты чё, издеваешься? Девчонки свои, в одной школе учились, ты чё? А? Ну? Ты чё? Ты успокойся, ага!..

Л е н к а . Отвали. Ей домой пора, чебуреки хавать!

К о б ы л а н д ы . Э! Не груби, а? По-человечески я прошу!

Л е н к а . Я щас колонки грохну! Ты меня знаешь, Кобыланды!

К о б ы л а н д ы . Тихо-тихо! Тебя все знают! И меня все знают. И ее тоже все знают. При чем здесь колонки виноваты? Короче, давай испытание лучше?..

Л е н к а . Какое испытание?

Ш о л п а н . Кобыланды? Ты заболел, да?

А с е л ь . Какое еще испытание?

К о б ы л а н д ы . Асель, ты не обижайся, но — надо... Короче, если ты щас выпьешь, сколько налью — ты проходишь. Не выпьешь — не обижайся. Тут свои порядки. А в городе у вас — свои, по-любому.

Ш о л п а н . Кобыланды!

К о б ы л а н д ы . Тихо, Шолпан. Так будет честно. Я прав или я прав?!!

А с е л ь . Давай. Лейте.

Кобыланды с улыбкой наливает в стакан самогон. До полоски. Асель осушает стакан одним махом.

Ш о л п а н . Хоть бы закусь дали.

К о б ы л а н д ы . Ого! Я же говорю! Я своих-то сразу вижу!
Ш о л п а н . Талант не пропьешь!

А с е л ь (*занюхивает собственными волосами*). Фу!.. Палёвка!..
Всё? Довольны? У меня есть флаер?

Л е н к а (*сплевывает на пол*). В другой раз оденься нормально... Позорница.

К о б ы л а н д ы . Пойдем, Лен, пойдем! Все свои! (*Уводит Ленку, одобрительно кивает сестре через плечо*.) Ну всё! Давайте!

Ш о л п а н . Асель, ты как? Ты нормально? Асель, я тебя не унесу, если чё...

А с е л ь . Да я замечательно просто, Шолпан! Если чё, лошадь у твоего брата угоним, чё, в первый раз, что ли? Танцуй! Отрывайся!

Ш о л п а н (*обнимает и целует подругу*). Я тебя узнаю! Так клёво, что приехала! Зашибись! Ты так танцуешь смешно! Ты стильная такая! Такая смешная! Ты на японку похожа, Асель!

А с е л ь . Что? Что ты говоришь, Шолпан? Я ничего не слышу!!! Белов с Ленкой, да?

Ш о л п а н . А?.. Белов?..

А с е л ь . Беляшек с Копыловой мутит?

Ш о л п а н . У них сыну два года! Ты не знала, нет?..

А с е л ь . Да пусть плодятся!.. Мне-то что!

Ш о л п а н . Что, уже совсем ровно к нему?

А с е л ь . Ровно.

Ш о л п а н . Тогда не смотри туда!..

А с е л ь . Это он смотрит.

Ш о л п а н . Всё ясно.

Асель и Шолпан вливаются в деревенскую дискотеку. В клубе накурено, парни и девушки сидят на корточках вдоль нитроэмалевых стен. Другие чуваки качаются в ритме музыки, несколько девиц танцуют вокруг чьей-то поставленной на пол сумочки, изящно передают друг другу полторашку. Мигают две елочные гирлянды на потолке. Одна колонка стоит на подоконнике, другая — на табуретке. Диджей в вязаной шапке что-то припаивает в углу за музыкальным центром «Витёк».

Б е л о в подходит к Асель.

Б е л о в . Асель! Уже не здороваешься?

А с е л ь . Ты с девушкой.

Белов. Я всё понимаю... Теперь здороваться не надо? Ну, чё, как? В театре работаешь?

Асель. Да. В театре в одном...

Белов. Я так и думал... Молодец. Это же была твоя мечта...

Асель. Да, мечта... Я скоро в кино снимаюсь, я кастинг прошла.

Белов. Что прошла?

Асель. Кастинг прошла!

Белов. А чё это? Экзамен такой?

Асель. Ага, экзамен! Фейсконтроль такой!

Белов. А... А я машину купил... Что еще... Второй этаж с батей построил, у меня сын растёт... Баню построил... Говорили тебе? Газ провел... Даже гусей и свиней завел, ты прикинь?

Шолпан. Асель!

Белов. Асель, пошли, поговорим?

Асель. Твоя Лена смотрит.

Белов. Пусть смотрит.

Ленка подходит к диджею.

Ленка. Диджи, дай айрэнби погромче!

Из магнитофона доносится чувственный голос Тимати, девчонки взвизгивают. Малолетки с кривыми ногами оглядываются на Ленку. Она оголяет плечи, покачивает бедрами и выпускает сигаретный дым кольцами в потолок.

Диджей. Лучшие девчонки у нас в клубе! Ленок! Давай-давай!

Белов. Асель, можно тебя на медяк пригласить?

Шолпан. Асель, пошли отсюда!

Асель. Сейчас пойдем.

Белов. Тебе что, музыка не нравится?

Асель следит за Ленкой. Ленка тушит окурок о подоконник.

Белов. Асель, может, я на мальчика из города не похож?

Асель. Не похож.

Шолпан. Асель, пипец какой-то! Нам линять пора!

Белов. Как пахну, не нравится?

Асель. Нравится.

Ленка подходит к Белову.

Ленка. Всё нормально?

Белов. Да, всё нормально. Мы разговариваем.

Ленка. Всё нормально, по-твоему, да?

Белов. Лен...

Ленка. Всё нормально? А я молчать должна?

Шолпан. Асель, пойдем...

Асель. Эй! Шолпан! Внимание! Народная артистка Асель Бахытовна исполняет модный зажигательный танец — тектоник!

Шолпан. Пипец... Какой пипец!

Белов. Что еще за тектоник? Ты сама придумала? Ну ты фантазерка, как всегда!

Асель исполняет тектоник.

Ленка. Модный танец — это брейк!

Асель. Нет, тектоник! *(Асель прекращает танцевать.)* Ну всё, Шолпан. Пойдем!

Шолпан. Асель!

Асель оборачивается, две незнакомые девушки и Ленка валят ее на пол, гасят. Ленка пинает, Асель закрывает лицо.

Шолпан. Нет! Белов! Оттаскивай!

Белов. Э! Ленка! Ленка! *(Ленка не слушает Белова, бьет Асель.)*

Их окружает толпа, все снимают драку на мобильные телефоны.

Ленка. Отхватывай! Угощаю!

Шолпан. Гомыра! Тебя убьют за это, поняла? Кобыланды!

Белов оттаскивает Ленку, Кобыланды закрывает собой Асель. Асель вырывается и сама бросается на Копылову. Копылова хватает ее за волосы и притягивает головой к полу.

Л е н к а . Не появляйся, поняла? Хорошо запомнила? (Белову.) А ты отпусти меня!

Б е л о в . Отпусти волосы! Волосы ей отпусти сначала!

К о б ы л а н д ы . Я руку тебе щас отрежу, если не отпустишь!

Кобыланды снова удается их разнять.

Ш о л п а н . Асель! Тебе больно? Больно?..

7-я картина

Дом тети Жолдыз. На столе-достархане дымится казан со свежим бешбармаком. За столом на подушках сидят Жолдыз и ее дальняя родственница — т е т я Э л ь в и р а . В кресле сидит сын тети Эльвиры — застенчивый молодой человек по имени К а н а т . В углу комнаты Серик и Мансур играют в компьютер.

Э л ь в и р а . И где она? Уже темно совсем...

Ж о л д ы з . Эльвира, какие у тебя сережки красивые!

Э л ь в и р а . Да это в кредит взяли! А на сколько дней она приехала?

Ж о л д ы з . Да на праздники только...

Э л ь в и р а . Где она так долго-то?..

Ж о л д ы з . Мансур, где Асель?

М а н с у р (*говорит с набитым ртом*). С Шолпан лазит!

Ж о л д ы з (*переводит*). Ушла к подруге, давно не виделись.

Э л ь в и р а . Знала, что мы едем, почему ушла?

Ж о л д ы з . Что ты!.. Наверное, она стесняется! Возьми пилу...

Э л ь в и р а . Рахмат!

Ж о л д ы з . Помнишь, Эльвира, в юрте все лето жили? Как там страшно было! Как ветер шкурами хлопал!..

Жолдыз раскладывает бешбармак по тарелкам.

Э л ь в и р а (*говорит Канату*). Помню, Жолдыз, помню!.. Ее отец чабаном был, коней держал! Мяса поменьше, шурпы побольше!

Жолдыз (подает Эльвире тарелку). Ну что за гость пошел! Мясa не ест! А ты, Канат, почему не ешь? Это не конина, это баранина!

Эльвира. Он стесняется опять!

Канат вздыхает, идет есть бешбармак.

Жолдыз. Серик! Мансур! Бешбармак суп калады! Эльвира тетеден уят кайда?

Серик. Следующий квест мой, понял?

Мансур. Облезешь.

Жолдыз. Тихо!

Серик. Он мне играть не дает!

Жолдыз. Мансур! Поставь тете Эльвире музыку!

Мансур. Ага!

Подходит к компьютеру, включает кондовый матерный рэп.

Жолдыз. Чё это? Кандай уят! Серик! Другую поставь!

Эльвира. Ой, Мансур какой модный, красивый стал! На дискотеки ходишь?

Мансур. Я играю в гэтэа!

Жолдыз. В школу милиции нынче поступает.

Серик включает лирическую казахскую песню.

Эльвира. О! Моя любимая!

Жолдыз. А Серик на баяне учится! А мы сейчас поедим и будем караоке петь! У меня много караоке, я каждому песню задам! Канат, ты петь любишь?

Канат молчит, загадочно улыбается.

Эльвира. Канат красиво поет... (Сыну.) Канат, ты сильно-то не надейся! Унитазa нету, в сарай бегать будешь!

Жолдыз. Не слушай! Зачем в сарай? Можно за дом просто! Ешь! Жених должен есть!

Эльвира. Послушай, Жолдыз. А у твоей Асель точно никого нет в городе?

Ж о л д ы з . Что ты говоришь, Эльвира! Клянусь, она чистая! Вот, гляди — аттестат ее! Вот диплом из театрального! На! Гляди! Покажи Канату! Одни пятерки!

Э л ь в и р а . Ты сделала для нее больше, чем мать. Аллах вознаградит тебя, Жолдыз.

Ж о л д ы з . Не смогу успокоиться, пока не найду ей хорошего мужа. (*Листает фотоальбом.*) А это она в седьмом классе — уже артистка! На! Смотри! Быстрая, как ласточка... Настоящая восточная девушка! Я ее строго воспитала!

Мансур смеется.

Ж о л д ы з . Ну что ты ржешь всё? Быков накормил? Почислил у них? Вот щас мышку заберу от компьютера!

С е р и к . Не надо! Я сам почищу!

Э л ь в и р а . Это где она выступает?

Ж о л д ы з . На дискотеке в нашем клубе. Красавица!

Э л ь в и р а . Какая талантливая девушка!

Ж о л д ы з . А теперь — караоке петь! Караоке! А ну, Мансур! Дай пульт!

Жолдыз затевает караоке, ставит Канату песню «Мой Казахстан» и подает в руки микрофон. Канат зажимается, растерянно поглядывает на мать, братья смеются над ним.

Э л ь в и р а (*толкает сына в плечо*). Ну! Пой! Воды в рот набрал? Чего боишься-то?

Канат срывающимся от волнения голосом пытается вступить в фонограмму, но дает петуха и, еще больше смутившись, замолкает. Серик и Мансур гогочут, Жолдыз навешивает им подзатыльники. Вдруг слышится грохот из коридора.

Ж о л д ы з . Полка, что ли, упала?

На четвереньках в комнату вползает Асель. Тяжело дышит, одежда разорвана, лицо исцарапано. Она наступает себе на волосы, падает. Фонограмма песни про Казахстан заканчивается, звучат фанфары.

Ж о л д ы з . Пьяная?!!

Асель. Нет! Меня побили!!!
Эльвира. Бетім-ай! Какой позор!
Мансур. Асель! Асель!
Жолдыз. Не деген уят.
Мансур. Кто побил? Я найду!
Серик. Ни фига себе!
Жолдыз. Куда собрался? А ну, в комнату! Быстро!
Мансур. Мама!
Серик. В хламину!..
Мансур. В шлак!
Жолдыз. В комнату! Бегом! *(Мансур и Серик уходят к себе в комнату, подглядывают из-за двери.)*
Эльвира. Это ужас... Какой стыд...
Асель *(улыбается)*. О! Тетя Эльвира! Выпьем? Я могу на лошади сгонять! Тут рядом торгуют!
Жолдыз *(бьет племянницу по лицу)*. Ты где была! Ты как нас выставляешь! Сайкал! Ты шлюха!
Асель. А! Больно!
Эльвира. Это гены. Ее мать спилась, и она тоже!.. Же зокше!
Жолдыз. Я бы сама ее убила! Ты знаешь, что тебя сватать приехали, дрянь?
Асель. Я перебрала немножко, извините! Перестаралась! Ну с кем не бывает, тетя Эльвира?
Эльвира. Спасибо, Жолдыз. Нам не нужна такая невестка. Канат, пойдем!
Жолдыз. Куда вы ночью?
Асель. Куда ты пошла, ну! Ну тетя Эльвира! Почему вы меня избегаете? Я не понимаю!
Эльвира. Лучше на улице или на вокзале, чем здесь! Позор, Жолдыз.
Жолдыз. Эльвира! Мы же с детства с тобой!..
Эльвира. Я не могу позволить, чтобы мой сын оставался в этом доме. Какой стыд!..

Эльвира накидывает пальто, наматывает шарф на сына, Канат молча смотрит на все, приподнимая для шарфа подбородок.

Жолдыз. Горе мне! Горе! (*Бьет Асель тапком.*) Шлюха! Сколько еще с тобой мучиться! До восемнадцати лет тебе деньги высылала! Пылинки сдувала! Выучила тебя!

Асель. Не наигрывайте!

Жолдыз. Ты мне никто! Поняла? Ты не племянница! Иди! Откуда пришла! Где шляется, иди! Я тебя не знаю! За что ты так нас опозорила? Посмотри, какой порядочный сын у тети Эльвиры! За что ему такое видеть? Ты о братьях подумала? Тебя убить мало! Забудь сюда дорогу! Завтра же я куплю тебе билет на поезд! Возвращайся в город, делай что хочешь, неблагодарная.

Асель. А я всегда была обузой! Разве не так?

Эльвира. Не слушай ее, Жолдыз!

Асель. А их ты позвала, чтоб от меня избавиться поскорее! Подсуетились! Сиротку пристроить!

Эльвира. Все, мы уходим, Жолдыз. Дай бог терпенья тебе.

Жолдыз. Прости, Эльвира. У меня щеки от стыда горят перед Канатом.

Эльвира. Ага, только ей — хоть глаз выколи! Артистка!

Асель. Тетя Эльвира! Два аборта — восемь дырок, а?

Жолдыз. О, всемогущий, помоги мне! (*Причитает, молится.*) Жаббар ием, озин жар бол! Жаббар ием, озин жар бол!..

Тетя Эльвира и ее сын скрываются за дверью.

Жолдыз. Ну как ты могла! За что? За всю мою доброту? Я по обычаям все хотела, как надо, как для дочки все хотела, как положено!..

Асель. Да вы прикрываетесь только своими обычаями! А кто я, о чем я думаю, чего хочу — тебе все по боку! Не получится меня родственникам пристроить! Не получится по обычаям! Я не девочка, ясно?

Жолдыз. Лучше б я оглохла! Дрянь! Братья услышат!

Мансур. А нам и так всё слышно.

Серик. Во-во, шлюха.

Мансур. В городе все шлюхи.

Жолдыз кидает тапок в дверь комнаты братьев.

Асель. Я живая, понятно? По-настоящему хочу, а не по обычаям твоим!

Жолдыз. С меня хватит! Ни куска мяса не дам! Мансур тебе ни одной картошки больше не привезет! Дьявольское отродье! Обувай свои кеды! Приехала в ремках!

Асель. Так модно.

Жолдыз. Позорище! У тебя нет тети! У тебя нет братьев! И дома у тебя нету! Слышала?

Асель. Да. Слышала.

8-я картина

Асель и Жанна за прилавком. Жанна говорит что-то покупателю, Асель в это время разговаривает по телефону. У нее на лице глубокие полосы от ногтей после драки на дискотеке и лейкопластырь возле глаза.

Жанна. Что вам? Какие? Покажите пальцем. Эти? Если столько, то ничего? Оставить? Пакет надо? Посмотрите без сдачи!.. А я где возьму?

Асель (*разговаривает по телефону*). А вообще, у меня есть шансы? Вы точно перезвоните? Может, я сама перезвоню? Фотогеничная! Даже очень фотогеничная! Можно, портфолио пришло? Я разноплановая! Да!.. Понимаете... Я в одно время биомеханикой Мейерхольда занималась...

Покупатель уходит. Жанна берет один стаканчик кофе у корейца с тележкой горячих обедов.

Жанна. Асель!

Асель. А в одно время я брала курсы по системе Михаила Чехова...

Я согласна без гонорара, деньги — это не проблема даже...

Жанна. За квартиру тогда плати, если не проблема!

Асель. Что не так в моем черепе? (*Злится, обрывает звонок.*)

Да, я — монголоид! И что мне теперь — только в Алма-Ате играть? Нигде не написано, что Офелия там или Гертруда — славянской внешности!

Жанна. Успокойся. Просто мало фильмов про казахов.

Асель. За квартиру с зарплаты отдам... Мне нужен всего один шанс... Хотя какая-нибудь роль... Ради этой роли я бы налысо подстриглась. Я бы не пила и не ела, сколько надо...

Покупательница. Девочки! Девочки из мясного отдела!

Жанна замечает покупательницу.

Жанна. «Девочки» — работают в барах!

Покупательница тычет акриловым ногтем в витрину.

Покупательница. А горячие есть?

Жанна. Гриль, что ли? Это — дальше!

Жанна оборачивается. Асель отпивает глоток кофе из ее стаканчика.

Жанна (*забирает стаканчик*). Я тебе очень сочувствую, детка, но, может, хватит жрать мои продукты? У нас с тобой зарплаты одинаковые, Асель! Мне не жалко, но совесть-то должна быть!

Асель. Ты че, Жанна? ПМС? Да я тебе верну за кофе, возьми... (*ищет кошелек*).

Жанна. Спустись на землю! Искусство — это искусство, а жизнь — это жизнь! Я тоже не журналист, хоть и с дипломом, и чё? Почему я должна себе на йогурты горбатиться, а ты в мой холодильник как к себе домой, вообще! Еще и за квартиру за тебя отдавать! Еще денег тебе занять, может? И не надо обижаться на меня, ничё против тебя не имею, но дружба дружбой... всему есть предел...

Асель. Ну потерпи до зарплаты!

Жанна. Всё. Вместо тебя Наташка заезжает...

Асель. То есть? Какая Наташка?

Жанна. Из «рыбы». Вещи заberi на неделе.

Асель. И куда я пойду?

Жанна. Не мои проблемы! Пойми меня тоже... выживать-то надо... Я устала, чисто морально... Ты посуду никогда не

помоешь, а Наташка моет... У тебя волос длинный — то в раковине нахожу, то в чайнике... Достало меня вконец уже...

А с е л ь . А Наташка — лысая?

Ж а н н а . А кто вчера сыр сожрал? Веришь-нет, мелочь, а бесит... Особенно, как ты мой сахар грызешь... Как лошадь... чисто морально от тебя устала уже...

А с е л ь . Думаешь, я не устала от твоего пессимизма тупого и от нытья от твоего?

К прилавку подходит Евгений.

Е в г е н . Хватит! Думаете, вас не слышно? Жанна, иди Светку замени!

Ж а н н а . Чё ты меня гоняешь с утра? (*Уходит.*)

Евгений и Асель остаются вдвоем. Какая-то молодая женщина в огромной норковой шапке придирчиво разглядывает охлажденные полутушки.

Е в г е н . Как домой съездила? Как твоя тетя?

А с е л ь . Хорошо.

Е в г е н (*показывает на лейкопластырь*). А почему лицо расцарапано?

А с е л ь . Упала.

Е в г е н . Упала? Напилась, что ли? Давай подую, иди сюда!..

А с е л ь . Отойди...

Е в г е н . Хватит злиться, злюка! Ну... Как твой кастинг?

А с е л ь . Меня заменили. Руку убери.

Е в г е н . Чего ты хамишь?

А с е л ь . Не надо этого, ладно?

Е в г е н . Этого не надо, а чего надо, а?

А с е л ь . За квартиру мне заплати. Если так любишь...

Е в г е н . Евгений на лоха похож, да?

П о к у п а т е л ь н и ц а . Девушка! Эти почему?

А с е л ь . Там написано.

П о к у п а т е л ь н и ц а . Да завалился ценник!

А с е л ь . Двести двадцать!

Е в г е н . Ты хотя бы соскучилась? Как ты себя чувствуешь?
(*Обнимает ее.*)

Асель. Я работаю! Тихо. Отойди! (*Покупательнице.*) Девушка, всё свежее, не тыкайте пальцами, не тыкайте.

Евген. Асель — это с казахского «сладкая» переводится, да? Правильно? Сладкая? Моя сладкая?

Асель. Хватит! Всё в прошлом.

Евген. Почему? Мы взрослые, свободные люди...

Асель. Это не свобода, это другим словом называется.

Евген. Эй... Ты головой ушиблась? Да?

Асель. Евген! На русских женщинах либо женятся, либо ты сейчас за всё ответишь!..

Евген. Если ты русская, то я — китаец, поняла? Я хоть в этом городе прописан, а ты кто такая, а?

Покупательница. Может, мне уйти?

Евген. Обслуживай! (*Уходит.*)

Асель (*покупательнице*). Выбрали?

Покупательница. Синюшные какие-то...

Асель. Девушка, ногтями не тыкайте!

Покупательница. Я не ногтями!

У Асель звонит мобильник.

Асель. Ало! Ало! Нет, я не работала в театре. А это важно? Подождите!.. Ало? (*Звонок обрывается.*)

Покупательница. Ты мне взвесишь уже?

Асель (*вздыхает*). А где волшебное слово?

Покупательница. Это твоя работа. Молчи и обслуживай. Два цыпленка и бедрышки.

Асель. Ну вы и хамка, девушка...

Покупательница. Что ты сказала? Овечка узкоглазая!

Асель кидает в покупательницу охлажденной курицей.

Асель. Сама взвешивай. Как вы меня достали, шапки норковые!

Покупательница дергает Асель за фартук. Асель выходит из-за прилавка, припечатывает покупательнице пощечину, та царапается, Асель ловко выкручивает ей руки за спиной.

Покупательница. Сумасшедшая! Таджичка кривая! А!

Асель. Кто узкоглазая? На! Отхватывай! Угощаю! По акции! А теперь — в подарок тебе! На!.. (Асель поднимает с пола куртиную тушку и мутузит ей тетку.)

Покупательница. Менеджера! Менеджера позовите! А! Менеджер! Менеджер! А!!!

На ее крики прибегают Евгений и Жанна. Асель отпускает покупательницу.

Евгений. Я менеджер!

Асель. Она меня избила! Больная!

Жанна. Ты че устроила опять?

Покупательница. Сумасшедшая! Я сейчас же оформлю заявление, вы от проверок повешаетесь.

Жанна. Ты чё? Тебе на дискотеке не хватило?

Евгений. Девушка, давайте договоримся как-то?

Покупательница. Я такого нигде еще не видела!

Асель. Я сто раз ей сказала, чтоб куриц ногтями не тыкала!

Покупательница. Нет, ты больная?

Асель. Сама на меня кинулась!

Жанна. Асель, помолчи уже, отличилась.

Асель. Хватит затыкать!

Евгений. Девушка, у нее нервный срыв...

Покупательница. Что?

Жанна. Девушка, поймите, у нее проблемы в семье, она...

Покупательница. Вы кого защищаете!..

Евгений. Я вам клянусь, эта продавщица будет уволена. Прямо сегодня.

Асель. Зашибись, Евгений.

Евгений. Извинись перед женщиной!

Покупательница. Девушкой!

Евгений. Извиняйся, говорю! Что я теперь из-за тебя делать должен, а? Извинись хотя бы!

Асель. Ну, извините.

Покупательница. В гробу я видала твое извините! Я еще компенсацию потребую, вот увидишь, хамка, ты со мной теперь долго не рассчитаешься. На суде увидимся!

Евг е н . Женщина, я вас прошу, вот — возьмите эту компенсацию, лично от меня... (*Достает смятые деньги из барсетки.*) Мне очень стыдно... Такого у нас больше не повторится, обещаю. Давайте без заявления обойдемся, прошу по-человечески вас... как мужчина...

П о к у п а т е л ь н и ц а (*берет деньги*). Да какой еще мужчина? Хачё... Понаехали... Нет, ну с таким первый раз сталкиваюсь! Первый раз! Это нонсенс! Это за гранью всего! Шиздец. (*Уходит.*)

Евг е н . Ты уволена, дошло?

А с е л ь . Вполне. Полегчало даже как-то... Когда прийти за расчетом?

Евг е н . За трудовой ко мне, а расчет догоняй, вон... (*Показывает в сторону двери, куда только что вышла покупательница.*) Она твою зарплату уносит.

А с е л ь . Гоблин. Я в прокуратуру пойду.

Евг е н . Вали. Мясо подбери с пола!

Ж а н н а . Ты чё, правда, Евгений? Ты чё? Она за квартиру не расплатилась!

А с е л ь (*поднимает сырую курицу*). Первая напала! Я терпеть должна?

Евген уходит.

Ж а н н а . Это!.. Полный пэ! Шиздец! Ну шиздец! Он совсем из-за тебя с катушек съехал! Ты че с ним делаешь?

А с е л ь . Для меня мужики на две категории делятся: одни дают денег на аборт, а другие не дают. (*Снимает фартук. Садится на ящики, заправляет волосы за ухо, щурится.*) Я полноценный гражданин своей страны... Я родилась, я выросла, я закончила институт. Вот паспорт с пропиской в области... Почему я должна извиняться за свое существование — впахивать весь день и всё отдавать за угол, за свет, за воду в унитазе? Влезать в долги... Выкраивать на жратву из «Пятерочки»... Зачем я появилась на свет, зачем меня приучили к еде... Я никого об этом не просила. А теперь жрать хочется... каждый день хочется жрать... лучше бы героина хотелось... Вечный раб хавки. И только... Вечный раб хавки...

Жанна. Не паникуй только! Давай без истерики уже!

К прилавку подходит старушка.

Старушка. Девки, это наши курицы?

Жанна. Девки — работают в стриптизе!

Старушка. Женщина, скажите, наши куры?

Жанна. Голландские.

Старушка. А я гляжу, синюшные какие-то...

Жанна. Пальцами не тыкайте.

Асель. Дай расческу, Жанночка.

Жанна. У тебя своё что-нибудь бывает?

Жанна кидает расческу. Асель изображает японку.

Асель. О, Гребень! Милый друг!

Ты убираешь пыль

с запутавшихся прядей

И выметаешь сор

Из горестного сердца...

Ведь женщина живет в чужом дому...

А собственного дома не имеет.

Только один

Маленький дом

Женщина вправе своим называть —

Дом ее зеркала!

Старушка. Во даёт таджичка!

Жанна. Театр Кабуки?

Асель. Тикамацу Мондзаэмон! Японский драматург.

Жанна. Телефон надрывается! Не слышишь?

Асель *(находит свой сотовый)*. Черт! Это с кастинга, наверное... *(Видит разделочный нож, вскакивает с ножом на прилавок, готовится к харакири.)* Жанна! Мне надо еще неделю! Всего неделю! Одну неделю зависнуть в городе! Или я живу с вами, или ты узнаешь, чем заканчивается японская трагедия!

Жанна. Да хоть на гуляш себя покочай, камикадзе. Это паразитические отношения. Не обижайся. Но по-другому это не называется!

А с е л ь . Жанна. Мы же подруги.

Ж а н н а . Инстинкт выживания никто не отменял.

Возвращается Евгений. Он кидает Асель трудовую книжку, а Жанне подает свежую помидорку.

Е в г е н . На! Трудовая!

Ж а н н а . Мытая? Ты бы лучше кофе принес.

Е в г е н . Форму сдала? Всё? Теперь куда? Может, героин в заднице возить? Из Казахстана и обратно?

А с е л ь . Да я обречена на прекрасное будущее, Евгений! Я стою у пропасти в счастье, понятно? Хочешь автограф? Где тебе расписаться? Бери, пока бесплатно! (*Асель втыкает нож в разделочную доску, рядом с рукой Евгения.*) На!..

Е в г е н . Нож затупишь.

А с е л ь . Чтоб ты сдох.

Ж а н н а . Асель!

А с е л ь . Давай, выскажись! Можно подумать, у него с тобой не было!

Ж а н н а . Словарь фильтруй!

Е в г е н . Хватит звезду Голливуда корчить. Все равно на панели кончишь. Тетю твою жалко только. Жанна, проследи, чтоб не унесла ничего.

В сумке Асель настырно пиликает сотовый.

Ж а н н а . Телефон!

А с е л ь (*успевает ответить*). Да? Ало! Кто это? Ало!

Ж а н н а . Каламбия пикчерз!

Из трубки слышится тихий, приятный, мелодичный мужской голос.

К а н а т . Асель, это Канат звонит!

А с е л ь . Кто?

К а н а т . Канат звонит! Крыло счастья!

А с е л ь . Какое крыло счастья?

К а н а т . Асель! Помнишь меня, я тети Эльвиры сын и дяди Ильхама! Канат по-казахски — крыло счастья! Я в городе сейчас,

я специально приехал, твой телефон у Мансура взял, я сказал им, что по работе еду, а сам тебя найти приехал.

А с е л ь . А, поняла.

К а н а т . Вспомнила меня? Давай встретимся? Пожалуйста... Ты где живешь? Я на вокзале щас! Ты хочешь со мной встретиться? Хочешь?

А с е л ь . Да...

К а н а т . Не слышно! Ты хочешь? Может, в кафе посидим, я подумал... Как вариант, подумал... Ты не знаешь, где посидеть?..

А с е л ь . Да, Канат, давай встретимся. Да. (*Асель обрывает звонок.*)

Е в г е н . Кто это?

А с е л ь . Это — мой будущий муж.

Ж а н н а . Что за бред?

А с е л ь . Из Алма-Аты за мной приехал. Он тоже казах, как я, он из старинного казахского рода. Он бизнесмен...

Я не сказала главного... Позавчера мы были с ним помолвлены...

9-я картина

Каменный зал азербайджанского кафе, похожий на темный грот. Сюда не проникают уличный свет и шум. Барная стойка увита плющом, на потолке мигает убогая неоновая подсветка. У музыкального автомата смуглый мальчик лет девяти отбивает чечетку. В кафе появляется Асель: через плечо дорожная сумка, в руках пакеты с вещами. Оглядывается по сторонам, пытается дозвониться Канату, он не берет трубку.

М а л ь ч и к . Красиво танцую, а?

А с е л ь . Для официанта нормально.

М а л ь ч и к . Официант умер! А я отцу помогаю.

А с е л ь . Нормально...

М а л ь ч и к . Чё, с вокзала?

А с е л ь . Тебя волнует, откуда?

Она закидывает в музыкальный автомат двадцатку, и азербайджанские напевы сменяются электрохаусом.

М а л ь ч и к . Чё это?

А с е л ь . Всё, хачевская музыка кончилась.

М а л ь ч и к . Я отцу расскажу.

Асель садится за один из столиков. Мальчик подбегает к ней.

А с е л ь . Я не заказываю. Я жду.

М а л ь ч и к . А я с тобой жду.

А с е л ь . Отвяжись, а.

М а л ь ч и к . Распусти волосы.

А с е л ь . Что?

М а л ь ч и к . Распусти волосы, и отстану. Ты мне понравилась. Как тебя зовут, малышка?

А с е л ь . Отвали.

М а л ь ч и к . Можно я грудь потрогаю, ладно?

А с е л ь (*хватает со стола вилку*). Два удара восемь дырок?

М а л ь ч и к . Я к отцу пошел. Он тебя убьет, поняла?

Мальчик включает азербайджанскую песню и уходит. Из кухни выходит Канат, он одет в строгий костюм, в руке тарелка с лавашом, луком и кинзой.

К а н а т . Асель!

А с е л ь . Я звонила тебе...

К а н а т . А я на кухне угощение заказывал, у них официанта нету...

А с е л ь . Ну и местечко...

К а н а т . Нормальное кафе, чё ты... Асель... Я так увидеть тебя хотел... Нашел.

А с е л ь . Здесь никто руки не моет, по-моему.

К а н а т . Тише... А хочешь, в другое место пойдём?

А с е л ь . Да ладно. Не важно.

К а н а т . Я хочу, чтобы тебе приятно было.

А с е л ь . Да мне приятно. Только музыка дурацкая.

К а н а т . Ты хорошо выглядишь. (*Канат помогает ей размешать вещи, из пакета вываливаются шерстяные колготки.*)

А с е л ь . Ты тоже.

К а н а т . Как лицо?

А с е л ь . Заживает.

К а н а т . А зачем столько вещей с собой?

А с е л ь . Уезжаю.

К а н а т . Куда уезжаешь? К тете Жолдыз?

А с е л ь . Нет, Канат. Я уезжаю в Москву. А что делать? В этом городе только Чехов, Гоголь и французские комедии... Я в кино сниматься буду.

К а н а т . Ты такая талантливая! Только в Москве родственников даже никаких нет...

А с е л ь . Искусство требует жертв, Канат. Первое время придется впахивать в «Макдональдсах».

К а н а т . Ты такая решительная, Асель. И смелая... Я бы не рискнул. Я вообще сцены боюсь. Я тебе завидую...

А с е л ь . Не завидуй. Актер – это проклятое ремесло. Дай сигаретку.

К а н а т . Не курю... Извини... Я бы не хотел, чтобы уезжала ты... Я всегда о тебе думаю, с тех пор как увидел. Не могу забыть...

А с е л ь . Как я пьяная перед твоей матерью на четвереньках ползала?

К а н а т . При чем здесь она... Нет, ты не подумай... Я очень свою маму люблю...

А с е л ь . Я специально напилась тогда...

К а н а т . Мне точно так же хочется... Я с виду тихий...

А с е л ь . Догадываюсь. У тебя кадык сильно выступает. Это значит, что ты решительный человек... Мужественный...

К а н а т . По лицам читаешь?

А с е л ь . Еще и по рукам гадаю... Кем работаешь?

К а н а т . Агентом.

А с е л ь . Секретным? Дай руку.

К а н а т . Что там?

А с е л ь . Ничего.

К а н а т . Конечно! У меня всё застраховано...

Я тебе шашлык с пивом взял, пойдет ведь, шашлык с пивом, Асель?

А с е л ь . Не надо было...

К а н а т . Да ладно, не дорого тут... А ты правда не боишься в Москву?

Асель. А ты собачатины здесь похавать не боишься?

Канат. Тихо, неудобно... Вдруг хозяин услышит... Обидится...

Асель. Пусть слышит, какая разница.

Канат. Если честно, у меня все поменялось в жизни с тех пор, как тебя увидел, Асель.

Асель. А что именно?

Канат. Я с матерью поругался из-за тебя...

Асель. О...

Канат. Меня достали их правила корявые. Нет, я, конечно, уважаю свою семью, но я своей жизнью хочу жить... по-настоящему... Ну, что молчишь ты...

Асель. Я понимаю тебя, Канат.

Канат. Асель, я скажу только главное: мое имя означает «Крыло счастья»! У тебя же правда никого в этом городе, точно? У тебя не было мужчины?

Асель. У меня всегда было слишком много работы, Канат...

Канат. Я так и думал. Мне нужно с тобой. Я буду охранять тебя от этого мира, от любой несправедливости, я всё придумаю, Асель...

Асель (*видит танцующего мальчика-азербайджанца*). Подожди, я к аниматору подойду!

Канат. Куда?

Асель (*подходит к мальчику*). Зажигаешь? Это чё, лезгинка?

Мальчик. Нет! Это тектоник! Красиво я танцую?

Асель. Я тоже умею! Смотри!

Мальчик. Клево! (*Убегает в кухню.*)

Асель. Ты куда?

Канат. Засмутила его!

Асель. Мы в детстве с Шолпан в домик играли, как будто мы взрослые. Она работала учительницей, а я балериной. Мальчики не играли, поэтому мужья у нас были — косяки дверные, прикинь?

Канат. Ты к чему это?

Асель. Вспомнила, как мы с дверными косяками целовались и разговаривали... Прикинь?

Канат. С косяками разговаривали? Да, смешно. Асель, ты мне веришь?

А с е л ь . В каком смысле.

К а н а т . Я не хочу, чтобы ты уезжала одна. Разреши мне быть с тобой рядом. С тобой всегда рядом.

А с е л ь . А тебя не смущает, что твоя мама про меня думает? А еще театр, кино, вечные съемки, кастинги, гастролы. У артистов очень напряженный график... Очень... Как ты с этим смиришься, Канат? А ведь это так для меня важно...

К а н а т . Я понимаю... Я хочу, чтобы со мной была такая девушка, как ты, Асель. И только такая. Мне другую невесту не надо...

А с е л ь . Что я должна говорить?

К а н а т . Просто: согласна или нет? Соглашайся, пожалуйста.

А с е л ь . Не... Ну... Я считаю, это очень клево, что мы вот так с тобой встретились... И, особенно, что ты не какой-нибудь азербек похотливый...

К а н а т . Тихо, Асель, потише...

А с е л ь . Да если в самом деле... И не хачик женатый, и не кобель командировочный, и не папик с брюхом какой-нибудь, который-на, позовет в кафе, а потом ждет, что я ему тайский массаж до утра делать буду! Хорошо, что ты не очередное быдло, а нормальный парень... Образованный, культурный мальчик... Такие большая редкость, Канат... Супер... Пофигу, что ты не мажор там, а просто агент страховой... У тебя еще впереди всё, ты своего не упустишь, это же сразу видно...

К а н а т . Ты думаешь?

А с е л ь . А ты думаешь, всё в жизни только от бабла зависит?

К а н а т . Я думаю, надо рисковать иногда, как ты, Асель. И надо уметь нарушать запреты! Ты согласна, Асель? Согласна?

А с е л ь . Почему бы и нет? Рискнем!

Канат подсаживается к Асель, обнимает. Целует в плечо. Потом в губы.

К а н а т . Ты целуешь губы, Асель, к которым еще никто до тебя не прикасался...

А с е л ь . Правда? Ничего себе... Канат, если бы твоя девушка залетела бы, ты бы дал на аборт бы ей?

К а н а т . Чё?

Асель. Если бы залетела твоя девушка, дал бы ты бы ей на аборт?

Канат. Не было такого...

Асель. Не бойся. Психологический тест. Отвечай, ну...

Канат. Тогда дал бы.

Асель. Дал бы?

Канат. А чё?

Асель. Ничё. Молодец.

Канат. Я тебе нравлюсь, ты правда согласна?

Асель. Да. Я хочу рискнуть... Да.

Канат. Мы квартиру снимем, какую захочешь. Хотя в центре.

Асель. Мы разве не к тете Эльвире сейчас едем?

Канат. Зачем?

Асель. Просто, типа, я твоя невеста...

Канат. Асель! У нас своя жизнь. Теперь.

Асель. Понятно, Канат. (*Уходит танцевать к музыкальному автомату.*)

К столику подсаживается мужчина-азербайджанец, Тагир, хозяин кафе.

Тагир. Все хорошо, не скучаете? Она кто, твоя невеста?

Канат. Моя! Она актриса! Очень талантливая!

Тагир наблюдает за девушкой, которая кривляется под музыку, размахивая волосами.

Тагир. А почему, брат, у твоей невесты лицо исцарапано?

Канат. Ничего, заживет! Она красивая... Ты не подумай, это не я ее так, это... Это... На съемках ей, случайно... Она в кино снимается! Я ее в Москву повезу, я всё для этой девушки сделаю! Я себе могу кишки ради нее достать! Я из-за нее с матерью поругался и серьги украл! Вот, смотрите! (*Он достает из кармана серьги тети Эльвиры.*) Где толкнуть, не подскажете? Клянусь, я теперь и убить могу, если надо... Никогда себя так хорошо не чувствовал!

Тагир. Вот как?..

К а н а т . А у вас нет караоке?

Та г и р . Караоке? Есть, конечно, есть! Иди! (*Зовет сына.*)
Эй! Камиль! Караоке!

Канат идет к музыкальному автомату, мальчишка включает и подает ему микрофон.

К а н а т . Асель, одну песню, можно я? Эта песня посвящается моей невесте, сладкой девушке Асель! Эта песня о нашей Родине! Для тебя, Асель!

Он зажмуривается, поет протяжную песню о Казахстане. Сегодня Канат явно в голосе — поет громко, смело, заливисто — как настоящий артист. Асель садится за столик, с жалостью смотрит на Каната.

Та г и р . Здравствуйте... Асель... Меня Тагир зовут. А это сын мой, Камиль. Хорошо танцует?

А с е л ь . Артистом будет. Талантливый.

Та г и р . Я ему голову отверну, если артистом. Мужчиной будет.

А с е л ь . Правильно.

Та г и р . Я ресторатор. И он будет ресторатор. Это кафе ему передам. А вы кем работаете, Асель?

А с е л ь . А мы — мясом торгуем! Не похоже?

Та г и р . Почему... Похоже... Знаешь, как называется мое кафе?

А с е л ь . Мне все равно.

Та г и р . Оно называется — Шарур. Шарур — это родина в Нахичевани. Шарур высоко в горах, и ни одна земная дорога туда не ведет. Только небесная дорога ведет... Хотя во сне я вижу наш дом и чувствую этот вкус... Знаешь, дикий виноград: он кислый-кислый, над речкой растет... Чем тебя угостить, что хочешь, Асель?

А с е л ь . Хочу айран...

Та г и р . Айран, это кислое молоко, да?

А с е л ь . Мой дедушка был чабаном, все каникулы я жила в юрте. В настоящей юрте! Лежишь, ветер шкурами хлопает, так хорошо... Лошади, бывает, к юрте подходили. Мои сны

подслушивать... А я от ветра проснусь — и деда искать. В темноте бегу — звезды, и ветер вкусный — это какие-то незаметные цветы в степи так пахнут, чабрец, вроде бы...

Та г и р . Почему замолчала?

А с е л ь . Там, в степи, у дедушки, был настоящий дом. Я всегда эту юрту вспоминаю, если замерзну. Одежда из овечьей шкуры воняют, конечно... Но вспоминать почему-то приятно. Теперь так не будет.

Та г и р . А почему не будет?

А с е л ь . Картинку в съемной хате повесить — про каждый гвоздь спрашиваешь. Не то что уж кошку завести!.. А я думаю, если ты всю жизнь спрашивать про каждый гвоздь, что ты за человек будешь? И если у тебя нет ни своего гвоздя, ни своей кошки — что тебе защищать, и что тебя здесь держит? Совершенно непонятно.

Та г и р . У тебя отец есть?

А с е л ь . Есть какой-то. Никто о нем не знает.

Та г и р . Мать есть?

А с е л ь . Умерла.

Та г и р . Тебе никогда не говорили, наверное, но вера — твой дом. Там и твои гвозди в стенах, и твои кошки... Еще говорят, укрепляй свою веру, и ты укрепишь свой дом.

А с е л ь . Не надо... Знаете, я только в искусство верю.

Та г и р . Во что? В искусство?

А с е л ь . Все остальное — из говна. *(Кричит Канату.)* Канат! Хватит! *(Асель забирает у Каната микрофон, выключает фонограмму.)*

А с е л ь . Пойдем отсюда. Пожалуйста.

К а н а т . Что-то случилось?

Та г и р . Ничего не случилось. Шашлык сгорел. Представляете?

К а н а т . Сгорел? Ну как так!

Мальчик выходит из кухни, подходит к столу.

М а л ь ч и к . Там уже готово!

Та г и р . Чё пришел? Иди на кухню танцуй!.. Давай-давай, принеси мне яблоко!

К а н а т . Асель! Давай, еще песня, и все?

Асель пытается закурить, но зажигалка не срабатывает. Канат снова затягивает песню.

А с е л ь (*Тагир*). Посмотрите на него. Он сказал, если что, за аборт мне заплатит. Я могу ему верить? Он не врет мне?

Т а г и р . Сказал, за аборт заплатит? А сколько это стоит?

А с е л ь . Тысяч восемь, лучше — десять...

Т а г и р . Сейчас, у него и спросим. (*Тагир идет к музыкальному автомату и забирает у Каната микрофон.*)

К а н а т . Что случилось? Вы поговорить хотите? Что это значит? Асель?

Т а г и р . Поговорим, поговорим... (*Тагир молча бьет Каната, Канат закрывает голову руками, прижимается к стене. Тагир держит его за волосы, поворачивается к Асель.*)

Т а г и р . Он пошутил! Он говорит, у него нет таких денег.

К а н а т (*хрипит*). Асель! Беги! Звони в милицию!..

Асель стоит молча.

К а н а т . Что ты стоишь! Асель!

А с е л ь . Канат. У нас ничего не получится.

К а н а т . Почему? Я для тебя всё сделал! Нашел тебя! Ты пообещала мне! Асель! Ты пообещала! Я серьги у тети Эльвиры украл! Асель? Асель! Я же у матери украл! У моей матери!

Т а г и р . Не позорься. Верни серьги матери. Вы попрощались?

А с е л ь . Да.

Тагир утаскивает Каната в кухню, закрывает за собой дверь. Фонограмма казахской песни обрывается, звучат фанфары и аплодисменты. Асель остается с мальчиком в тишине.

А с е л ь . Куда он его?

М а л ь ч и к . Убьет, наверное. Не мешай. А то под ногами будешь путаться.

А с е л ь . Не буду.

Возвращается Тагир. Приносит шашлык на тарелке.

Тагир. На. Поешь. Дай позвонить?

Асель отдает свой телефон, Тагир набирает по памяти номер, говорит с кем-то по-азербайджански, ходит, жестикулирует.

Тагир. Салам, гардаш. Сенин кёмеин лазымды. Теджили гел, сонра йейарсен. Недже, мен сени диле тутмалыям? Лагман, аш — эр шей тезе бишен!*

Асель (*спрашивает мальчишку*). Скажи, о чем отец говорит?

Мальчик. Он зовет дядю на помощь. Лагман есть.

Тагир. Асель! Поешь!

Асель. Не хочется.

Тагир. Ты довольна хоть? Я правильно сделал?

Асель. Наверное, это даже к лучшему. Хоть это и жестоко...

Тагир. А у матери воровать не жестоко? (*Тагир берет руками мясо из тарелки, ест.*)

Асель. Но не убивать же за это...

Тагир. Кому он нужен! Кто его убивает!

Асель. А что будет с ним теперь?

Тагир. Ему в интернете билет на поезд возьмут. До Алматы проводят, к матери.

Асель. Это был мой единственный жених.

Тагир. Он совсем темный. Не твоя пара. Запомни! Жениха и невесту выбирают равными по их религии.

Асель. Я уже говорила, какая у меня религия.

Тагир. Наверное, в твоей деревне была Школа искусств или Дворец пионеров, белый, как Тадж-Махал...

Асель. Там был клуб, и это было лучшее в моей жизни...

Тагир. А я вижу твою веру. Ты и сама о ней не догадываешься. Поешь.

Асель. Рахмат, у меня платить нечем.

* Здорово, брат! Нужна помощь твоя! Ничего не бери с собой, не надо. У меня все есть! Сейчас приезжай, тебе говорю! Потом покушаешь! Что, я тебя уговаривать должен? В «Шаруре» поешь! Все есть! Хочешь, лагман, хочешь, плов, — всё свежее! (*перев. с азерб.*)

Та г и р . Канат заплатил. Поешь.

А с е л ь . Тогда я поем, ладно. (*Асель ест мясо руками.*)

Та г и р . У тебя красивая кофточка, или как это называется...

А с е л ь . Ага.

Та г и р . Тебе к лицу... Только рукава короткие... Не надевай такую больше. Хочешь, моя сестра сошьет тебе нормальное платье?

А с е л ь . Очень вкусно, спасибо, что накормили. Мне нужно идти.

Та г и р . Здесь всегда вкусно. Заходи, когда есть захочешь. А можешь вообще оставаться. Смотри, как ты ему понравилась! (*Гладит сына по голове, мальчик смеется, прячется под стулом.*)

А с е л ь . Нет, я пойду. Спасибо.

Та г и р . И куда ты пойдешь?

А с е л ь . Не знаю. К тетке. Больше некуда.

Та г и р . Не важно, куда идти, если в твоём сердце есть дом из поста и молитвы. Помни, что с тобой идут твои ангелы-хранители.

Но есть еще и другие ангелы: ангел за левым плечом и ангел за правым плечом, и эти ангелы записывают за тобой каждое слово, каждую твою мысль — хорошую и плохую... Помни о них всегда.

А с е л ь . Хорошо. Постараюсь помнить.

ВАНЬКИНА ШАБАШКА

пьеса-сказка

Действующие лица:

Нурик.

Иван.

Закирджан.

Соня.

Хозяин.

Бродяжка.

Сторожевые собаки.

Старуха-Джичка.

А также другие джики: Самвел, Али, Тагир, Муса,

Гамзат, Виктор Иванович, Ахмед, Хамза,

Мустафа, Женья, Казбек, Леонид Петрович,

Аман, Ваган, Равиль, Аркадий...

1

По заросшему парку идет Соня, господская дочка, и ест пирожные.

Соня. Когда снится свадьба — это совсем не к свадьбе... Такой сон — очень зловещий, он предвещает смерть. Белая фата во сне — это же саван, а белые босоножки — полнейшее одиночество. Полнейшее одиночество... Никому нет до меня дела... И если я умру, посмотрим, папа, как ты запоешь... Только как посмотрим, если меня будет уже не вернуть? И как я буду на том свете без твоих пирожных?

Вдруг из-за кустов с визгливым лаем появляется с о б а ч о н к а: маленькая, страшная, на корявых лапках. Шерсть клочьями отваливается и тащится за собачкой по земле. Хвост весь в репьях, а кривые желтые зубы торчат наружу, как у шуки. Соня в шоке.

С о н я . Боже мой! Вот страхолюдина!

Собачка лает, то бежит за Соней, то снова прячется в кусты. Соня останавливается.

С о н я . Бедненькая бродяжка! Наверное, ты живешь в кустах, потому что выйти на свет тебе стыдно — такая ты страшненькая.

Бродяжка не слышит Соню, заливается лаем, бьется в конвульсиях.

С о н я . Эй! Бродяжка! Лови! Не то сдохнешь тут!

Соня кидает собачке пирожное. Бродяжка набрасывается на угощение, Соня проходит мимо.

Б р о д я ж к а (*ест, ворчит*). Хам-хам, хам-хам-ням-ням!... Какая я тебе бродяжка! Я — гангстер!!!

Слышатся чьи-то голоса, и собака снова прячется в кусты. По тропинке идут Ну р и к , И в а н и З а к и р д ж а н . Нурик высокий, широкоплечий, жесткие волосы торчат в разные стороны, на нем спортивные штаны с лампасами и сланцы. Иван худой, длинные руки, а рукава еще длиннее, рваная кофта болтается. Закирджан в грязных джинсах, прохудившихся башмаках.

Ну р и к . Ничего, ребята, найдем куда наняться!

И в а н . Батраку где работа, там и дом, и стол готов.

З а к и р д ж а н . Много нас по свету бродит, а работы на свете — еще больше!

Внезапно трем путникам дорогу преграждает Бродяжка. Она неистово лает, дергается.

Закирджан. Уфф!

Иван. Мама!

Нурик. Вай-вай-вай! Какой маленький страшный собачка!

Иван. Может, дадим ей хлебца?

Закирджан. Оставь, сами съедим. Работа еще неизвестно когда подвернется.

Нурик. Скажи, Бродяжка, нужны ли тут кому хорошие работники вроде нас?

Бродяжка. Я не бродяжка, я — гангстер! Отдайте мне скорее ваш хлеб!

Закирджан. Ты его получишь, если скажешь, куда нам пойти поработать!

Бродяжка. Прямо! Там Господин строит баню и золотые конюшни.

Иван. Спасибо, Бродяжка, а вот тебе хлеб!

Нурик. Вай-вай-вай! Какой голодный собачка!

Иван. Посмотрим, что за господин золотые конюшни строит! Лишь бы заплатил!

Нурик. Со мной ничего не бойтесь!

Закирджан. Втроем надежней на работу наниматься, не то что поодиночке!

Иван. А сколько батраков пропало неизвестно куда — кто бы подсчитал!

Закирджан. Втроем не пропадем!

Нурик. Клянусь, не пропадем!

Иван. И я клянусь. Умру — а в беде не оставлю, раз сам позвал вместе по шабашкам мотаться!

Закирджан. Примите и мою клятву.

2

Господский дом. Хозяин обеспокоенно бежит по комнатам, одновременно выбирая крошки из усов.

Хозяин. Где мой кулек с пирожными? В обед здесь оставлял, потом ходил смотреть, как эти черти фундамент заливают, сейчас прихожу — нет кулька. Куда он делся?

С о н я . А это я, папа, его взяла.

Х о з я и н . Так давай скорее!

С о н я . Только пирожных там больше нету.

Х о з я и н . Как нету? А где?

С о н я . Съела.

Х о з я и н . Все?

С о н я . От скуки...

Х о з я и н . Все до одной?

С о н я . Нет, одну не доела, отдала бродяжке.

Х о з я и н . Какой бродяжке?

С о н я . В парке...

Х о з я и н . Как отдала? Взяла и отдала? Бесплатно?

С о н я . Бесплатно.

Х о з я и н . Ну ты даешь! Черт бы тебя побрал! Может быть, ты думаешь, что и тебе кто-нибудь подаст бесплатно? Что кто-нибудь придет, скажет: на, Соня, бери! Ешь! Бесплатно! Да никто!!! Так — не бывает! Никто! Никогда! Понятно?

С о н я . Но ведь джики работают у тебя совершенно бесплатно...

Х о з я и н . Ничего подобного! Они здесь живут, жрут, разве это бесплатно?

С о н я . Папа, у меня есть к тебе одна просьба...

Х о з я и н . Это дорого?

С о н я . Не очень-то...

Х о з я и н . Говори.

С о н я . Выдай меня замуж.

Х о з я и н . Чего? Тебя? Это невозможно. Отклоняю просьбу. Тебе еще рано!

С о н я . Но ведь в этом году мне стукнуло двадцать...

Х о з я и н . Двадцать — не тридцать. Перетопчешься.

С о н я . Так мы дотянем и до пятидесяти.

Х о з я и н . Пока я не вижу ни одной подходящей партии! Я знаю, что ночью жевать вредно, но все-таки пойду в буфет чего-нибудь пожую...

Уходит. В дверь громко стучат.

С о н я (с тревогой прислушивается у двери). Кто это?

Закирджан. Открывай! Не пожалеешь!

Соня. Кто вы?

Нурик. Открой, если хочешь увидеть трех самых верных братьев и самых лучших каменщиков на свете!

Иван. Мы вольноотрабатывающие плотники и все такое, и вообще мастера на все руки! А ты кто?

Соня. А я — господская дочка. Сейчас позову папу...

Возвращается отец, что-то ест.

Хозяин. Соня! Что ты там делаешь?

Соня. А к нам пришли!

Хозяин. Какого черта!

Соня. Там три брата, каменщики или плотники...

Хозяин. Сейчас посмотрим, кого там принесло!

Открывает дверь, входят Нурик, Иван и Закирджан.

Нурик. Здравствуй, уважаемый.

Иван. Здравствуй, господская дочка!

Хозяин. На палас не вставай.

Закирджан. Мы — лучшие каменщики в мире, родные братья.

Нурик. Наши имена: Нурик, Иван, Закирджан.

Иван. Нужны тебе такие работники? Мы слышали, ты строишь какие-то золотые конюшни...

Хозяин. И как же вы узнали?

Нурик. Нам сказал один маленький, но очень страшный собачка!

Соня. Ой! Это Бродяжка!

Закирджан. Да, бродяжка. Вы такой известный, вас знает каждая бродяжка.

Нурик. Вот мы и узнали.

Иван. Нужны тебе такие работники? (*Смотрит на Соню.*)

Хозяин. А кто из вас лучший работник?

Нурик. Все.

Хозяин. А есть среди вас печник или кровельщик?

Закирджан. Мы.

Х о з я и н . Золотые конюшни я действительно строить собираюсь... Но имели ли вы опыт работы с золотом и другими драгоценными металлами? Потому что черепица у меня только из золота...

Н у р и к . Безусловно...

И в а н . Так ты берешь нас в работники? (*Смотрит на Соню.*)

С о н я (*сквозь зубы*). Папа, бери их!..

Х о з я и н . Но у меня только одна вакансия. Одного беру.

Н у р и к . Одного нельзя, ведь мы родные братья.

Х о з я и н . Так и быть. Но золотые конюшни я вам строить пока не доверю, поставьте вы мне, для начала, баньку! Черепица тоже из золота, все дела. Потренируетесь.

Н у р и к . Значит, берешь нас?

Х о з я и н . Беру. Ваши документы.

З а к и р д ж а н . Паспортов у нас нет. Один нечестный господин на прошлой шабашке забрал их и не вернул.

Х о з я и н . Воистину, он поступил с вами нечестно!

Н у р и к . Он еще и не заплатил нам!

З а к и р д ж а н . Работали мы на него, работали, а ушли оборванцами — пешком по шпалам.

Х о з я и н . Ну, здесь вам такого не стоит опасаться. Если только не будете работать спустя рукава. Моих рабочих не слушайте — их давно пора уволить. Из жалости держу...

И в а н . Когда ты нам заплатишь?

Х о з я и н . Ну вы даете! Еще работать не начинали, уже про оплату интересуются...

И в а н . Так когда ты нам заплатишь?

Х о з я и н . Соня, иди погуляй. (*Шепотом.*) Вот как баню постройте, так сразу же и заплачу.

Н у р и к . За три дня построим.

И в а н . Сколько ты нам заплатишь?

Х о з я и н . Таких дерзких джиков впервые вижу!

И в а н . Сколько?

Х о з я и н . Оценю по работе. Не нравится такой уговор — идите к черту.

И в а н . Нравится...

Н у р и к . Вы свидетели, братья, что он нам обещал.

Х о з я и н . Ступайте во двор, там другие джики объяснят, где ночлег. Будете работать, как они, — ничего не заработаете.

Н у р и к . Готовь деньги к четвергу!

Нурик, Иван и Закирджан идут во двор.

Х о з я и н . Откуда такая непрошибаемая наглость?

С о н я . Особенно мне понравился Иван, папа...

Х о з я и н . Чтоб у тебя язык отсох! На джиков заглядывается!

С о н я . Пойдем, узнаем, хорошо ли их разместили!..

Х о з я и н . Совсем с ума сошла? А может, еще прикажешь подать им молочный коктейль?

С о н я . А почему бы и нет?

Х о з я и н . Хватит меня злить! Иди спать! (*Запирает дверь.*)

3

Вокруг тусклой лампы вьются мотыльки. На мешках, набитых травой, спят джики. Нурик, Иван и Закирджан подходят к ним.

З а к и р д ж а н . Рабочие-то на мешках спят...

Н у р и к . И комаров здесь полно!

И в а н . Доброй ночи, джики!.. Не скажете, где тут во дворе можно харчей раздобыть?.. И будить никого не хочется, и засыпать голодом неохота...

З а к и р д ж а н . Может, кто еще не уснул?

Н у р и к . Эй, доброй ночи!

Один из спящих ворочается в темноте.

А л и . Ложись, где стоишь, чего разорались...

Г а м з а т . Одеяло в конюшне, похлебка в свинарнике, чё, первый раз, что ли?

М у с а . Уснуть дайте!..

И в а н . Не очень-то радостно нас встречают...

А л и . А чё вам радоваться?

Г а м з а т . Видно, не от хорошей жизни здесь оказались...

Нурик. Денег получим, и жизнь поправится. Были бы голова да руки на месте.

Муса. Дурачье!!!

Али. Молодые совсем...

Гамзат. Сматывайтесь. Хозяин все соки из вас вытянет, а кормить будет из свиного корыта, да еще и поколачивать.

Нурик. А вы чего терпите?

Муса. Адалеко уйдешь без документов? Паспорта он у всех отобрал.

Закирджан. Хорошо, что мы свои не отдали!

Иван. Везде одно и то же!

Нурик. Делать нечего, я уже две недели семье денег не высылал. Какая-никакая, а работа.

Закирджан. И мне выбирать не приходится. Родители невесты калым ждут.

Али. Давайте спать. Откуда вы взялись, такие шумные.

Муса. Денек поработают, и болтать расхочется.

Иван. Что-то мне померещилось...

Нурик. Что померещилось?

Закирджан. Я тоже слышу...

Али. Не померещилось тебе.

В ночном воздухе еле слышится грустная песня и плач рожка.

Нурик. По-нашему поет кто-то...

Гамзат. Это души батраков.

Муса. Известно, что хозяйские хоромы на костях стоят.

Али. Болтают, лет двадцать назад здесь много джиков пропало. Ясно, что хозяин не расплатился и погубил всех.

Нурик. С нами такое не провернешь — мы друг за друга держимся...

Иван. Все равно страшно. Чертовщина какая-то.

Гамзат. Привыкнете. Доброй ночи.

Закирджан. Духов не бойся, Иван. А вот с хозяйской дочкой поосторожнее. Она на тебя глаз положила, я приметил!

Иван. Сам знаю!

Закирджан. А ты что?

Иван. Лишняя обуза, даром что господская дочка...

Закирджан. Правильно! Только ей не говори, я хочу, чтобы нас хорошо кормили.

Иван. Смотреть на нее даже страшно...

Закирджан. Почему?

Иван. Она же светится, как ангел... И носик вздернутый...

Закирджан. Да... Белая-белая, как сахар...

Нурик. Хватит про хозяйскую дочку! Давайте спать!

Иван. Доброй ночи, братья.

Закирджан. Доброй ночи.

Души батраков, пропавших без вести, не находят себе покоя, и ветер гоняет по воздуху обрывки их песен. Вдруг рядом со спящими появляется Соня. Она долго стоит у Ивана в изголовье и молчит. Иван просыпается.

Иван. Господская дочка?

Соня. Спи, Иван, спи, — я только посмотреть на тебя...

Иван. Зачем пришла-то? Хозяин подослал?

Соня. Что ты! Отец узнает — убьет. Я пришла, потому что ты обо мне думаешь...

Иван. Я думаю? Какое мне до господской дочки дело?

Соня. Тихо, Соней зови! Не надо господской дочкой — Соней!..

Иван. Соня... Соня так Соня. Табаку бы сейчас...

Соня. Какой табак, Иван!

Иван. Сейчас бы поесть...

Соня. Ой! Если бы я умела, я бы сварила... Отец ночью все съел...

Иван. А ты варить не умеешь?

Соня. Не умею... И что?

Иван. Ладно, это так...

Соня. Я живу, как в тюрьме. Забери меня отсюда.

Иван. Куда тебя забрать?

Соня. Куда угодно. К себе.

Иван. О чем ты, Соня?

Соня. Я представляю, как мы сидим у тебя дома с твоей матерью и едим пышные пирожные, и мы вместе... И мы счастливы... забери меня, Иван!

И в а н . Пирожные!..

С о н я . Я загадала о тебе на маленьком камешке — бросила ночью в пруд, прыгнула за ним следом и смогла отыскать на дне.

И в а н . Зачем?

С о н я . Узнать, ты ли моя судьба.

И в а н . И?

С о н я . Я нашла его — значит, ты. Забери меня к себе.

И в а н . Я — Иван, Бездомничихи сын!

С о н я . Так отведи и меня к ней!

И в а н . Пойдем! (*Хватает Соню за руку, ведет к дереву, останавливает.*) Вот куст, это и есть мой родной дом, а вот и моя мать. Садись за стол!

С о н я . За какой стол?

И в а н . Мам!..

С о н я . Что ты издеваешься!

И в а н . Мама! Это моя невеста! Господская дочка! Я привел невесту, мама! Дай нам свое благословение! И пирожные!.. Немедленно! Что же ты молчишь, Бездомничиха?!!

С о н я . С кем ты разговариваешь, что ты делаешь?

И в а н . Дура! Ты так ничего и не поняла? Нет у меня никакой матери, никакого дома! А мои пирожные — это бич-пакеты! У меня нет матери! Моя мать — Бездомничиха: приходи к ней когда угодно, а уходи — не солоно хлебавши!

С о н я . Прости!

И в а н . Я никому не нужен!

С о н я . У тебя кофта изодралась...

И в а н . Что ты расплакалась?

С о н я . Я штопать не умею...

И в а н . Это не главное, не плачь...

С о н я . Я научусь. Снимай, унесу, заштопаю.

И в а н . Ну заштопай. (*Снимает кофту, отдает Соне.*)

С о н я . Я научусь. Через день приходи, забереешь. Заодно и посватаешь меня.

И в а н . Что ты сказала?

С о н я . А как ты хотел? Спросишь у папаши разрешения.

И в а н . Можно подумать, позволит единственной дочке за джика замуж пойти?

С о н я . Спросить-то надо...

И в а н . Ходят слухи, твой отец — душегуб, многих рабочих заморил... Это правда?

С о н я . Вот бред. Приходи завтра меня сватать — заодно и узнаешь. Боишься?

И в а н . Немножко...

С о н я . Ваня, если он не согласится, я сбегу с тобой.

И в а н . Пообещай.

С о н я . Обещаю, мы сбежим!

И в а н . Можно теперь поцеловать тебя?

С о н я . Только руки.

И в а н . Какие маленькие ручки. (*Целует Соне ручки.*)

С о н я . Все, я пойду. До завтра, Ваня.

И в а н . До завтра, Соня, моя белая девочка, до завтра.

Соня уходит.

4

Ну р и к . Всё! Иван! Тащи лестницу! Баню достроили!

А л и . Красотища! Ну вы даете, ребята!

За к и р д ж а н . Мы говорили, что плотников и каменщиков лучше нас не найдешь!

И в а н . Гамзат! Зови хозяина! Будем получать деньги!

Г а м з а т . С вами здорово работать, может, останетесь?

Ну р и к . Лучше вы с нами!

М у с а . Страшно... Кто знает, что будет?

За к и р д ж а н . А здесь не страшно?

И в а н . Зовите хозяина, чего сидите?

Ну р и к . А ты, Иван, не переживай! Деньги-то получим, но говорить с ним будем без тебя.

И в а н . А что вы со мной сделаете, может, свяжете?

Ну р и к . Замотаю в мешок, через плечо перекину — и живым отсюда вынесу. Потом благодарить будешь!

За к и р д ж а н . Совсем из-за господской дочки рассудка лишился?

А л и . Вон идет хозяин! Тихо!

И в а н . Я обещал, что поговорю с ним. Пустите.

Ну р и к . Держи его, Закирджан!

Закирджан. Стой, балбес!

Иван. Пустите!

Закирджан. Себя погубишь, и нас заодно!

Иван. Если вы мне братья, то помогите засвататься, а не руки выламывайте...

Закирджан. Эй! Хозяин! Готово! Принимай работу!

Хозяин. Готово! Готово! Вот так я себе и представлял, так все и надо!.. Золотые конюшни! Постройте мне теперь золотые конюшни! Как вас благодарить!

Иван. Нравится?

Хозяин. Все, все нравится! Теперь — золотые конюшни!

Нурик. Заплати, и мы уходим!

Хозяин. Куда уходите?

Закирджан. Просто — уходим. Мир посмотреть, себя показать.

Хозяин. Не пущу! Мне такие работники позарез нужны! Будете золотые конюшни строить!

Нурик. Не, мы не останемся.

Закирджан. Был уговор — сдаем баню, и ты платишь.

Хозяин. Заплачу я, заплачу, от своих слов не отказываюсь! А если останетесь еще на недельку — вдвойне заплачу! Подумайте, джики!

Нурик. Нет.

Закирджан. И думать нечего.

Нурик. У тебя наш брат не дорого ценится — батраков из свиного корыта потчуеть!

Хозяин. Так ведь никто и не жаловался!

Закирджан. Видно, ты их в страхе держишь.

Хозяин. Все исправлю, просите любую цену, только оставайтесь!

Иван. Любую цену?

Хозяин. Для вас ничего не пожалею! Только останьтесь у меня в работниках!

Появляется Соня.

Соня. Доброе утро, папа! Доброе утро всем!

Нурик. Какое утро... Уже давно за полдень перевалило...

И в а н . Доброе утро, Соня!

Х о з я и н . Так что, какую цену сами назначите?

И в а н . Денег нам не надо.

Х о з я и н . Не надо денег? Чего тогда вы хотите?

З а к и р д ж а н . Мы хотим, чтоб ты выдал свою дочь за Ивана.

Х о з я и н . Да как ты смеешь!

Н у р и к . А почему нет? Второго такого парня не отыскать!

З а к и р д ж а н . Твоя дочь будет с ним счастлива!

И в а н . Спасибо, братья.

Н у р и к . Голова светлая, руки и сердце золотые!..

Х о з я и н . Мою Соньку?! За джика?!!

И в а н . Несмотря на то, что вы так мною брезгуете, я осмелюсь просить руки вашей дочери!

С о н я . Он моя судьба, папа, я выйду замуж только за него. Дай нам свое согласие.

Х о з я и н . Ах вы черти! Я посажу вас на цепь! Всех до одного! Перестреляю вас, чертей!

С о н я . Отец! Послушай меня!

Х о з я и н . Будете свинарники вылизывать за крапивную похлебку! До конца жизни!

С о н я . Папа! Папа!

И в а н . Я готов пройти любые испытания, какие вы мне укажете!

Н у р и к . Он может все! Клянусь! Дай ему один шанс!

З а к и р д ж а н . Он докажет, что достоин твоей дочери!

Х о з я и н . Шкуру сдеру! Перевешаю всех!

С о н я . Отец! Я люблю его!

Х о з я и н . Тебя в первую очередь!

С о н я . Если ты не даешь своего разрешения — я просто уйду...

Х о з я и н . Сбежишь? С ним?

С о н я . Я стану его женой, хочешь ты того или нет!

Х о з я и н . Давай! Беги! Теперь тебе самое время узнать, что ты — проклята. Старая Джичка, мать одного из рабов, которых я замуровал в склепе, заколдовала тебя еще до рождения. Твоя мать погибла, а ты принесешь смерть тому, кого полюбишь. В первый же день после свадьбы — станешь вдовой — вот то, что

я скрывал от тебя всю жизнь, и то, что сейчас мне даже радостно сообщить! Потому что отныне — ты мне не дочь! У меня нет дочери! И если раньше я не знал, как избавиться от чувства вины, то теперь я рад, что хоть чем-то могу отомстить за предательство.

С о н я . Все это — правда?

Х о з я и н . До смерти матери я не верил в проклятье. Теперь я не сомневаюсь, оно сделает свое дело.

С о н я . Зачем же ты замуровал джиков?

Х о з я и н . Чтобы другие не думали ослушаться, ясно зачем.

И в а н . Где этот склеп?

Х о з я и н . Хочешь составить мертвецам компанию?

И в а н . Плати, и мы уходим. Соня идет с нами. Остальные — тоже, если хотят.

С о н я . Нет, Иван.

И в а н . Пойдем! Не бойся ничего, я живучий!

С о н я . Похоже, теперь наши дороги расходятся. И с тобой, отец, жить под одной крышей не собираюсь. Я уйду на поиски такой страны, где нет ни любви, ни молодости, ни печали, ни радости, ни мыслей, ни воспоминаний... Прощайте.

Х о з я и н . Убирайтесь все!

И в а н . Соня! Я не уйду без тебя!

Х о з я и н . Вон! Убирайтесь! Собак спущу!

И в а н . Соня!..

Н у р и к . Пойдем, Иван!

З а к и р д ж а н . Хозяин! Заплатить не забудь!

Х о з я и н . Я уже заплатил: твоя жизнь, разве плохая оплата? Проваливайте, щенки.

Н у р и к . Так не пойдет.

З а к и р д ж а н . Иван!..

И в а н . Соня!

С о н я . Прощай.

И в а н . Соня! У тебя моя кофта!

С о н я . Очень жаль, я испортила ее. Так и не научилась штопать. Ножницами лишнегохватила, не за ту ниточку потянула...

И в а н . Ничего, это не главное! Постой!

Н у р и к . Иван!

И в а н . Соня! Дай мне еще минуточку! Дождись меня! Полчаса! Я вернусь, я что-нибудь придумаю! Дождись!

Закирджан. Пора уходить, Вань!

Иван. Если вы мне братья, идите со мной! Идите!

Нурик. Куда идите? Он нам еще деньги за работу не заплатил!

Иван. Я отправляюсь на поиски склепа! Мы слышали их голоса, помните?

Закирджан. Брат, с ума не сходи!

Нурик. Какой склеп, какие поиски!

Иван. Надо что-то делать! Бежим со мной! Скорее!

Закирджан. С ума сошел! Вань!

Иван. Что? Остаетесь? Так не вспоминайте обо мне никогда! *(Убегает.)*

Хозяин. Вы его бросили? Это был ваш последний шанс. Теперь живыми не выйдете. Али! Ворота закрой!

Нурик. Али! Не слушай его!

Хозяин. Вперед! Хочешь, и тебя собакам скормлю.

Али. Слушаюсь, господин. *(Закрывает ворота.)*

Хозяин. Гамзат! Муса! Связывай чертей! Али! Держи веревку!

Закирджан. Джики!

Нурик. Ничего не бойтесь! Мы с ним разберемся!

Гамзат. Прости, Нурик!

Муса. Прости нас, Закирджан!

Али, Муса и Гамзат связывают Нурика и Закирджана.

Хозяин. Щас, Соньку в доме закрою — вернусь. Смотрите, чтоб не вырвались! Башкой отвечаешь, Али!

Али. Слушаюсь, господин.

5

Иван бежит по зарослям, заброшенным зданиям, свалкам.

Иван. Корни деревьев сплетаются под землей и переговариваются друг с другом, если бы они могли говорить, они выдали бы мне эту тайну, подсказали, куда идти... Каждый куст —

мой дом, мой стол, моя постель, мой родной угол... молчат деревья... И матушка моя, Бездомничиха, всегда молчит. Хотя молча утешь меня, матушка, волосы травами расчеши, успокой, подай верный знак, куда идти? Куда идти?... Хотя раз в жизни, скажи что-нибудь, матушка... матушка!

Из-за кустов появляется страшненькая собачонка.

Б р о д я ж к а . Какая я тебе матушка! Я — гангстер! Давай сюда припасы! Живо! Хотя брюхо и к спине прилипло, зубы еще острее прежнего!

И в а н . Нет у меня припасов, иди прочь.

Б р о д я ж к а . Ты в карманах поищи хорошенько, вдруг завалялось хоть что-нибудь?

И в а н . Глаза прочисти! Какие карманы! Не видишь, у меня и рубашки-то нет!

Б р о д я ж к а . Ну, все, тогда прощайся с жизнью!

И в а н . Так я тебя и испугался, страхолюдина. Какой же ты гангстер, тебе прохожие из жалости только куски бросают.

Б р о д я ж к а . Кто сказал?

И в а н . Это всем известно.

Б р о д я ж к а . Не может быть! Я гангстер!

И в а н . Оставь меня, без тебя тошно.

Б р о д я ж к а . Ох! ботинки-то кожаные!.. А почему тебе тошно, Иван, случилось что?

И в а н . Случилось. В хозяйскую дочку влюбился.

Б р о д я ж к а . В Соньку?

И в а н . Папаша ее двадцать лет назад где-то в склепе замуровал джиков. Как найти этот склеп, не знаю!

Б р о д я ж к а . Хочешь Соньку от проклятья избавить?

И в а н . А ты откуда знаешь?

Б р о д я ж к а . Про эту семейку все знаю.

И в а н . И где склеп знаешь?

Б р о д я ж к а . Знаю.

И в а н . Веди скорее, чего сидишь!

Б р о д я ж к а . Отдай мне свой кожаный ботинок, приведу!

И в а н . На, забирай. Все равно он драный! Только бери оба! Один-то мне зачем?

Бродяжка. Спасибо, Иван! За это я тебе еще скажу — в склепе найди Самвела, это его мать, старая Джичка, Соньку заколдовала. Только в склеп ты не пройдешь — там все наглухо запечатано.

Иван. Взломаем.

Бродяжка. Не так все просто. Но за то, что ты второй ботинок мне отдал, я тебя тайным ходом проведу, там где-то мой подкоп есть. Вот и пригодится...

Иван. Спасибо, Бродяжка.

Бродяжка. Дождись только, я перекушу твоими башмаками, и сразу в путь. Вкусные до чего! Правда, кожа совсем дубовая! Как бы зубья не пообламывать!

6

Господский двор. Нурик и Закирджан связаны. Рядом — Хозяин, Али, Муса и Гамзат. Хозяин подходит к собачьей клетке. Огромные сторожевые собаки рычат, пытаются вырваться, вгрызаются в проволоку, с острых клыков капает слюна.

Хозяин. Муса! Выпускай!

Муса. Не надо, господин!

Хозяин. Выпускай, тебе говорят!

Нурик. Не стоит, Муса!

Закирджан. Али! Что ты молчишь! Вас трое, а он один, расквитайтесь вы с ним наконец!

Али. Я не могу, я только раб.

Закирджан. Уфф! Хоть бы не связывал, подонок!

Хозяин. Собак давай!

Гамзат открывает клетку, сторожевые собаки вырываются во двор. Муса, Али и Гамзат прячутся в клетке. Собаки бросаются на Закирджана и Нурика.

Хозяин. Теперь мои псины хорошенько вас проучат!

Нурик и Закирджан падают на землю, собаки треплют их, швыряют в разные стороны. Появляется Иван, он без рубашки и босиком.

И в а н . Закирджан! Нурик! Скорее, Самвел! Мои братья в беде!

Вслед за Иваном прибегают освобожденные джики: С а м в е л , Та-г и р , К а з б е к и другие. Волосы и ресницы у них в извести и паути-не, лица бледные, под глазами темные круги.

С а м в е л . Мы бежим как можем, Иван, за двадцать лет в склепе руки и ноги у нас затекли! Не так-то просто!

Иван и другие джики вступают в бой с собаками, Хозяин прячется в собачью клетку, Самвел освобождает Нурика и Закирджана, наконец всех догоняет облезлая Бродяжка на кривых лапках. Она останавливается посреди двора, недовольно скалит желтые зубы, хрипит, смотрит исподлобья. Сторожевые собаки при виде Бродяжки затихают, поджи-мают хвосты.

С т о р о ж е в ы е с о б а к и *(все вместе)*. Прости нас, ганг-стер! Мы тебя не сразу заметили!

Б р о д я ж к а . Вон отсюда, шакалы. Эти джики со мной.

Сторожевые собаки скулят, убегают.

И в а н . Здорово ты их, Бродяжка!

Б р о д я ж к а . В некоторых кругах я авторитетна...

Н у р и к . Вань! Ты нам жизнь спас...

И в а н . Боялся, что из-за меня пропадете... Успел!

З а к и р д ж а н . А это кто с тобой?

И в а н . Это те, кого хозяин держал в склепе двадцать лет.

Джики называют свои имена:

— Самвел.

— Тагир.

— Мустафа.

— Ваган.

— Хамза.

— Леонид Петрович.

— Ахмед...

Х о з я и н . Колдовство! Чертовщина!

З а к и р д ж а н . Разве вы не умерли?

С а м в е л . Очень хотелось вернуться домой, хоть когда-нибудь, хоть через сто лет... Вот мы и выжили...

И в а н . Муса! Гамзат! Выходите из клетки!

Муса, Али и Гамзат выходят из клетки, падают на землю, просят прощения.

М у с а . Простите нас, джики!

Г а м з а т . Пусть любой из вас за предательство нас покарает!

Н у р и к . Бог рассудит.

З а к и р д ж а н . А наше дело помочь вам забрать долги, за все годы, что вы здесь прожили.

И в а н (*хозяину*). За тобой должок, отец. Мы, родные братья... Иван, Нурик, Закирджан. Пришли заставить тебя расплатиться по счетам. И не только с нами, но и с ними, и даже с теми, кого ты давно похоронил.

С а м в е л . Этого дня мы ждали двадцать лет и ради него вернулись с того света.

Х о з я и н . Кучка грязных джиков. Вы не получите от меня ни копейки.

И в а н . Теперь мы ждем не больше минуты.

Х о з я и н . Ваше место в свинарнике, на цепи, в клетке...

С а м в е л . Если наше место в клетке, зачем ты занял ее?

Н у р и к . Выходи оттуда! Поговорим по-мужски!

Х о з я и н . Какие вы мужчины — вы скот.

З а к и р д ж а н . Нурик, господину понравилось в клетке!

Н у р и к . Пусть он нам заплатит — и сидит там сколько хочет.

И в а н . Где Соня? Говори, или мы все спалим!

С а м в е л . За двадцать лет под землей чему только не научишься... (*Дует на деревянную балку, та вспыхивает, превращаясь в факел.*)

Х о з я и н . Уберите огонь! Вы с ума посходили! Самвел! Задуши факел!

С а м в е л . Где его невеста?

Х о з я и н . Соня в доме. Она закрыта в кладовке.

Н у р и к . Оставь ее, Вань!..

И в а н . Я никогда ее не оставлю.

С а м в е л . Беги в дом, проверь...

Иван убегает.

Н у р и к . Возвращай долг, господин. Время вышло.

Х о з я и н . Вон из моего дома! Таким бандитам, как вы, ничего здесь не обломится.

З а к и р д ж а н . Говоришь, платить не собираешься?

Х о з я и н . И не подумаю.

З а к и р д ж а н . Эй! Рвань-голытьба! А черепица-то на крыше — из чистого золота!

Н у р и к . Быстро крыли, а разберем еще быстрее!

Джики разбирают постройки, ломают и крушат.

Х о з я и н . Что вы делаете? Дикари! Животные!

С а м в е л . Смотри, как мы, животные, громим все, что сами построили!

Х о з я и н . Остановитесь! Остановитесь, черти!

Н у р и к . Вай-вай-вай!!! Мы языка не понимаем!

З а к и р д ж а н . Уфф!!! Грязные, немые!

С а м в е л . У нас земля под ногтями! Искры под ногтями! Мы — черти!

М у с а . Мы не люди, мы скотина!

Г а м з а т . С нами не договоришься!

Н у р и к . Получай свою баньку!

З а к и р д ж а н . Получай свои золотые конюшни!

Возвращается Иван, он ведет за руку Соню.

И в а н . Жги, Самвел!

Владонях Самвела словно по волшебству появляются огненные шары, он кидает их ввысь, и все постройки превращаются в горящие факелы. Джики кладут руки на плечи друг другу и с криками и песнями на разных языках пляшут вокруг клетки Хозяина. Хозяин ругается, бежит

по клетке, как затравленный хищный зверь. Иван и Соня неподвижно стоят и смотрят друг на друга, молчат. Вокруг них все длится бешеная пляска.

Иван. Вместе сбежим, как ни в чем не бывало! И всегда будем вместе.

Соня. Я хочу быть женой тебе.

Иван. Будешь, Сонька. Самвел привезет Старуху-Джичку, она снимет проклятье.

Соня. А как же быть сейчас? Куда мне податься?

Иван. Помотаешься со мной по шабашкам.

Соня. С удовольствием. Ты будешь кричать: «Сонька! Рас-твор! Сонька! Кирпич! Плитку!...» А я — приносить.

Иван. Нет, ты будешь подносить только воду — поить меня и поливать на голову...

Соня (*кричит*). Отец! Прощай.

Хозяин. Прощай-прощай! Ты мне больше не дочь!

Соня. А ты — по-прежнему мой единственный папа, только я не знаю, увидимся ли мы еще!

Иван. Джики! Уходим!

Соня. Подожди, Иван, я вещи не собрала!..

Иван. Какие вещи! Мы тут всё спалили! Теперь у тебя ни шмоток, ни пирожных, ни безделья — только дорога. Нужно убраться как можно дальше.

Соня. Хорошо, Иван, бежим!

Хозяин. Далеко не убежите! Всех посадят! (*Мечется по клетке, выглядывает сквозь прутья.*) Все до одного, бандиты, сядете!

Али кланяется Хозяину, смеется.

Али. Пока, Господин!

Вслед за ним остальные джики валяют дурака, падают на колени возле клетки, возносят руки к небу.

Джики (*все вместе*). Пока! Господин! Прощай, Господин! Мы будем скучать по тебе, Господин!

Х о з я и н . Бандиты! Террористы!
Ну р и к . Точно-точно!
З а к и р д ж а н . Именно так! Наконец-то ты догадался!
Г а м з а т . Мое имя — Поджог Сараев!
М у с а . А мое — Распил Заборов!
А л и . Меня зовут — Разбор Полетов!
С а м в е л . Банда Поджога Сараева прощается с тобой!
Идемте, джики! Нас ждет — не дождется свобода!
Д ж и к и . Пока-пока, Господин!!!

Джики уходят. Хозяин остается в клетке.

И в а н . Самвел! Куда вы сейчас?
С а м в е л . Мы уходим домой, в горы. Наши жены состарились, дети выросли, и все родственники думают, что нас нет среди живых. Будем праздновать свое возвращение и пить вино!
А л и . Мы с вами!
Г а м з а т . Мы тоже возвращаемся.
С а м в е л . Прощай, Иван. Прощай, Нурик, прощай, Закирджан. Я буду молиться о том, чтобы моя мать была еще жива. Тогда я расскажу ей о человеке, который спас меня, и она придет, чтобы снять проклятье с твоей невесты.
И в а н . Спасибо, Самвел. Мы с Сонькой будем ждать от тебя весточки.
С а м в е л . Клянусь, я сдержу слово и никогда не забуду, что ты спас жизнь мне и всем остальным.
И в а н . Это не меня надо благодрить, а Бродяжку.
Б р о д я ж к а . Сколько раз повторять, я — не бродяжка, я — настоящий гангстер!
И в а н . Прости, если обидел.
Б р о д я ж к а . Прощайте. Мне снова нужно залечь на дно.
(Скрывается в кустах.)
С о н я . До встречи, Бродяжка!
С а м в е л . И нам пора...
Ну р и к . Жаль, что расстаемся...
З а к и р д ж а н . Будьте здоровы!

И в а н . Ну, давайте!

С о н я . Счастливенько!

Все долго обнимаются. Простившись, Самвел и остальные пленники уходят, исчезая в облаке дорожной пыли.

Иван, Нурик, Закирджан и Сонька идут молча.

С о н я . Куда мы идем?

Н у р и к . Работать.

С о н я . Где работать?

З а к и р д ж а н . На стройке, у какого-нибудь господина...

С о н я . Где мы будем жить? Что мы будем есть?

И в а н . Не бойся, все сбудется, все будет так, как ты и мечтала.

7

Белый мягкий снег укутал стройку, вагончик для рабочих, все дороги, все города и всю землю. В свете строительных прожекторов летящие снежинки переливались и вспыхивали всеми цветами радуги. У входа в вагончик стояли Иван и Соня, они глядели сквозь снег в теплое новогоднее небо.

С о н я . Скоро полночь.

И в а н . В новом году мы станем еще счастливее.

С о н я . Я устала верить, что Старуха-Джичка когда-нибудь объявится.

И в а н . Да, от Самвела до сих пор никакой весточки.

С о н я . Так я никогда не стану тебе женой.

И в а н . Сами поедем за ответом.

С о н я . Когда?

И в а н . Весной. Немного подзаработаем и поедем к Самвелу в гости.

С о н я . Пойдем в дом, простудишься.

И в а н . Нас ждет новогодний ужин!

С о н я . Ой! Чайник вскипел!

Они проходят в вагончик, в углу топится печка, маленькая елочка украшена бумажными корабликами и птицами. Иван и Соня садятся за стол и заваривают бич-пакеты.

И в а н . Подожди, не все заливай, оставь так погрызть.

С о н я . Как хочешь.

И в а н . Это с курицей или с грибами?

С о н я . С грибами.

И в а н . Закирджан с грибами любил... А Нурик любил сухую грызть...

Как там сейчас мои братья, в горах? Вспоминают ли меня? К ним тоже съездим, Соня. Весной... Не грусти. Давай встречать Новый год, скоро полночь.

С о н я . Я не грущу.

В дверь вагончика стучат. Слышится чей-то голос.

Г о л о с . Вань! Тебе заварку надо?

И в а н . Кто это? Ахмед, что ли? (*Громко.*) Не, не надо, спасибо, у нас есть!

Г о л о с . Точно не надо? А сахарку не отсыпать?

И в а н . Сахар тоже есть! Чо за дверью-то стоишь, зайди! У вас в вагоне хоть тепло?

Г о л о с . Да у нас так тепло, Иван, что мандарины выросли! Орехи выросли!

И в а н . Это Закирджан! Закирджан!

Открывается дверь — входят Нурик с супругой и детьми, Закирджан с молодой женой, Самвел и сухонькая носатая с т а р у ш к а , у всех у них в руках авоськи и сумки с мандаринами, у старухи на голове кувшин.

И в а н . Приехали! Братья мои приехали! Самвел!

С о н я . Ой, мандаринами пахнет!.. Как в детстве!

Н у р и к . Здравствуй, дорогой! Вся душа по тебе исстрадалась!

З а к и р д ж а н . Сколько лапши вместе съели!

И в а н . И еще съедим! К столу, дорогие гости!

С о н я . Сейчас я вам заварю горяченькой! Садитесь на мою табуреточку, бабушка!

С т а р у х а - Д ж и ч к а . Спасибо, доченька. Как ты себя чувствуешь?

С о н я . Хорошо, бабушка.

С т а р у х а - Д ж и ч к а . Умница, доченька...

З а к и р д ж а н . Иван, чё это у тебя один рукав длиннее другого?

И в а н . Так задумано. Сонька кофту вязала. И носки вот эти — ее работа.

Н у р и к . Молодец, Соня. Познакомься, Иван, с моей женой. А это пацаны мои, одному четыре, другому семь.

З а к и р д ж а н . А это моя жена — Зухра, помнишь, рассказывал, калым собирал.

С а м в е л . А я привез мать. Чтобы и у тебя с Соней, Иван, была свадьба.

И в а н . Спасибо, Самвел, что сдержал слово.

Н у р и к . А я привез гостинцы!..

С т а р у х а - Д ж и ч к а . Цыц! Хватит! Соня! Подойди к старухе. Хочу с тебя проклятье снять, за то, что Иван мне сыночка с того света вернул. Но не так-то просто мои заклятья снимаются. Полгода я к тебе ехать отказывалась: Самвелу говорю — то спина у меня ноет, то ноги болят, — а сама жду, пока ты восемь мозолей в скитаниях натопчешь, сто раз голодный язык обожжешь да тысячу раз иголкой пальцы уколешь. Ну теперь уж пора. Смотри, господская дочка, вот кувшин. (*Ставит кувшин на стол.*) Этот кувшин я привезла с помоями — для тебя. Какой в нем только нет гадости: и очистки, и ботва, и тухлая капуста, и пенка с бульона, и даже промолчу что! Но по сравнению с тем, чем джиков ваши господа взаперти кормят, — все равно лакомство! Так что ты нос зажимай — и хлебни. Чем больше отхлебнешь, тем больше счастья в жизни будет.

Соня открывает крышку.

С о н я . Вань... Я не смогу помои, Вань!

И в а н . Пей, Сонька, делать нечего...

Старуха-Джичка. Пей! Зато потом будет свадьба! С поцелуями! Плясать будем! Пей!

Соня. Щас. Щас, щас...

Старуха-Джичка. Хлебай помои, господская дочка! Если Ваньку любишь, хлебай!

Соня пьет из кувшина.

Старуха-Джичка. Ну вот, девочка моя хорошая, вот и нет на тебе бабкиного проклятья! Чего ждать? Давайте играть свадьбу! У Закирджана свадьба мне понравилась, сынок, давай и Ваньке сыграем!

Нурик берет барабаны, Самвел — рожок, и они начинают играть веселую свадебную музыку. Их жены и дети танцуют, Старуха-Джичка готовит праздничный стол. За стол усаживают молодоженов — Ивана в вязаной кофте и Соню в желтой строительной робе. Открывается дверь, входит Бродяжка, в ее шерстке блестят снежинки. Музыка затихает.

Бродяжка. С Новым годом! Свадьбу играете? А я ваших родителей привела на торжество! Родители! Заходите!

Входят Хозяин, отец Сони, и женщина в соломенной шляпе — Бездомничиха.

Хозяин. Здравствуй, дочка. Не прогоните?

Иван. Садись, отец. Вовремя, мы свадьбу играем!

Хозяин. Я знаю... К печке сяду — снега за шиворот навалило!..

Соня. Как ты живешь, папа?

Хозяин. Потихоньку, дочка. Отстроился по осени.

Соня. Сам?

Хозяин. Жить захочешь — научишься.

Соня. А это кто с тобой, папа?

Женщина. Я — Бездомничиха.

Иван. Ты — моя мать?

Женщина. И твоя тоже. Я вам пирожных принесла, отдайте...

Старуха-Джичка. Давай, давай, мать, отведаем! (*Ест.*)

Хозяин. Ну как? Тьфу! Я же говорю, горькие!

Старуха-Джичка. Почему горькие?

Хозяин. Я говорю — горькие!

Старуха-Джичка. А! Да, да! Расчухала — горькие!

Хозяин. Горько! Горько!

Гости кричат, Иван целует Соню.

Иван. Видишь, Сонька, какая у нас свадьба, даже родители пришли! Так ты себе ее представляла?

Соня. Немножко не так... Но так даже лучше, Ваня...

Нурик и Самвел играют, гости поют, Старуха-Джичка заводит танец,
веселье только начинается.

З а н а в е с

Анастасия Букреева

ЯБЛОЧНЫЙ ЗАЯЦ

Действующие лица:

Алеша, Алексей — 20 лет, студент

Ниночка — 8 лет

Сергей Сергеевич — преподаватель, психиатр

1

Настоящий момент. Комната с белыми стенами. Алексей сидит на табурете, заложив руки за спину. Смотрит в пол. Рядом с ним психиатр Сергей Сергеевич в белом халате, с блокнотом в руках.

Сергей Сергеевич. Что вы почувствовали, когда зашли в квартиру?

Алексей. ...

Сергей Сергеевич. Вы же понимаете, голубчик, что молчать не надо.

Алексей. ...

Сергей Сергеевич. Нам будет значительно проще, если мы быстро начнем и закончим. Чем быстрее мы...

Алексей (*тихо*). Тем быстрее.

Сергей Сергеевич. Вы почти не ходили на мои лекции.

Алексей. И что? Мне за это сделают лоботомию?

Сергей Сергеевич. А когда достаивали меня своим вниманием, все время хамили.

Алексей. Или электрошок... Тоже вариант. Не стесняйтесь, Сергей Сергеевич.

Сергей Сергеевич. Я все думал: вы хам по натуре или это защита?

Алексей. Что вам нужно от меня? (*Наклоняется к Сергею Сергеевичу.*) Что вам еще нужно от меня.

Сергей Сергеевич (*настороженно*). Меня попросили. Думаете, я рад?

Алексей. Вы ведете себя странно.

Сергей Сергеевич. Непрофессионально?

Алексей. Хреновый вы специалист.

Сергей Сергеевич. Вы тоже. Хотите воды?

Алексей. Не хочу.

Сергей Сергеевич. Яблоко?

Алексей резко встает со стула. Поворачивается спиной к Сергею Сергеевичу.

Сергей Сергеевич. Почему вы пошли туда?

Алексей. ...

Сергей Сергеевич (*открывает блокнот*). Сколько вам полных лет?

Алексей. ...

Сергей Сергеевич. Расскажите мне о ваших родителях.

Алексей. Потому что раньше туда никто не ходил.

Сергей Сергеевич. Так.

Алексей. Что так? Сколько ваших сопляков писали эту историю? И всем было насрать.

Сергей Сергеевич. Вы мне неприятны.

Алексей. А я не медный грош, чтобы всем нравиться.

Сергей Сергеевич. Что вы почувствовали, когда зашли в эту квартиру?

Алексей. Мне двадцать лет. Ровно двадцать. Мои родители никогда не были психами, ясно вам? И ни слова больше о них.

Сергей Сергеевич. У нас мало времени. А у вас его теперь нет вообще.

Алексей. Пишите там себе, что хотите. Все равно читать не будут. Чё вы паритесь?

Сергей Сергеевич. Когда вы решили это сделать? До того, как зашли, или после?

Алексей. Дайте мне яблоко.

Сергей Сергеевич. Держите.

Алексей. Я не ем красные.

Сергей Сергеевич. Зеленых нет.

Алексей. Тогда пишите, что хотите. Я ничего вам больше не скажу.

2

Две недели назад. Кабинет в психоневрологическом диспансере для детей. Чуть в глубине стоит стол и доска, на которой висит реклама семинара «Семья — это наше будущее». Ниночка сидит на стуле, опустив голову и чуть подрагивая. На ее шее повязан алый шарф. Под стулом валяется старая тряпичная кукла. Голова куклы почти оторвана. Алеша после бурной пьянки, вял и расстроен. Преподаватель Сергей Сергеевич — в соседнем кабинете. Дверь в кабинет приоткрыта.

Сергей Сергеевич (*из кабинета*). С ребенком осторожнее, очень сложный случай, без шуток. Ничего не обещайте. Тем более, вы-то точно не сдержите обещание.

Алеша. Спасибо.

Сергей Сергеевич. Пожалуйста. И Бога ради, не трогайте ее и не говорите, что придете еще раз. Ведите себя профессионально.

Алеша. Делать мне нечего. Я что, баба?

Сергей Сергеевич. С детьми работать сложнее.

Алеша. В каком смысле?

Сергей Сергеевич. В прямом. Но с вашим уровнем эмпатии, пожалуй, нечего беспокоиться.

Алеша. Уровнем чего?

Сергей Сергеевич. Поэтому я выбрал этого ребенка именно для вас. Не спускайте с нее глаз. Не разрешайте ходить по комнате. Следите, чтобы ничего не трогала. В данном случае опасны даже скрепки.

Алеша. Она что, серийный маньяк?

Сергей Сергеевич. С тестами повнимательнее. Это необычная девочка. Вы, надеюсь, знаете, какие тесты проводить надо?

Алеша. Наверное, знаю.

Сергей Сергеевич. Вот и ладно.

Алеша. Э... У меня с детьми вообще-то не очень. Может, вы мне взрослого дадите? Нет? Ясно... (*Садится на стул напротив Ниночки.*)

Алеша. Так-так... Что тут у нас? (*Смотрит в тетрадь с конспектом.*) Ага... Как тебя зовут?

Ниночка. ...

Алеша. Понятно. Меня Алексей Юрьевич зовут. (*Тихо.*) Черт, как тупо. (*Ниночке.*) Я как бы врач, понимаешь?

Ниночка. ...

Алеша. Будущий. Мне нужно с тобой немного пообщаться, да? Но я не могу общаться, если ты все время молчишь.

Ниночка (*тихо*). Я знаю.

Алеша. И...

Ниночка. ...

Алеша. Будет здорово, если все пройдет быстро. Правда?

Ниночка кивает.

Алеша. Тебе и мне будет проще, если мы быстро начнем и закончим. Так ведь?

Звонит телефон. На звонке «Облака — белогривые лошадки» (или другая невинная детская песенка). Алеша вздрагивает, трет виски, встает, отходит от Ниночки.

Алеша (*со страданием*). Да... Нет... Не, лапа, щаз не получится. В половине восьмого в «Трех поросятах», ага...

Сергей Сергеевич. Что это еще? Телефон выключите, уважаемый!

Алеша (*тихо*). Я на истории... Не ори. Не той истории. На болезни я. Не моей, дуреха, ребенка пишу. Что? Ребенка, говорю. Ага... Лен, ты очумела, что ли? Нет, не жалко. Если каждого жалеть, свихнуться можно. (*Очень тихо.*) Да я ненавижу детей.

Сергей Сергеевич. Я выразился неясно?

Алеша. Ясно, все ясно. Телефона нет.

Нехотя возвращается к Ниночке.

Алеша. Ты уже учишься в школе?

Ниночка. Меня зовут Нина.

Алеша. Класс... (*Трет виски. Каждый звук отдается в его голове резкой болью.*) Нина. Красивое имя. Сколько тебе лет, Нина?

Ниночка. Я уже хожу в школу.

Алеша. Это очень интересно, детка. Но сколько же тебе лет?

Ниночка молчит, смотрит вниз.

Алеша (*отворачивается от Нины, сам себе*). Аутистка, что ли? (*Просматривает тетрадь.*) Половины нет. Вот и верь потом людям. Ну, Кузя, ну ты и козел. Как мне ее вот с этим «допрашивать»? (*Трясет тетрадь.*)

Сергей Сергеевич. У вас осталось десять минут.

Алеша. Угу.

Сергей Сергеевич. Какие-то проблемы у вас?

Алеша. Нет, вообще никаких проблем. (*Листает тетрадь.*)

Сергей Сергеевич. Тетрадь закройте, пожалуйста.

Алеша. Какую тетрадь?

Ниночка быстро бросает взгляд на Алешу.

Алеша. Э... Нина...

Ниночка. Мне восемь лет.

Алеша (*без энтузиазма*). Класс. Целых восемь лет. Ты живешь с мамой и папой?

Ниночка начинает чуть раскачиваться на стуле, стул скрипит. Алеша хватается за голову.

Ниночка. Сережа сказал, что у него в кровати живут тараканы.

Алеша (*с трудом*). Какой Сережа?

Ниночка. Мальчик. Ему поставили шизофрению.

Алеша. А-а-а... Это Кузя с ним говорил. То есть Иван Андреевич Кузьмин, тоже будущий врач... Он ему поставил шизофрению? Надо же... какие ты слова знаешь, Нина.

Ниночка. Я живу с мамой, папой, а еще с братом Андрюшей и сестрами: Машей, Олей и Катей. Маше пять лет, Оле почти три года, а Кате одиннадцать лет. А Андрюше шесть лет. И еще с кошкой Мусей. Ей три годика. Но она ушла.

А л е ш а (*рассеянно*). Кто ушел?

Н и н о ч к а . Сереже поставили шизофрению.

А л е ш а . Ты такие слова знаешь, Нина. Непростые такие слова...

Н и н о ч к а . Ему все ставят шизофрению. Потому что он та-
раканов видит.

А л е ш а (*осторожно*). А ты?

Ниночка молчит. Она все еще не смотрит на Алешу.

А л е ш а . Ты рисовать любишь?

Звонит телефон. Мелодия «Облаков». Алеша встает, отходит в сторо-
ну. Все это несколько неловко. Ниночка садится к столу, берет листок
бумаги и начинает рисовать.

А л е ш а . О, боже, Светка, не кричи! Здесь нельзя разгова-
ривать. Препад пасет. Фрейд, говорю, пасет. Нет еще. Сессию
сдам, переведусь на экономику. Хрень какая-то... (*Листает тет-
радь.*) Хрень, говорю. Это ты в моем телефоне опять рылась?
Что за детский сад ты мне поставила? Облака, блин, белогри-
вые лошадки... Ой, да конечно, нравится, пупсик...

В соседнем кабинете раздается угрожающий кашель Сергея Сергее-
вича. Ниночка ломает карандаш, ищет точилку. Находит маленький
канцелярский ножик с выдвижным лезвием. Начинает подтачивать
грифель.

3

Настоящий момент. Белая комната.

Сергей Сергеевич. Я хотел бы поговорить с вами об
этом.

Достает рисунок.

А л е к с е й . Что об этом говорить?

Сергей Сергеевич. Вам нравится рисунок?

А л е к с е й . Да, неплохо. Не хуже Тима Бёртона. Я повесил
его над кроватью.

Сергей Сергеевич. Я знаю.

Алексей. Что еще?

Сергей Сергеевич. Вы не описали его.

Алексей. Что я не описал?

Сергей Сергеевич. В вашей работе вы не ссылаетесь на зайца.

Алексей. Моя работа плохая?

Сергей Сергеевич. Непрофессиональная. Мне не понравилось.

Алексей. Мое, типа, заключение не верно?

Сергей Сергеевич. Не отвлекайтесь.

Алексей. У меня болит голова.

Сергей Сергеевич. Расскажите про этого зверя. Не заставляйте меня вас упрашивать.

Алексей. Это обыкновенный Яблочный заяц, широко распространенный на территории нашей с вами гребаной родины, доктор. Живет в яблочных кустах. Есть разные подвиды данного вида. Заяц клубничный, заяц земляничный, заяц арбузный, заяц тыквенный, заяц сливовый, заяц фейхуэвый...

Сергей Сергеевич. Я понял.

Алексей. Заяц фейхуэвый — самый распространенный подвид. Плодится чаще других. Вы записываете? Пишите-пишите. Ничего не пропускайте.

Сергей Сергеевич. Успокоились?

Алексей. Вполне.

Сергей Сергеевич. Продолжаем?

Алексей. Нет. Мне нужно позвонить.

Сергей Сергеевич. Свете? Лене? Ире? Кате? Маше?

Алексей. Маша — широко распространенный вид... Я потерял телефон.

Сергей Сергеевич достает из кармана сотовый.

Сергей Сергеевич. Этот?

Алексей. Стащили у меня трубу? Не ожидал от вас.

Сергей Сергеевич. Здесь еще один заяц. Рядом с первым. Только другого цвета. Тоже Яблочный?

Алексей. Да, такая порода.

Сергей Сергеевич. Что вы можете сказать о нем?

Алексей. Ничего.

Сергей Сергеевич. Неужели ничего?

Алексей. Мне нечего вам сказать.

Сергей Сергеевич. Почему вы решили пойти туда?

Алексей. Вы издеваетесь, что ли?

Сергей Сергеевич. Мне интересно с профессиональной точки зрения. Никто не ходил, а вы пошли. Вам было любопытно?

Алексей. Допустим.

Сергей Сергеевич. Так допустим или да?

Алексей. Это принципиально? Да, мне было нечем заняться с Машей, Леной, Светой. Они мне не дали, и я пошел в гости. А по дороге яблочек купил зеленых. Так пойдет?

Сергей Сергеевич. Допустим.

4

Две недели назад. Психоневрологический диспансер для детей.

Алеша. Да! Все. Целую, лапа. Седня, да... В половине э-э-э... одиннадцатого, раньше не могу, нет... Дела... В «Красном лисе». Да... (*Ниночке*.) Ты... чего это там?

Ниночка. Проектирный тест.

Алеша (*смотрит в тетрадь*). Проективный. Несуществующего зверька рисуешь? Ага... молодец, Нина. Вот молодец. Помогаешь доктору.

Ниночка. Ты не доктор.

Алеша. Как это я не доктор?

Сергей Сергеевич берет в руки толстую папку, открывает ее. Достает детские рисунки.

Сергей Сергеевич. Придумай и нарисуй несуществующее животное, которого нет в природе. А теперь расскажи мне об этом животном. Где оно живет? Какой у него характер? Оно боится чего-нибудь?

Алеша (*Сергею Сергеевичу*). Вы что-то сказали?

Сергей Сергеевич. Работайте.

Алеша. Нуда.

Сергей Сергеевич. Какое у него самое заветное желание?

Алеша смотрит на Ниночку, садится рядом, касается ее плеча. Она сильно вздрагивает и испуганно смотрит на него.

Алеша. Да не бойся ты. Я вообще детей не ем никогда, даже не трогаю.

Ниночка. Ты их не любишь?

Алеша. Не, ну что ты. Я их очень люблю... *(Двигает стул, случайно задевает Ниночку рукой. Та быстро выставляет вперед канцелярский нож.)* Опа... Нина... Откуда у тебя эта штука?

Ниночка. ...

Алеша. Бл... Ничего себе... *(Тихо.)* Какой идиот на столе оставил?

Сергей Сергеевич. У вас все в порядке?

Алеша. В полном, в полнейшем порядке...

Сергей Сергеевич. Дверь не закрывайте, пожалуйста.

Алеша. И не думал даже... *(Ниночке. Тихо.)* Давай договоримся. Ты отдашь мне эту штуковину нехорошую. Ладно? Нет? *(Вздыхает. Отсаживается подальше от Нины.)* Вот черт... Ниночка... Мы продолжим, ладно? Не возражаешь, нет? Ты знаешь, почему тебя сюда привезли?

Ниночка молчит. Алеша открывает тетрадь. Беспомощно смотрит в одну точку. Затем на ножик. Ниночка снова принимается за карандаш.

Алеша. Мне нужно знать, почему тебя сюда привезли. Без этого ну никак.

Ниночка. Я не вижу тараканов.

Алеша. Что?

Ниночка. Только Сережа видит. А я не вижу.

Алеша. И на этом спасибо. *(Встает. Поднимает руку, чтобы погладить Ниночку по голове, смотрит на нож, опускает руку.)* Ты ведь меня не боишься? *(Нервно смеется.)* И я тебя не боюсь. *(Смотрит на рисунок. Сначала мельком, потом немного озабоченно.)*

Вешает его на доску рядом с рекламой семинара «Семья – это наше будущее».) Какой странный у тебя зверек.

Ниночка точит карандаш быстрыми нервными движениями. Алеша забывает про нож. Встает напротив рисунка, хмурится.

А л е ш а . Кто это?

Н и н о ч к а

А л е ш а (*неуверенно*). Заяц?

Н и н о ч к а . Яблочный заяц.

А л е ш а . Вот как... У него ножи вместо когтей?

Н и н о ч к а . И очень длинные клыки.

А л е ш а (*с беспокойством*). Да. Зачем ему такие острые?

Ниночка молчит. Грифель снова ломается.

А л е ш а . А на шее кровь у него?

Н и н о ч к а

А л е ш а . Да не молчи ты!

Ниночка вздрагивает, напрягается.

А л е ш а . Блин, прости... Я не хотел тебя пугать. Просто я... я плохо себя чувствую. (*Тяжело дышит.*) Ты красиво рисуешь, Нина. Тебя мама учила?

Ниночка отрицательно качает головой.

А л е ш а . Папа?

Ниночка раскачивается на стуле, смотрит в одну точку.

А л е ш а . Ниночка, пожалуйста, поговори со мной. Яблочный заяц – злой?

Н и н о ч к а . Он очень разозлился.

А л е ш а . Он кого-то съел?

Звонит телефон. «Облака».

А л е ш а (*нервно*). Вот черт! Юлёк... Лапа моя, я занят. У меня тут трабл небольшой... или большой, я пока не понял...

С зайчиками... Встретимся седня (*смотрит на часы*)... не, седня не успеть... Завтра м-м-м... в полшестого, э-э-э... в «Хали-Гали». Что? Кого ты хочешь мне подарить? Кошку? Очумела, что ли? У меня даже рыбкидохнут. Я кормлю только себя потому что.

Сергей Сергеевич. Я снижаю вам балл.

Алеша. Не, не, погодите... (*Смотрит на нож в руках Ниночки.*) Хватит точить, детка. Ты так весь карандаш сточишь... (*Пауза.*) Но если хочешь, то, конечно, точи... Мы не успеем второй тест провести. Но это не страшно. Наплевать.

Ниночка. Старелочками?

Алеша (*заглядывает в тетрадь*). Да-да, там круги. Похожи на тарелочки. «Рассади свою семью за стол» называется... (*Смотрит на ножик.*) О, господи...

Ниночка (*встает, обходит стол*). Я сяду рядом с Мусенькой и Катей. Потом будет Оля, и Маша, и Андрюша. А рядом с Андрюшей — мама моя. Нарисуй в тарелках яблоки. Пожалуйста. (*Протягивает Алеше карандаш.*)

Алеша. Кто такая Мусенька?

Ниночка. Это моя кошка. Ты забыл?

Алеша. А-а-а... Любишь яблоки?

Ниночка кивает.

Алеша. Ясно... Конечно, я нарисую. И дело не в том, что у тебя в руках... Я просто нарисую и все. (*Берет лист, рисует овальный стол и круги, подписывает каждый.*) Так?

Ниночка кивает.

Алеша. А... А папу куда ты посадишь, Нина?

Ниночка. ...

Алеша. Может, он под стол спрятался?

Ниночка выдвигает и задвигает лезвие. Алеша смотрит на нож, на рисунок, в сторону кабинета Сергея Сергеевича. Снова на нож.

Алеша. Перестань, пожалуйста... Нина. (*Поднимает с пола тряпичную куклу.*) У тебя кукла красивая. Как ее зовут?

Ниночка. Своша.

А л е ш а . Своша? Странное имя какое. (*Кладет куклу на стол.*) А что с ее головой?

Н и н о ч к а

А л е ш а . А менты... то есть полиция к вам домой когда-нибудь приходила?

Н и н о ч к а . Нас так мама называет.

А л е ш а . Как?

Пауза.

Н и н о ч к а . Своша.

А л е ш а . Это мама так вас называет? Всех?

Ниночка кивает.

А л е ш а . Так что там с полицией...

Н и н о ч к а . Я умею чистить картошку и яблоки. И точить карандаши.

А л е ш а . Я вижу. Очень хорошо, что умеешь, Ниночка... (*Смотрит на часы.*)

Пауза.

Н и н о ч к а . Я сделала нехорошее дело. И меня привезли.

5

Настоящий момент. Белая комната.

Сергей Сергеевич. Помните, что вы говорили мне про Нину? Как врач?

Алексей (*скороговоркой*). Сложный случай. Необычная девочка. Тесты не обеспечивают точность результата. Крайне неблагополучная семья, неоднократно подвергалась насилию, тип возбудимый, сензитивный... Точно не определить в данных возрастных рамках. Прогноз негативный. Возможен рецидив с последующим...

Сергей Сергеевич. Я у вас тогда спросил.

Алексей. Да?

Сергей Сергеевич. Спросил, любите ли вы детей. Помните?

Алексей. Я ответил, что ненавижу детей.

Сергей Сергеевич. А я так и подумал. Я ему так и сказал.

Алексей. Кому?

Сергей Сергеевич. Следовательно. Я сказал, что вы бесчувственный.

Алексей. Если каждого жалеть, свихнуться можно. Я — Своша.

Сергей Сергеевич. Вы кто?

Алексей машет рукой.

Сергей Сергеевич. Все-таки, почему заяц Яблочный?

Алексей. Яблоки ест мешками.

Сергей Сергеевич. Вам лучше знать, чем питаются Яблочные зайцы.

Алексей. У меня с детьми всегда было не очень...

Сергей Сергеевич. У вас даже рыбкидохнут. *(Пауза.)* Вы подумали, что она опасна.

Алексей. Я подумал, что ей всего восемь лет.

Сергей Сергеевич. Все-таки, почему вы пошли к ней?

Алексей. Потому что мой уровень эмпатии в полной жопе. Неужели не ясно?

6

Две недели назад. Психоневрологический диспансер для детей.

Ниночка. Я сделала нехорошее дело. И меня привезли.

Алеша. Какое дело ты сделала?

Ниночка. ...

Алеша. Это Яблочный заяц, ты сказала, да?

Ниночка. Да.

Алеша. У него ножи вместо когтей?

Ниночка. И длинные клыки.

Алеша *(с беспокойством)*. Да, ему нужно зачем-то... Так?

Н и н о ч к а

А л е ш а . Зачем?

Н и н о ч к а

А л е ш а . Ниночка, а это кто?

Н и н о ч к а . Это маленькие зайчата. Мама-зайка, три зайки-девочки и заяц-брат.

А л е ш а (*задумчиво*). У тебя три сестренки, да? С тобой четыре, верно?

Н и н о ч к а

А л е ш а . А где папа-заяц?

Н и н о ч к а

А л е ш а . У тебя папа есть?

Н и н о ч к а

А л е ш а . У Яблочного зайца есть папа?

Н и н о ч к а . Да.

А л е ш а . Он пошел погулять?

Н и н о ч к а . К нам приезжали милиционеры.

А л е ш а . Полицейские.

Н и н о ч к а . Менты. И врачи на желтой машине.

А л е ш а . На желтой, да? Странно... Они приезжали за папой?

Н и н о ч к а

А л е ш а . Нина, я могу взять ножик, подточить карандаш?

Ниночка не реагирует. Алеша не двигается.

А л е ш а . Значит, ты Своша?

Ниночка кивает.

А л е ш а . Свош, ты пальчик порезала, смотри. Давай я тебе салфеточку дам?

Н и н о ч к а . Мама называет всех Своша.

А л е ш а (*медленно протягивает бумажную салфетку*). Я понял.

Н и н о ч к а . Это значит сволочь... Это такой зверек.

Алеша выпрямляется, проглатывает ком в горле.

А л е ш а . Да, это как сельдь или выхухоль... Короче, это птица такая...

Н и н о ч к а (*серьезно*). Я так и подумала. В лесу, где заяц живет, очень много своихей.

А л е ш а . Мама иногда такие шутницы...

Ниночка кладет ножик на стол, берет в руки куклу.

Н и н о ч к а . Это папа показывал.

А л е ш а (*очень внимательно*). Что показывал?

Н и н о ч к а . Как он Андрюше шею открутит.

Алеша закрывает глаза рукой.

Н и н о ч к а . Ты болеешь?

А л е ш а . А? Да. Я очень... Голова взорвется скоро.

Н и н о ч к а . Ты ее чем-нибудь ударь.

А л е ш а . Что?

Н и н о ч к а . Ее нужно ударить. Она не будет болеть.

А л е ш а . Это тебе мама подсказала?

Н и н о ч к а

Алеша видит свободный ножик, смотрит на него. Придвигается поближе. Однако Ниночка снова берет его в руки.

А л е ш а (*показывает на рисунок*). Очень славные маленькие зайчики... А Муся где? У зайчиков разве нет кошки?

Н и н о ч к а

А л е ш а . Она ушла?

Н и н о ч к а

А л е ш а . Ты говорила, что вроде как ушла.

Н и н о ч к а . Мусю убили.

А л е ш а . Кто ее убил? Яблочный заяц?

Н и н о ч к а (*громко, готова заплакать*). Нет!

Алеша быстро хватает Ниночку за руку, в которой она сжимает нож, смотрит ей в глаза, отпускает. Ниночка забивается под стол.

Настоящий момент. Белая комната.

Алексей. Вы сказали, она вернется домой.

Сергей Сергеевич *(устало)*. Да, я так сказал.

Алексей. А я спросил, почему?

Сергей Сергеевич. Мы не имели права держать ее здесь. Вы должны были знать, если ходили на мои лекции.

Алексей. Ее можно вылечить?

Сергей Сергеевич. Нет.

Алексей. Разве это шизофрения? У Сережи шизофрения, а она не видит тараканов.

Сергей Сергеевич. Нет, просто она вернется домой.

Алексей. Ей туда нельзя. Неужели это непонятно?

Сергей Сергеевич. Соцслужбы сами разберутся. Почему вас это так задело?

Алексей. Я просто подумал.

Сергей Сергеевич. Вы просто подумали.

Алексей. Что ей туда нельзя.

Сергей Сергеевич. А вы забавный.

Алексей. Я спросил, где она живет.

Сергей Сергеевич. Вы спросили, но я не сказал. Вы все равно узнали.

Алексей. Я пришел в лес.

Сергей Сергеевич. Куда вы пришли?

Алексей. Зашел в квартиру.

Сергей Сергеевич. Так и говорите.

Алексей. Куча пней, змей, колючки — все, как она говорила. Там плохо пахло.

Сергей Сергеевич. Какие змеи?

Алексей. Как будто сотни кошек нагадили, и никто не убрал. Птиц не было, туман черный... Никакого забора.

Сергей Сергеевич. Каких птиц?

Алексей. Дверь в квартиру не запиралась, у них замок был сломан. Она не запиралась вообще. И так тихо было, как на кладбище.

Сергей Сергеевич. Возьмите воды.

А л е к с е й . Я прошел дальше, в темноту и увидел его. Я увидел его со спины. И спина у него была омерзительная. Дайте яблоко. Мне нужно.

С е р г е й С е р г е е в и ч . Есть только красное.

А л е к с е й . Неважно. Хитрая-хитрая сволочь... Никаких следов... Соцслужбы не разберутся.

8

Две недели назад. Психоневрологический диспансер для детей.

Н и н о ч к а (*тихо*). Нет. Нет. Нет. Нет. Нет. Нет. Нет.

С е р г е й С е р г е е в и ч . Эй, вы там? Я вас предупреждал.

А л е ш а . Все нормально. Все хорошо!

Алеша садится на пол. Протягивает руку Нине. Нина крепко сжимает ножик, смотрит на лезвие.

А л е ш а . Все нормально. Все хорошо. Можно я к тебе сяду? Можно? (*Касается плеча Ниночки. Она вздрагивает.*) Ниночка... Мне нужно узнать одну вещь. Не бойся. Тебя... дома били?

Н и н о ч к а

А л е ш а . Можно к тебе?

Н и н о ч к а . У Яблочного зайца есть норка. Он в нее прячется, когда страшно.

А л е ш а . К нему ходят гости?

Ниночка отрицательно мотает головой.

С е р г е й С е р г е е в и ч . У вас осталась одна минута.

А л е ш а . Значит, ты любишь яблоки?

Н и н а (*кивает*). Мама мне приносила в субботу.

А л е ш а . Она к тебе приходит?

Н и н а . Да, один раз. Но много яблок принесла. Три...

А л е ш а . Один раз, говоришь... Поэтому зайка Яблочный. А сколько ты здесь?

Н и н а . Много дней.

А л е ш а . Ты сделала нехорошую вещь, чтобы защитить других зайков? Ниночка, не бойся... (*Осторожно берет за руку.*)

Посмотри на меня. Ты очень красивая, Ниночка. Ниночка... Ты можешь сказать мне, чего хочет Яблочный заяц?

Ниночка опускает голову. Алеша встает, нерешительно подходит к двери.

А л е ш а . (Сергею Сергеевичу.) Послушайте... Я просто хотел спросить, где ее отец... Просто спросить...

С е р г е й С е р г е е в и ч . Это вы мне на экзамене расскажите. У вас полминуты. Закругляйтесь.

А л е ш а . Как она к вам попала?

С е р г е й С е р г е е в и ч . Не тратьте время.

Алеша стоит у двери. Думает. Возвращается к столу. Ниночка срывает рисунок с доски, что-то дорисовывает. Алеша смотрит на нее некоторое время.

А л е ш а . Ниночка. Ты сделала нехорошую вещь... И поэтому попала сюда, да?

Ниночка кивает.

А л е ш а . Нина... Скажи мне... Ты сделала нехорошую вещь с папой?

Пауза. Алеша терпеливо ждет. Ниночка поднимает на него глаза и тут же отворачивается.

Н и н о ч к а . Он плохой.

А л е ш а . Он плохой. Конечно.

Н и н о ч к а . Он маму бил больно и всех. Он Андрюше зубки сломал. И Мусю убил до смерти.

А л е ш а . За это Яблочный заяц что-то сделал с ним?

Ниночка поворачивается спиной к Алеше.

С е р г е й С е р г е е в и ч . Всё. Ваше время вышло.

А л е ш а . Нет. Я не закончил.

9

Настоящий момент. Белая комната. Алексей шатается на стуле.

А л е к с е й . Ее не просто били. Если бы просто били... Не просто... Вы понимаете, что я имею в виду? Не надо мне жевать про эмпатию. Врач должен быть в броне, врач должен быть без чувств. Вы — киборг, а я человек. Понятно? Киборги дольше живут.

С е р г е й С е р г е е в и ч . Киборги лечат. А вы...

А л е к с е й . А что я?

С е р г е й С е р г е е в и ч . Ничего. Я вас, идиотов, берегу. Чтобы раньше времени не сгорели все. Но вам этого не понять.

А л е к с е й . Нам не понять. У нас нет эмпатии.

Алексей садится под стол.

А л е к с е й . Она стояла. В комнате.

С е р г е й С е р г е е в и ч . И что?

А л е к с е й . С ножом.

С е р г е й С е р г е е в и ч . И что?

10

Две недели назад. Психоневрологический диспансер для детей.
Ниночка под столом.

А л е ш а . Я не закончил.

С е р г е й С е р г е е в и ч . Что это с вами?

А л е ш а . Я же будущий врач.

С е р г е й С е р г е е в и ч . Разве вы не переводитесь на экономический?

Н и н о ч к а . Яблочный заяц никого не убил.

А л е ш а . Что?

Н и н о ч к а . Яблочный заяц встал на стульчик (*встает на стул*), потом на стол (*встает на стол*) и повесил веревку на лампу (*смотрит вверх*).

А л е ш а . Что?

Н и н о ч к а . А веревка очень колючая была, зеленая, от коробок. *(Снимает шарф с шеи. Вешает на невидимую люстру. Шарф падает. На шее Нины – след от веревки.)* Только у него не получилось правильно. Его Катька нашла. Она – дура. *(Садится на стол, обхватывает колени руками.)*

Звонит телефон. «Облака». Алеша ошеломленно смотрит на него. Не подходит.

А л е ш а . Тебе восемь лет...

Н и н о ч к а . Мне восемь лет, и я уже хожу в школу. Я живу с мамой, папой... сестренками и братом, и кошкой Мусей. А ты уходи. Ты детей ненавидишь. Поэтому мы быстро говорим, и ты уйдешь. Но я тебя не боюсь совсем. Ни капельки. *(Улыбается.)*

А л е ш а

11

Настоящий момент. Белая комната.

А л е к с е й . Она сказала, что тоже ненавидит меня.

С е р г е й С е р г е е в и ч . Когда она вам сказала?

А л е к с е й . Сразу после этого сказала.

С е р г е й С е р г е е в и ч . Она вас ненавидит?

А л е к с е й . Вы ничего не поняли.

С е р г е й С е р г е е в и ч . У нее в руках был нож, правильно?

А л е к с е й . Правильно.

С е р г е й С е р г е е в и ч . Вы сказали, она умела с ним обращаться.

А л е к с е й . Да, она прекрасно точила карандаши и чистила яблоки.

С е р г е й С е р г е е в и ч . Она хотела убить его? Это она убила его? Алексей? *(С нажимом.)* Ведь это она его убила?

Алексей вертит в руках яблоко. Думает.

Сергей Сергеевич. Я восстановлю вас в институте. Вы отдохнете и вернетесь ко мне. Вы сдали экзамен. Ставлю вам отлично. Ваша работа — лучшая на потоке. Она никому не рассказывала так много. Вы не сослались на рисунок. Это не беда. Будем считать, вы ответили устно. Вы готовы? Я позову следователя.

Алексей. Она не могла его убить. Яблочный заяц живет в норке под яблочным кустом. Он не хищник. Он ест только яблоки. Зеленые. Есть такие чудовища в том лесу, которых даже страшно описать. Не то чтобы нарисовать на бумаге. Ведь то, что нарисовано, становится живым.

Сергей Сергеевич. Успокойтесь. Выпейте воды.

Алексей. Там у них подгузники с говном в комнате валяются. Мать пьяная, но не агрессивная совсем. С этим зверем еще можно справиться.

Сергей Сергеевич. Я все записал. Вы вошли в квартиру, прошли по коридору, зашли в комнату. Нина кинулась на него с ножом. Вы не успели ее остановить.

Алексей. Восьмилетнюю девочку с дефицитом веса практически нельзя остановить.

Сергей Сергеевич. У нее в руке был нож.

Алексей. Да. Был. Абсолютно был.

Сергей Сергеевич. Все абсолютно ясно.

Алексей. А за ее спиной мелкая стояла. Такая маленькая девчонка совсем. Ну года два, что ли, с половиной. Или три... И этот урод посмотрел на нее. Ну, как это опишешь? Как он на нее посмотрел! По-уродски посмотрел.

Сергей Сергеевич. Все нормально, Алеша. Можешь дальше не говорить. Я все записал.

Алексей. Вот тогда я и решил.

Сергей Сергеевич. Все. Спасибо. Надевай куртку. Вот яблоко тебе. Я с тобой поеду.

Алексей. Вот когда я решил. Запиши. Я решил, что Яблочному зайцу будет лучше без отца.

Сергей Сергеевич. Ты ничего не успел решить. Она тебя опередила.

Алексей. У Ниночки ножик-то из рук выскочил. Хотя, знаешь что? Она ведь хорошо с ним управляется... Картошку

чистит, яблоки... Лук может порезать. Опять же... Очень полезная вещь — кухонный нож. Почти такая же полезная, как канцелярский. *(Берет канцелярский нож из ящика.)*

Сергей Сергеевич. Положи нож на место. Хватит. Ты все напугал. Не роняла Нина нож.

А л е к с е й. Наша Нина горько плачет, уронила в речку ножик. Тихо, Ниночка, не плачь... *(Качается из стороны в сторону.)*

Сергей Сергеевич достает шприц, заполняет его чем-то.

А л е к с е й. Э-э-э... Нет.

Алексей протягивает ножик в сторону Сергея Сергеевича.

Сергей Сергеевич *(обеспокоенно)*. Отдай мне нож.

А л е к с е й. Ты... Вы оставили его у себя в кабинете. А она нашла и начала точить карандаши. Как вы могли его оставить?

Сергей Сергеевич. Это не мой кабинет. Впредь я буду проверять.

А л е к с е й. Да, все нужно проверять. Убирайте все мелкие предметы, не оставляйте ее одну.

Сергей Сергеевич. Она уронила кухонный нож сразу после этого... А ты подобрал.

А л е к с е й. Я всего лишь сделал то, о чем мечтал Яблочный заяц.

Сергей Сергеевич. Ей всего восемь лет. Ей ничего не будет, ты понял меня?

А л е к с е й. Любой специалист по Яблочным зайцам скажет вам: этот зверь безобиден. Кто ему поможет? Мы должны лечить, на то мы и врачи. Да?

Сергей Сергеевич. ...

А л е к с е й. Как лечить? Как лечить, не убрав причины? Я подумал, что так будет лучше.

Затемнение.

12

Сергей Сергеевич. Я просил вас ничего не обещать ребенку. И не трогать его. Ради Бога...

Алексей. Это непрофессионально: обещать и трогать. Вы ни хрена не разбираетесь в людях.

Сергей Сергеевич *(мягко)*. Вы плохой врач. *(Бережно накидывает свой халат на плечи Алексея.)*

Ниночка *(подходит к Алеше)*. Это тебе вот. *(Отдает ему рисунок.)*

Алеша медленно идет к двери. Забывает телефон на столе. Смотрит на рисунок.

Алеша. Это я? Ниночка, это я рядом с Яблочным зайцем, да? Я красивый... Нина... Я... к тебе еще приду. Много раз приду, не один... В гости приду. Принесу яблоки, целый мешок большой. Обещаю. Я...

Ниночка. Зеленые?

Алеша. Да, зеленые яблоки. Обещаю. Обещаю.

Ниночка смотрит на Алешу не отрываясь. Она больше не боится его. Алеша идет к выходу. Оборачивается, резко возвращается. Обнимает Ниночку. Гаснет свет. Со всех сторон звонят несколько «телефонов-облаков».

Занавес

24.11.2013

Женя Сташков

БЕЛКИ И РАЗБОЙНИКИ

Действующие лица:

Первая белка.

Вторая белка.

Третья белка.

Домашняя собачка Луша.

Голоса.

Первый разбойник.

Второй разбойник.

1

Маленькая квартира.

Луша что-то вынюхивает.

Стук в дверь.

Луша начинает громко, радостно и бесконтрольно носиться и лаять.

Голос хозяйки (*осуждающе*). Ну, Луша... Луша, всё. Луша, где игрушка?

Голоса соседей. Сколько можно! Успокойте собаку! Невозможно жить!

2

Из старого чайника торчит голова Луши.

Голос хозяйки. Хорошо, что зашла...

Голос гостя. Хорошо, что пустили.

Голос хозяйки. За стол, немедленно.

Голос гостя. Где у тебя руки можно?

Голос хозяйки. Руки — налево.

Шум воды.
Луша скулит.

Голос хозяйки (*шипит*). Луша...
Голос гостьи. Шумная у вас собака.
Голос хозяйки. Что? Ты чай с сахаром?
Голос гостьи. В подъезде жалуются.
Голос хозяйки. Еще кофе есть. Будешь кофе? (*Снова шипит.*) Лушшша...

Вода перестает шуметь.

Голос гостьи. А где она?
Голос хозяйки. Кто? Ты рыбу ешь?
Голос гостьи. Какую рыбу? Где собака?
Голос хозяйки. Какую-какую? Окунь.
Голос гостьи. Окунь! На масле?
Голос хозяйки. В муке вываляла, пожарила.

Луша скулит.

Голос хозяйки (*шипит*). Лушшша...
Голос гостьи. А где? Откуда она...?
Голос хозяйки. Луша? Луша в чайнике.
Голос гостьи. Где?
Голос хозяйки. В чайнике... (*смеется*) Летающем чайнике. Она в нем летит в волшебный лес... (*смешок, переходящий в хрюканье*) и мочалкой шоркается.

Взрыв смеха.
Чайник поднимается над землей.
Луша достает мочалочку и начинает шоркаться.
Чайник улетает.

3

Лес.
Дерево с тремя дуплами.

Из них выпрыгивают белочки и начинают суетиться.

Прилетает Луша.

Сидит в чайнике — осматривается.

Первая белочка. Скоро будет холодно. Ох, скоро будет холодно.

Вторая белочка. Да не будет холодно.

Третья белочка. Не будет холодно... да?

Вторая белочка. Не будет холодно. Никогда.

Третья белочка. Не будет?

Первая белочка. В прошлом году было холодно. В позапрошлом году было холодно. В позапозапрошлом...

Третья белочка. Вот в позапозапрошлом...

Вторая белочка. И из этого следует, что в этом году тоже будет холодно?

Первая белочка. Да.

Третья белочка. Будет холодно...

Вторая белочка. Не будет холодно. Я так не думаю. Не может же быть такого, что каждый год холодно.

Первая белочка. Может!

Третья белочка. Может?

Вторая белочка. Ну, не четвертый же год подряд...

Первая белочка. Продолжаем собирать запасы. Все, что может пригодиться: орехи, зерна, семена...

Третья белочка (*вздыхая*). Продолжаем...

Вторая белочка (*передразнивая*). Орехи, зерна, семена...

Дальше суетятся.

4

Вторая белочка натывается на чайник с Лушей.

Разглядывает.

Вторая белочка. Что ты? Кто ты?

Затаскивает чайник на дерево.

Вторая белочка (*Первой белочке*). Смотри, а такое нам пригодится?

Первая белочка. Что это?

Третья белочка. Что это?

Вторая белочка. Снизу твердое, сверху... кусачее.

Третья белочка. Кусачее...

Первая белочка. Зачем нам это?

Вторая белочка. Чтобы пережить холод.

Первая белочка. Мы уже пережили не один холод... без этого.

Третья белочка. Не один холод...

Вторая белочка. Ну, три раза пережили, а вдруг в четвертый не переживем?

Первая белочка. Надо собирать еду.

Вторая белочка. Три года собирали-собирали еду, а на четвертый, может, нам надо собирать такие штуки или вообще не будет холодно.

Третья белочка. Такие штуки...

Первая белочка. Да собирай что хочешь.

5

Первая белочка и Третья белочка тащат много кедровых шишек.

Пытаются засунуть их в дупла, а они все забиты чайниками.

Первая белочка. Да что тут происходит?

Появляется Вторая белочка.

Вторая белочка. Я обшарила половину леса. И нашла много таких штук, только не кусачих. Нам хватит на всю зиму.

Третья белочка. На всю зиму?

Первая белочка. Что мы будем с ними делать?

Вторая белочка (*Третьей белочке*). Я всем нашла. И тебе, и ей. На каждую неделю зимы. Еще хватит немного на осень и совсем чуть-чуть на весну. Кто молодец?

Третья белочка. Молодец.

Первая белочка. Хочешь остаться голодной зимой — пожалуйста. Но мы тут ни при чем. Нам есть чем наполнить свои домики. (*Третьей белочке.*) Так?

Третья белочка. Нам есть чем наполнить свои домики...

Первая белочка и Третья белочка выкидывают чайники из своих
дупел.

Из одного дупла летит чайник с Лушей.

Вторая белочка успевает его схватить.

Вторая белочка. Эй, ты будешь у меня.

6

Первая белочка тащит огромный початок кукурузы.

Первая белочка. Эй, есть кто наверху? Нужна ваша помощь!

Вторая белочка (*выглядывает из-за чайников*). Эй-эй, чем помочь?

Первая белочка. Да не ты, тебе самой нужна помощь.

Из своего дупла выскакивает Третья белочка, а вместе с ней вываливаются всякие пуговицы.

Третья белочка. Нужна помощь? Нужна помощь?

Первая белочка. Что это?.. И ты туда же? Мы же договорились собирать только нужное!

Третья белочка (*пожимает плечами*). Собирать только нужное. (*Показывает разные вещи.*) Нужное? Нужное. Нужное? Нужное.

Первая белочка (*растерянно*). Я с вами не могу. Я...

Вторая белочка. Послушай, я тебя понимаю. Я собираю такие штуки, она собирает такие штуки, ты собираешь такие. Ничего страшного тут нет. Когда мы все собирали зерна и

орешки, мне это было не по душе. Сейчас я собираю то, что мне по душе. Спроси ее?

Третья белочка. Я собираю то, что мне по душе.

Первая белочка. Но...

Вторая белочка. Послушай, я же вижу, что тебе не по себе. И мне было не по себе. Но сейчас я живу... как будет по-русски? — гармонично. И тебе такого же желаю.

Первая белочка. Но...

Вторая белочка. Найди свое. И найдешь себя.

Третья белочка. Найдешь себя.

Выпроваживают Первую белочку.

7

Лесная поляна.

Куча золота.

Рядом с ней сидят двое разбойников.

Первый разбойник. Руки прочь от моего золота!

Второй разбойник. Оно и мое, не забывай об этом.

Первый разбойник. И мое. Мое!

Второй разбойник. Тогда давай поделим?

Первый разбойник. Делить для слабаков!

Второй разбойник. Ты сказал! Ну, давай... кто громче икнет...

Икают одинаково громко.

Первый разбойник. Я громче!

Второй разбойник. А я думаю, что я.

Первый разбойник. Мое золото!

Второй разбойник. Мое!

Дерутся-катаются.

Второй разбойник. Давай плевать камнями, кто больше елок повалит.

Первый разбойник. Давай.

Плюются — повалили половину леса.

Первый разбойник. Я больше!

Второй разбойник. Я больше.

Дерутся-катаются.

8

Появляется Первая белочка, а рядом летит Луша в чайнике.

Наблюдают за дерущимися разбойниками.

Первая белочка. Что здесь происходит?

Первый разбойник. О, белка!

Второй разбойник. Белочка, рассуди нас, мы целый год воровали и грабили. И... заработали всё это золото.

Первый разбойник. Мое!

Второй разбойник. Поделить... не получается. И мы хотим решить, кто из нас самый могучий разбойник, чтобы он забрал все золото себе.

Первая белочка. Ну, ладно... *(тихонько разворачивается, чтобы уйти)*.

Второй разбойник *(вцепляясь Первой белочке в хвостик)*. Не уходи! Мы год грабили и уже три года делим. И ничего не получается! Помоги нам.

Первый разбойник. Или золото мое!

Второй разбойник кидается на Первого разбойника. Дерутся.

Первая белочка *(Второму разбойнику)*. А может, этому *(показывает на Первого разбойника)* больше, чем тебе, надо?

Первый разбойник. Надо! Мое!

Второй разбойник. Нет, мне больше надо!

Первый разбойник. Мне!

Второй разбойник. Мне!

Первая белочка. Действительно, непонятно, кому больше надо. А... давайте, золото достанется тому, кто состроит самую страшную рожу.

Первый разбойник и Второй разбойник. Давай!

Первая белочка. Ну, стройте, чего...

Разбойники одновременно строят просто неимоверно чудовищные рожи. Таких не бывает.

Первая белочка в страхе кричит. Запрыгивает в чайник к Луше. И прячется там с головой.

Луше остается только разводить лапками.

Первый разбойник. Арррр! Я ужасен. Золото мое.

Второй разбойник. Подожди. Белка, белочка, вылезай. У кого из нас получилась самая страшная рожа?

Голос первой белочки. Отстаньте от меня. Убирайтесь отсюда.

Первый разбойник. Белочка?

Второй разбойник. Белочка, кто из нас победил?

Голос первой белочки. Убирайтесь вон. Страшилища. Какой кошмар! Никому такое больше не показывайте.

Второй разбойник. Эээ...

Первый разбойник. Чье золото-то?

Первая белочка (*вылезает трясущаяся*). Наворуйте себе еще такую же кучу. И одну одному, другую другому, хорошо?

Первый разбойник. Воровать! Ура!

Второй разбойник. А это не то же самое, что делиться?

Первая белочка. Нет, совсем другое.

Уходят.

9

Первая белочка залезает на кучу золота.

Первая белочка. Мда, неплохо-неплохо. Может, мне набить свое дупло золотом? Твердовато, правда... А как на вкус? (*пробует*). Так себе.

Появляются Вторая белочка и Третья белочка.

Вторая белочка. Вон она, нашли!

Третья белочка. Нашли-нашли!

Вторая белочка. Извини нас, мы не хотели тебя выгонять.

Третья. Не хотели, извини.

Вторая белочка. Возвращайся домой.

Первая белочка. Зачем? Я нашла себя. Смотрите, как тут, а?

Вторая белочка. Скоро зима, и ты замерзнешь без теплого дупла.

Третья белочка. Замерзнешь...

Первая белочка. Замерзну? А может... и не будет никакой зимы.

Слышны шаги разбойников.

Первая белочка. Прячьтесь.

Вторая белочка. Что?

Первая белочка. Прячьтесь, я сказала.

Вторая белочка и Третья белочка прячутся.

10

Появляются Первый и Второй разбойник с большим мешком.

Первая белочка. Как вы быстро!

Второй разбойник. Ограбили тут одну тетушку. Это недалеко.

Первый разбойник. Вынесли все.

Первая белочка. Так высыпайте из мешка.

Первый разбойник. Ага.

Первый разбойник и Второй разбойник высыпают из мешка золото в старую кучу. Куча становится больше.

Первая белочка. И что вы наделали? Как мы пойдем, кому что? Давайте, кучку на две кучки... ага...

Первый разбойник. Делиться для слабаков!

Второй разбойник садится и закрывает лицо руками.

Первая белочка. Опять двадцать пять.

Разбойники принимаются драться.

Белочка. Есть идея!

Первый разбойник. Какая?

Второй разбойник. Какая идея?

Белочка. А вы можете построить дом?

Второй разбойник. Какой дом?

Первый разбойник. Разбойники все могут!

Белочка. Дом, скажем... для белки. Чтобы не очень большой и можно было зиму переждать. Постройте дом, нет... два дома. Чей будет лучше, тому и золото. Думаю, что честно.

Второй разбойник. Идет.

Первый разбойник. Аааааа.

Разбойники строят домики. Луша летает над ними.

11

Белочка поет песню (раза три).

И во сне, и наяву
Любят белочки халву
Из орешков и, конечно же, из семечек.
Зубки острые точить,
Морс вишневый наводить —
Вот занятие для самых умных белочек!

12

Первый разбойник. Готово. Хозяйка, принимай работу.

Второй разбойник. За качество ручаюсь.

Первая белочка (*ходит-осматривается*). Мда, неплохо-неплохо. Кто бы мог подумать? Тут у нас классика, а тут деревенский стиль.

Первая белочка залезает внутрь одного дома.

Второй разбойник. Ну что, чей лучше?

Первый разбойник. Чей? Чей?

Первая белочка залезает внутрь другого дома.

Второй разбойник. Отвечай, белка!

Первая белочка (*вылезая*). Что вы за люди? Два совершенно разных домика. Хороших домика. Но... Я не могу брать, какой из них лучше. Хоть убейте.

Первый разбойник и Второй разбойник разочарованно сползают на землю.

Луша тоже начинает скулить.

Первая белочка. Не раскисайте, дорогие мои. Я придумала. Давайте вы каждый по очереди будете брать из этой кучки по монетке. А монетки кидать в сторону, в другую кучку. У кого в руке останется последняя монетка, тому и все золото.

Второй разбойник. Звучит разумно.

Первый разбойник (*целует Первую белочку*). Ах ты, белка. Белочка-разумница. Пусть на этом все закончится.

Первая белочка. Я верю в это.

Разбойники по монетке перекидывают золото.

В последнюю монетку вцепляются оба, хотя она должна была достаться Второму разбойнику.

Первый разбойник. Мое золото!
Второй разбойник. Мое золото! Это нечестно!
Первый разбойник. Мое!!

Дерутся.

Белочка. Ох, что вы творите!
Вторая белочка (*появляясь*). Что вы творите!!
Третья белочка (*появляясь*). Что вы творите!!!

13

Голос хозяйки. Луша, Лушенька! Луша, ты где! Луша, прости хозяйку свою. Луша, нас обокрали. Все золото украли. Луша, я больше не буду сажать тебя в чайник. Луша!

Луша радостно лает.
Звук полицейской сирены.

Голос полиции. Господа воры, поляна окружена. Бросьте все ваше оружие и поднимите руки вверх. Это полиция.
Голос хозяйки. Луша, Лушенька здесь! Луша, где игрушка?

14

Голос рассказчика. У этой истории есть свое продолжение. Луша вернулась домой. И ее больше не сажали в чайник. Разбойников посадили в тюрьму, а все награбленное возвратили людям. И Лушиной хозяйке тоже все вернули. А белки поселились в теплые домики. Одна белочка жила в одном доме. А две другие белочке жили во втором доме. Они продолжили коллекционировать чайники, пуговицы и... (*Первая белочка показывает золотую монетку, которую она где-то у себя спрятала*) золотые монеты. А зима, кстати, в том лесу больше никогда не наступала.

Декабрь 2015 – январь 2016

КРАСНЫЙ ГОРОШЕК

это история, которая изгоняет лярв
в виде рептилий с человеческими лицами
с укорененных людей

специально для эко-лофта «Бюро йоги»

Дев о ш к а.
Ф р у к т ы.
Л у н а.
З в е з д ы.
К р а с н ы е г о р о х о в ы е л ю д и.
Й е т и.
З р и т е л и.

1

З р и т е л и в ц е н т р е.
Й е т и ползают с привязанными к спинам акульими плавниками
перед Зрителями.

П р я м о п е р е д З р и т е л я м и.

Д е в о ш к а рассказывает.
Ф р у к т ы показывают.

Д е в о ш к а .

Мне пять лет было, да. Жила с мамкой, с бабушкой. Прабабушка
еще в чуланке, но она лежащая была. На клеенке. Ничё, нормально.
Мамка в комнате, мы с бабушкой на кухне, прабабушка в чуланке.

Туалета не было, конечно, но ведро-то было. Нормально, чё. Я в садик-то не ходила — дома сидела, и бабка дома сидела. Прабабка лежала, мамка работала на железной дороге, на переезде. У нее такая будка была в лесу, там куча всяких кнопок и лампочек, а поезда, которые едут, должны ей звонить отчитываться. Чё? Кого? Куда там? Стрелки, перегоны, светофоры с белыми лампочками. Нормально, да. Мамка у меня была как барыня: любила темное пиво, портер, ну или ячменный бочонок бархатное. Хорошую закуску любила мамка: куриные желудочки, холодец, маринованный лучок. Она оливки первая в городе попробовала. Говорила: «Хорошая закуска — это как хороший мэр». До сих пор не знаю, что это значит. Ну, это... Мы как-то с ней пошли в магазин. Она там все покупает-покупает, покупает-покупает. У меня — говорит — зарплата. У меня — говорит — праздник. Мне — говорит — сайру в масле. Говорит — патры полторашку. Продавщица такая: «Чё, Андрей?» Мамка такая: «Да, Андрюха! Портера две, нет, три, нет, шесть бутылок. Бычков в томате, батон чесночный...». Покупает-покупает. А я мелкая была, пять лет было, а бабка меня только-только читать научила. Я смотрю везде, читаю: сар-ди-ны, вер-ми-шель, а мамка: «Мне еще хлеб бородинский, грибы — опята маринованные...». Ко-зи-на-ки, ромш... ромш... ромш-тек-сы. Мамка, купи ромштексы! А мамка: «Огурцов соленых, виноград зеленый... чего?». Мамка, купи ромштексов! «Мелкая, отстань, а...». И продолжает... А я плачу: «Мамка, купи ромштексов, я пять лет прожила, никогда ромштексов не видела и не ела». Мамке пофиг, я в соплях. Я еще на живот упала для вида: «Мамка, купи ромштексов!», а время — весна: всё в снегу, грязи, всё в говне. Лежу, плачу, хочу ромштексов! Какой-то мужик зашел в магаз, еще на руку наступил...

2

Йети играют в чехарду.
Сзади Зрителей и сверху.
Тамверху развешаны мешочки с краской.

Восходит Л у н а.

Спускает свои волосы к земле.
Спускает к земле всякие ленты, которые раскручиваются и катятся.
Кидает каучуковые шарики вниз, чтобы прыгали везде.

Появляется Девочка с длинной палкой в руке.
Крутит палкой над головой.

Д е в о ш к а .
Луна-луна, смотри, какую я занозу достала из пальца.

Л у н а .
Не мешай мне, глупышка, я вмешиваюсь в судьбы людей.
Мне до тебя нет дела.

Д е в о ш к а (*показывая на мешочки*).
А это что такое?

Л у н а .
Это твои детские прыщи, разве ты их не помнишь?

Д е в о ш к а .
Помню-помню. Получайте, сволочи.

Девочка протыкает палкой мешочки.
Луна жжет бенгальские огни.

3

Йети дуют мыльные пузыри.

Справа на небесной конструкции.

Д в е З в е з д ы лазят по конструкциям.
Оставляют везде красные тряпочки.

П е р в а я .
Что там происходит?

В т о р а я .
Луна сошла с ума.

П е р в а я .
Опять?

В т о р а я .
Не опять, а снова.

П е р в а я .
А что в этот раз?

В т о р а я .
Да ничего хорошего.

4

Йети танцуют, присоединившись друг к другу.
Голова к голове.

Справа.
Шевелятся большие красные гороховые стручки.
На поддонах.

5

Йети раздают зрителям деньги.

Прямо перед Зрителями.

Девочка рассказывает.
Фрукты показывают.

Д е в о ш к а .

Мы с мамкой затарились. Пошли домой, а мамка меня на кухне с бабкой оставила: сидите, в домино играйте, а к ней дядя Андрей пришел. Она завивку сделала, салат сделала, чё-то нарезала, поставила, разлила и даже... даже руки побрила, прикните. Сидим с бабкой и радио слушаем: как в Японии землетрясение, как во Владивостоке нету света, как в Африке голодают, ну, вы знаете. Бабка уснула, короче. У нас на кухне... мы стол двигаем. На пол матрас. На него одеяло. И ничё, нормально, можно спать. А мне не спится. Я шмыг из кухни: чё, кого? Прабабка спит, в туалете темно, а у мамки свет горит. Думаю — сидят там, жрут оливки свои, а мне на кухне с бабкой и чайником, да? Нет. Ну, я открываю тихонько дверь, смотрю: чё там у мамки? А там мамка на своей раскладухе лежит, пыхтит, титьки трясутся, а сзади дядя Андрей ее толкает типа. Ну, сейчас-то я знаю, чё он ее толкал. Ну, сами понимаете... А я смотрю на него, на дядю Андрея, а он такой смуглый, волосатый, а у него из спины растёт росточек. Зелененький, маленький... а это горошек! Он растёт, растёт. На всю комнату вырос, уже стручки показались, такие большие, разноцветные. Ну, я сорвала втихушку парочку стручков и побежала. На улицу побежала. Смотрю: один зелёный стручок и два красных. Открыла зелёный, а там большие зелёные горошины. Я их ем, а они сладкие зелёные. Вся выпачкалась, стою зелёная: лицо зелёное, руки зелёные. Смотрю на небо, а там луна зелёная, и кричит мне луна: «Лети, зелёная, лети, милая, ко мне лети!» А я полетела, чё.

6

Йети застывают в странных позах.

Сзади Зрителей и сверху.

Луна и Девочка.

Делают из большого листа большой бумажный кораблик.

Л у н а .

А куда ты дела красные стручки гороха?

Д е в о ш к а .

Они упали, пока я летела к тебе.

Л у н а .

Фигово.

Луна и Девочка запускают большой бумажный кораблик в Зрителей.

7

Йети кланяются в разные стороны.

Справа на небесной конструкции.

Звезды свешиваются в разных местах.

Звонят в колокольчики.

П е р в а я .

Красный горох — это не к добру.

В т о р а я .

Зеленый будто к добру...

П е р в а я .

Зеленый к добру, красный — нет.

В т о р а я .

Ну и в чем весь сыр-бор?

П е р в а я .

В том, что мы всегда под крышей.

В т о р а я .

Какой крышей?

П е р в а я .

Каждый раз под разной.

8

Йети бегают судорожно.
Прямо перед Зрителями.
Девоншка рассказывает.
Фрукты показывают.

Девоншка.

А потом я нашла два красных стручка. Эти красные стручки я подобрала, раскрыла их, оторвала тоненькие шурушки-пленочки, и сделала четыре лодочки. Положила в них мамку, бабу, прабабу, дядю Андрея, себя положила. И отправила по небесным рекам, чтобы...

плыть и петь
плыть и петь
плыть и петь
плыть и петь

9

Йети пропадают.

Справа.

Шевелятся большие красные гороховые стручки.

Раскрываются.

Из них выходят Красные гороховые люди.

Они садятся между Зрителей.

А все остальные.

Йети, Звезды, Девоншка и так далее появляются с криками и разноцветными конфетти.

Водят насыщенный хоровод вокруг Зрителей.

Обсыпают их разноцветными конфетти.

29 ноября 2015

РЯДОВОЙ ДОЧКА

1

Р о б о т - 1 . База, база! На связи Т-24. Центурион галактической дивизии Андромеда-Х. Повторяю, База, на связи Т-24. Пытаюсь установить местоположение. Ошибка. Сенсоры повреждены. Запускаю проверку работоспособности систем. Зрительные анализаторы... в норме. Центральный процессор... в норме. Радары... повреждены. Заряд аккумуляторов – 2%. Во избежание полной разрядки активирую солнечные батареи и отключаю питание. До связи.

Р о б о т - 2 . Бортовой дневник. День № 2039. Сколько еще мне пребывать в одиночестве? Сколько еще блуждать по этой непригодной к жизни земле? Сколько прошло – 2039 дней – страшно представить. А сколько еще впереди? И я даже не знаю – где я. Что это? Планета, астероид, космическая станция? Я не знаю. Хотя теперь-то какая разница. Я вечный изгнанник, и, значит, такая моя судьба. Конец записи.

Р о б о т - 1 . База, база! На связи Т-24, докладываю. Батареи заряжены. Произвожу ремонт поврежденных систем. Основная задача после завершения ремонтных работ: разведка места падения. Предварительные сведения: первое – почва покрыта обильным волосяным покровом; второе – объект имеет нестандартную, т. е. нешарообразную, форму. На данном этапе, имея столь мало информации, трудно установить, на каком именно космическом объекте нахожусь. Разведывательные работы будут развернуты после проведения аварийного ремонта. До связи.

Р о б о т - 2 . Бортовой дневник. День № 2040. Это невыносимо. Мне очень скучно. Мне очень одиноко. Мне очень хочется уйти отсюда. Что я такого сделал? Я нечаянно. Нельзя оставлять маленького робота, где попало. А вдруг я нахожусь на комете,

которая мчится прямо в черную дыру. Хотя вроде мы неподвижны. А вдруг я очень медленно мчусь прямо в черную дыру. Совершенно один. Ни за что. А вдруг я уже в черной дыре. И если так, то тут просто глупо... и не уйти. Конец записи.

Р о б о т - 1 . База, прием! Т-24 докладывает. Ремонт завершен успешно. Все системы в полном порядке. Только что завершил пробное сканирование космического объекта. Результаты ошеломительные — космическое тело имеет форму животного. Четыре лапы, хвост и голова. База, отправляю свои координаты. Нахожусь на спине животного. А что самое удивительное, радар обнаружил что-то на голове животного, какую-то форму жизни. Выдвигаюсь на встречу. Активировать лазерную пушку. Маршрут — голова животного. Конец связи.

Р о б о т - 2 . Бортовой дневник. День № 2041. Я здесь не один. Что-то едет прямо ко мне. Еще далеко, но с каждой секундой все ближе и ближе. Я так не могу. Я так не могу. Я только привык к одиночеству. Но я так хотел, чтобы кто-то был со мной. Но не так же быстро. Но кто там едет? Господи, я не знаю. Что ему от меня нужно? Это робот. Какое счастье, прямо как и я. У него лазерная пушка, мамочки. Он едет меня пристрелить. Он едет меня пристрелить. И не убежать никуда. Кошмар. Как быть? Конец записи.

Р о б о т - 1 . База, ответьте. Приблизился к объекту на максимально безопасное расстояние. Докладываю. Это робот. Устаревшей модели. Опасности не представляет. Нахожусь на расстоянии выстрела. Объект меня заметил. Попробую выйти на контакт. Алло, база? Что мне следует предпринять? Конец связи.

Р о б о т - 2 . Бортовой дневник. Вот и моя смерть подъехала. Как по заказу. Столько лет жили — лиха не хлебали. Но вот оно. Что обычно делают в таких ситуациях? Поднимают руки, кричат «сос, сдаюсь» или выставляют белый флаг? Не знаю. Я не знаю. Стоп, кажется, он убирает оружие. Эй, я здесь! Приветствую! Он не убирает оружие. Он не убирает оружие. Он кидает гранату. Она летит прямо сюда. Жесть. Конец записи.

Взрыв.

2

Робот-1. Цел?

Робот-2. Да. Только меня трясет. Сильно.

Робот-1. Здесь земля трясется, а не ты. Ну, хорошо, что цел. Ты ловко отскочил от моей гранаты. Я не думал, что роботы твоей модели способны на такое.

Робот-2. А зачем ты кидал в меня гранату?

Робот-1. Ошибка системы при попытке отключить лазерную пушку.

Робот-2. Знаешь, это очень подозрительная ошибка?

Робот-1. Это последствия аварийного ремонта.

Робот-2. То есть, ты сам себя ремонтировал?

Робот-1. Да.

Робот-2. Кошмар. Кто ты и как вообще здесь оказался?

Робот-1. Серийный номер — Т-24. Центурион галактической дивизии Андромеда-Х. Потерпел крушение во время боевой операции. А кто ты?

Робот-2. Зови меня отверженный.

Робот-1. А как ты здесь оказался?

Робот-2. Я не хочу об этом разговаривать.

Робот-1. Тогда слушай. Боевая операция галактической дивизии...

Робот-2. Меня отвергли. Выслали на самую окраину галактики. На эту... этот... метеорит. И нет мне возврата. Такие преступления просто так не прощаются.

Робот-1. Что ты такого натворил, что вынужден здесь находиться?

Робот-2. Да всего-то подожгла ковер в гостиной... стоп. Я был темным гением измерения черной кошки. Я изобрел такой химический яд, что любой, кто вдохнет его, начинал чихать синими соплями и танцевать боччату. Но галактическая полиция узнала о моих разработках. Они увезли меня из дома с завязанными глазами. А потом привезли сюда. И бросили здесь. А что твоя боевая операция, солдат?

Робот-1. Галактическая дивизия Андромеда-Х отправилась на опасное задание. Атаковать планету бешеных песчанок-

мутантов из сектора Приток-40. Но все корабли дивизии были разрушены космическим флотом бешеных песчанок-мутантов. Будьте прокляты, бешеные песчанки-мутанты! Космический ветер унес Т-24 оттуда и бросил здесь.

Р о б о т - 2 . И что ты планируешь делать?

Р о б о т - 1 . Устанавливаются попытки связаться с базой. Улететь не представляется возможным. База, база!

Р о б о т - 2 . А мне нужно вести бортовой журнал...

3

Р о б о т - 1 . Так сильно трясет. Здесь часто такие землетрясения?

Р о б о т - 2 . Бывает. Бывает сильнее, бывает слабее. Бывает относительно тихо.

Р о б о т - 1 . А давно ты здесь?

Р о б о т - 2 . Уже 2042 дня.

Р о б о т - 1 . А что это за место?

Р о б о т - 2 . Я не знаю. И знать не хочу.

Р о б о т - 1 . Думается, что это что-то большое и живое. Радары показывают, что этот космический объект имеет форму животного. Четыре ноги, голова и хвост. А вместо земли здесь повсюду шерсть.

Р о б о т - 2 . Ну да, похоже на правду. Здесь так сильно затряслось после того как ты кинул гранаты. Должно быть, ему было больно. Ты жестокий.

Р о б о т - 1 . Это была ошибка. Ты сам-то — изобретатель химического оружия.

Р о б о т - 2 . И не скрываю этого.

Р о б о т - 1 . Нехорошо получилось.

Р о б о т - 2 . Слушай, а может, с этим животным можно договориться, чтобы он отвез нас по домам или в какое-нибудь безопасное место.

Р о б о т - 1 . Ты, кстати, все это время сидел у него на голове — мог и договориться.

Р о б о т - 2 . Я был вне себя от ужаса. Не мог даже пошевелиться.

Р о б о т - 1 . А сейчас нас откинуло к самому хвосту.

Р о б о т - 2 . Я предлагаю вернуться на голову. Обследовать ее. Найти ухо — чтобы сказать, что следует. Ну и глаз, чтобы взглянуть этой штуке... в глаза.

Р о б о т - 1 . Ты столько времени здесь провел, и ничего не делал, а сейчас...

Р о б о т - 2 . Одному страшно.

Р о б о т - 1 . Что изменилось?

Р о б о т - 2 . Теперь я могу поделиться своим страхом с тобой.

Р о б о т - 1 . И что делать с твоим страхом.

Р о б о т - 2 . Не знаю. Отправь в космос.

Р о б о т - 1 . Идем. База-база...

Р о б о т - 2 . Бортовой дневник. День №...

4

Р о б о т - 1 . Привал.

Р о б о т - 2 . Зачем?

Р о б о т - 1 . Необходимо прочистить систему вентиляции от шерсти.

Р о б о т - 2 . Шерсть здесь повсюду, да. А у тебя вентиляторы в ногах, что ли?

Р о б о т - 1 . Да.

Р о б о т - 2 . И это — то, чем мы отличаемся?

Р о б о т - 1 . Модель Т-24, по сравнению с устаревшими версиями, обладает более сильным зарядом батареи, большей скоростью, боевой мощностью, усиленными анализаторами и... системой вентиляции в нижних частях.

Р о б о т - 2 . А роботов моей модели прекратили выпускать, когда обнаружили, что мы нестабильны эмоционально. Чокнутые, понимаешь?

Р о б о т - 1 . Это недостатки центрального процессора.

Р о б о т - 2 . Ты так думаешь? Ого, смотри, бешеные песчанки-мутанты!

Р о б о т - 1 . Где? Активация тяжелого оружия. Щиты на полную! Будьте прокляты бе...

Робот-2 откручивает голову Роботу-1.

Отходит в сторону с головой.

Р о б о т - 1 . Что происходит?

Р о б о т - 2 . Такие, как я, могут принимать совершенно фантастические решения в совершенно произвольный момент.

Р о б о т - 1 . Сос!

Р о б о т - 2 . Роботы моей модели могут писать стихи!

Р о б о т - 1 . Хэлп!

Р о б о т - 2 . Ты можешь писать стихи?

Р о б о т - 1 . Помогите!

Р о б о т - 2 . Робот летит на комете... Робот один на свете...

Р о б о т - 1 . База! Кто-нибудь!

Робот-2 прикручивает голову обратно.

Р о б о т - 2 . Ты ожидал такое?

Р о б о т - 1 . Не зря тебя здесь оставили. Сидеть одну. Плохая Ника! Не будешь больше поджигать ковер в гостиной, дрянная девчонка. В следующий раз увижу — руки оторву. Сиди и думай о своем поведении.

Р о б о т - 2 . Мама, я не специально. Я нечаянно.

Р о б о т - 1 . Совсем не думаешь о матери! Ой... Твоя глупая выходка поставила под опасность наши жизни. Успех всей операции!

Р о б о т - 2 . Да, ты прав, Т-24. Это все неполадки в центральном процессоре.

5

Идут.

Р о б о т - 2 . Что говорят твои приборы? Долго еще идти.

Робот-1. Через несколько часов — шея. Там нужно будет совершить подъем.

Робот-2. На голову?

Робот-1. Да.

Робот-2. И как это сделать?

Робот-1. Нужны скалолазные штуки. Тросы, кошки...

Робот-2. У меня ничего такого нет.

Робот-1. Можно сплести канаты из шерсти.

Робот-2. Да, шерсть здесь повсюду!

Робот-1. Надо тихонько срезать волосы, чтобы животному не было больно.

Робот-2. Ага.

Срезают волосы. Садятся и плетут канаты.

Робот-1. Когда я был в войске. Маршировал в строе галактической дивизии. Проходил полевые испытания. Мы постоянно делали все эти вещи... разводили костры с половины спички. Знаешь, как это делается?

Робот-2. Нет.

Робот-1. Нас этому научил сам Храбрый полковник! Сначала нужно разрезать спичку пополам. Для этого понадобится лезвие. Берешь спичку и пилишь тихонько. Только нужно пилить сверху. Начинать с серы. Потому что если пилить снизу, дерево расщепится, и сера или расколется неправильно или вообще отпадет.

Робот-2. И половинкой спички можно развести костер? Не верю.

Робот-1. Эх, ты. Половинкой спички можно развести костер даже под ливнем. Нужен навес и что-нибудь сухое для розжига. А как-то раз мы с Храбрым полковником развели костер от сухариков. Под ливнем все промокло. Вообще все. Дрова, газеты. А мы нашли у меня в рюкзаке пачку кириешек. С собой в экспедицию запрещается обычно брать лишнюю еду. Так как это лишний груз. Но папа потом сказал: Молодец, рядовой Дочка, от лица всей экспедиции выражаю вам благодарность за то, что вы нарушили правила, когда собирались в поход.

Р о б о т - 2 . А мама потом сказала: Ну ты же девочка! И хочется тебе таскаться в лесам!

Замолкают. Плетут канаты.

Р о б о т - 2 . Здесь теперь так пусто. Мы состригли всю шерсть. Такой кусок голой пустыни.

Р о б о т - 1 . Зато сплели два отличных каната

Р о б о т - 2 . Погнали тогда.

6

Р о б о т - 2 . Я, пока сидел тут один, придумал одну игру. Но не мог в нее поиграть. Потому что для нее надо двое человек. Или больше.

Р о б о т - 1 . Что за игра?

Р о б о т - 2 . Мы будем придумывать сказку. По одному предложению. Одно предложение ты, а другое — я. Одному очень сложно в это играть. Но сейчас-то нас двое.

Р о б о т - 1 . Ну, давай.

Р о б о т - 2 . Ты новенький. Поэтому тебе придумывать название для сказки.

Р о б о т - 1 . Пусть будет — Храбрый полковник.

Р о б о т - 2 . Хорошо. Ранним утром, когда еще даже не взошло солнце, в одном доме проснулись две сестры.

Р о б о т - 1 . А при чем здесь Храбрый полковник?

Р о б о т - 2 . Спросила одна сестра у другой.

Р о б о т - 1 . Ясно. Он придет к нам сегодня на обед.

Р о б о т - 2 . Что же мы будем готовить, дорогая сестра?

Р о б о т - 1 . И открыли холодильник, и стали смотреть, что там.

Р о б о т - 2 . А там куча бешеных песчанок-мутантов.

Р о б о т - 1 . Будьте прокляты, бешеные песчанки-мутанты!

Р о б о т - 2 . Разве можно этим кормить нашего дорогого Храброго полковника?

Робот-1. И тогда две сестры пошли в огород, чтобы нарвать свеклы.

Робот-2. А когда пришли, то поняли, что случилась катастрофа.

Робот-1. Пришел Годзилла и растоптал весь огород.

Робот-2. И ему помогли пришельцы с Меркурия.

Робот-1. У них было по три лапы.

Робот-2. По два языка.

Робот-1. И говорили они так: блап-блап-блап...

Робот-2. И всем было плохо.

Робот-1. Был настоящий хаос.

Робот-2. Все кричали о помощи: «Спасите! Спасите!»

Робот-1. И тут пришел Храбрый полковник и всех спас!

Робот-2. Я к нему побежала и сказала: «Папа, ты самый крутой! Самый крутой на свете!»

Робот-1. А мама подошла недовольная: «Снова ты?»

Робот-2. «Где але... алюменты?»

Робот-1. И Храбрый полковник ушел. Он всегда уходил.

Робот-2. Чтобы спасти всех где-то в другой части земли!

7

Робот-1. И... смотри! Мы подошли к самой шее!

Робот-2. Надо лезть!

Робот-1. Постой. У наших канатов нет крюков, чтобы зацепиться.

Робот-2. Об этом мы не подумали...

Ника. А у меня есть булавки!

Робот-1. Есть крюки! Привязываем! На счет три бросаем и зацепляемся за голову.

Робот-1 и Робот-2. РАЗ!

Робот-1 и Робот-2. ДВА!

Робот-1 и Робот-2. ТРИ!

Собачий вой.

Все трясется.

Ника в углу.

М а м а (*по телефону*). Нет, ты знаешь, что моя натворила? Да, Лора, сил моих больше нет. Возишься-возишься целыми днями, крутишься, и никакой благодарности. Да, да... Да, Лора. Что сделала? Взяла и подожгла ковер в гостиной. Ковер! В гостиной! Взяла спички со шкафа и подожгла. Прямо посередине. Говорит, ковер же красно-черный. Похож на угли. А где угли, там и огонь! Ты смеешься? Смешно ей. А мне не до смеха, Лора. Я говорю, Ника, ты смерти моей хочешь? Иди в огород — подумай о своем поведении. Разве мы дочери миллионеров — коврами разбрасываться. Она пошла в огород. Играть. Как ты думаешь во что? Не угадаешь. В роботов. Папаша подарил ей роботов! Роботов, игрушки такие. Вот ты во что в детстве играла? В куклы, в доктора, в дочки-матери, через резинку прыгала? А моя в роботов играет. Фильмы про роботов смотрит, рисует роботов. И ладно бы просто играла. Она же к собаке пристала. К собаке. К Барону нашему. Петарду рядом с Бароном взорвала, шерсть ему подстригла и еще булавкой кольнула. И что мне прикажешь со всем этим делать? Девочке шесть лет.

Я, конечно, все понимаю, растет без отца, все такое... Что? Видятся раз в полгода. Последний раз встречались, он Нику в поход с собой взял. Она мне тогда все уши прожужжала: как классно их комары покусали и как они медведя слышали. Представляешь? Мда уж. А знаешь, как они общаются? Он ей: «Здравия желаю, рядовой дочка!», а она ему: «Здравия желаю, Храбрый полковник папа!» А он даже в армии не служил — полковник. А после похода она приходит немытая, промокшая, счастливая и с подарками: «Мне папа подарил роботов и гранату». Я звоню ему, говорю: «Господи, Боря, граната?» А он мне: «Да не бойся она шоколадная».

Н и к а (*в зал шепотом*). Она настоящая.

М а м а (*по телефону*). Вот-вот. Так и живем. Ладно. Извини, Лора, что грузу. Мне бы спокойствия. Ну и чтобы проблем чуток меньше. А так все хорошо. Ладно. Нам ужинать пора. Она в

углу у меня стоит. Нет, не на горохе. Что ты? Да ну тебя. Давай, пока. До завтра! Целую.

Мама (*Нике*). Ника! Никочка! Пошли ужинать, я испекла пирог с черемухой. Твой любимый!

Ника радостно убегает.

9

В будке.

Роботы у стоп Собаки.

Просыпаются.

Робот-1. База-база...

Робот-2. Бортовой дневник. День №...

Собака (*поднося к ним лицо*). Привет, роботы!

Робот-1. Где мы?

Робот-2. Это была собака!

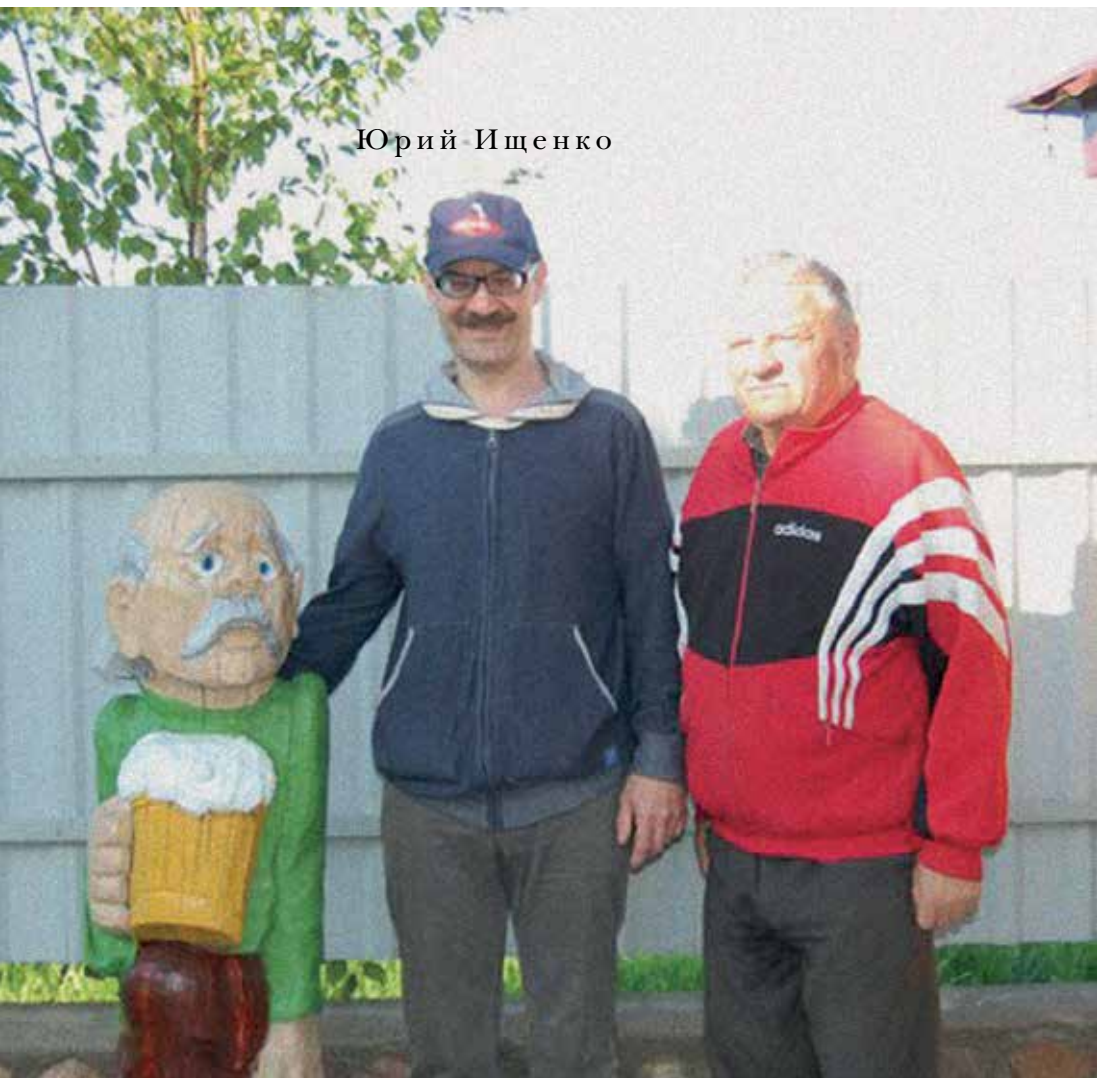
Собака. Да, а еще меня зовут Барон. Будьте как дома, друзья.

Робот-1. Как дома...

Робот-2. Друзья...

Обнимаются и смотрят вверх.

Юрий Ищенко

НЫРЯЛЬЩИКИ

пьеса в двух действиях

Действие первое

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Набережная в граните: высокий парапет, потрескавшиеся ступени лестницы, снизу их лижут волны. Полумрак. Надо упомянуть — вода в реке обязательно настоящая.

Набережную украшает пара старых черных лип с остатками мокрой листвы на коротко обрезанных сучьях. Сильно и гулко задувает ветер. В низком, из любого подходящего материала, небе движутся тяжелые мрачные тучи, а иногда проглядывают яркие звездочки, и то оскалится, то сожмет узкие челюсти багровый полумесяц.

На набережной появляется парень. Ему около тридцати, одет во что попало, но бывшее когда-то дорогим и модным. Например, на нем свободный пиджак или длиннополое пальто. За спиной качается тяжелая кожаная сумка.

Парень никуда не спешит и не направляется, просто бредет, иногда приостанавливаясь и засматриваясь на реку за гранитным парапетом. Из кармана пальто или что там на нем достает бутылку — лучше бы тривиальный коньяк — и делает глоток.

П а р е н ь . Ох, какое мерзкое пойло. Но все-таки приятное. Без алкоголя здесь нельзя. Кругом, блин, вода или гады кусачие ползают. Надо чем-то душу греть. А осень нынче хороша, хороша. Такая злобная, стылая, с ветерком. И местечко тут подходящее, уютное...

Он хочет спуститься по ступеням вниз, но что-то его удерживает. Смотрит на воду, отворачивается, снова смотрит. Передергивает плечами. Делает глоток из бутылки. Затем снимает с плеча сумку, она тяжело

ударяется о брусчатку, а парень ищет в карманах сигареты. Закуривает. Садится на свою сумку.

Появляется девушка, без особых примет, тоже неспешно идет вдоль парапета. Увидев незнакомого мужчину, замедляет шаги, потом идет быстрее и, отдалившись от сидящего парня, останавливается в раздюме, лицом к воде.

П а р е н ь . Заблудилась, красотка?

Д е в у ш к а . Отстаньте от меня!

Она одним прыжком вскакивает на парапет и прыгает вниз, в воду, подняв каскад сверкающих под электрическим светом брызг. И тишина.

Парень не сразу понимает, что произошло. После заминки, с сожалением затаившись, бросает сигарету, вскакивает на ноги и склоняется над парапетом.

П а р е н ь . Эй, подожди, красотка!..

Он оглядывается — никого. Громко бормочет «что еще за ерунда... подлость в чистом виде...» и тоже прыгает в воду с парапета, как есть: в верхней одежде и головном уборе (лучше бы в кепке).

Плеск, брызги, шумное фыркание. Судя по звукам, он многократно ныряет. Затем он с трудом выволакивает девушку по ступеням наверх, на брусчатку набережной, сам тяжело дышит. Пытается расстегнуть на ней одежду, но девушка пребывает в сознании и встречает его попытку градом ударов и оплеух. Он вскакивает на ноги, девушка с трудом садится, выплевывает струю воды.

П а р е н ь . Ты зачем ныряла? Думаешь, легко было тебя со дна тащить?

Д е в у ш к а . Отвяжись.

П а р е н ь . Сволочь ты неблагодарная, а вовсе не несчастная утопленница! Такую хорошую ночь мне испортила! Теперь вот мокрый я совсем. Куда прикажешь идти?

Девушка молчит. Парень роется в карманах пальто, с радостью на лице вынимает уцелевшую бутылку. Зубами откупоривает ее и делает глоток. Протягивает выпивку девушке, она тоже немного отпивает.

П а р е н ь . Гreet?
Д е в у ш к а . Да.
П а р е н ь . Ты зачем прыгала?

Девушка отмалчивается. Он садится рядом с ней, на торчащие корни старой липы. Снова по очереди прикладываются к бутылке, парень отбрасывает опорожненную посуду.

Д е в у ш к а . Ты в этом месте ждешь кого-то?
П а р е н ь . Нет.
Д е в у ш к а . А если я очень-очень попрошу, ты уйдешь?
П а р е н ь . И не подумая. Это мое место.
Д е в у ш к а . Как это твое?

П а р е н ь . Я тут давно гуляю. Первое свидание здесь было, первый поцелуй чуть позже тоже здесь. Даже первый секс — на этих вот ступеньках. Если задуматься, это мое самое важное и родное место. Да чего там говорить, моя отчизна!

Д е в у ш к а . Наверное, твой дом через дорогу, да? И этим все объясняется.

П а р е н ь . Опять ты хамишь.

Девушка встает с брусчатки, злобно пинает кожаную сумку парня и со стоном прыгает на одной ноге.

Д е в у ш к а . Что у тебя в сумке? Кирпичи?
П а р е н ь . Камни.
Д е в у ш к а . Зачем? Будешь их в корабли на реке швырять?
Черт возьми, я все поняла: ты и сам пришел топиться, а я тебе помешала.

Парень молчит. Подбирает пустую бутылку и кидает ее в реку. На реке раздается какой-то шум. Внезапно из-под волн вырастает гигантский костлявый плавник, а за ним хребет и хвост большущей рыбы. Плеск, брызги, рыба пропала.

Д е в у ш к а . Что это?
П а р е н ь . На нерест рыбка пошла. Вроде бы это лососиха была, самка лосося.

Девушка. Врешь!

Парень. Вот все вы такие, женщины. Сама же видела рыбу, сама спросила, а теперь не веришь. Я вру или река врет? Или бутылка, из которой ты пила?

Девушка. Ты за что девушек ненавидишь?

Парень. Я не знаю, как я к девушкам отношусь. Даже не знаю, как надо к ним относиться. Понимаешь?

Девушка. Ну, я тоже не знаю, что должна думать про марсиан. Ты из-за чего топишься?

Парень. А я не сказал, что собрался нырять.

Девушка. Ты расскажи, сразу легче станет.

Парень. Ты любишь слушать исповеди других людей? Это теперь редкость.

Девушка. А с камнями ты хорошо придумал. Сумку к шее привяжешь и гарантированно не всплывешь. Так? Видишь, я соображаю, хоть и девушка.

Парень. Нам надо быстренько сообразить, как согреться.

Девушка. Да, тут холодно.

Парень. Я мигом. Эй, шеф, тормозни!

Он отбегает, слышен визг тормозов, мелькают отсветы автомобильных фар, затем взревел мотор отъехавшей машины. Парень возвращается с бутылкой водки.

Парень. Ну и пройдоха этот шофер. Всех моих денег едва на бутылку хватило!

Девушка. Возьми мои.

Она вынимает из одежды кошельки, протягивает ему комок мокрых купюр. Он смотрит, начинает смеяться. Она смущенно прячет комок в кошельки. Он откупоривает бутылку, делает пробный глоток и, одобрительно кивнув, протягивает ей водку. Она тоже отпивает. Какое-то время оба молча и по очереди пьют. У девушки нашлась шоколадка, которой закусывают.

Девушка. Ладно, извини насчет рыбы. Пусть будет лососихой, пусть плывет икру метать. Теперь расскажи мне свою историю.

П а р е н ь (*словно ждал приглашения*). Ну, когда станет тошно слушать, тормознешь меня. А сказать что-то конкретное о своих проблемах я не могу. Если обобщить, у меня вроде бы заряд кончился, замкнуло в цепи, или подсел аккумулятор. Я устал и не могу тянуть свои лямки еще и еще. Это тебе знакомо?

Девушка отрицательно мотает головой. Парень тяжело вздыхает.

П а р е н ь . Не имею больше ни к чему интереса. Не то. Суть в том, что я потерял интерес к себе. Теперь в яблочко. Все сделанное меня не устраивает. Ну, кроме моих детей. И больше не верю, будто бы способен на что-нибудь другое, новое, сильное. Со мной все уже случилось, впереди ничего нет, кроме скуки и самобичевания. Я не состоялся, я полный ноль. Я одним своим присутствием мешаю всем остальным, трачу задарма воздух и занимаю чье-то жизненное пространство. Это понятно?

Девушка отрицательно мотает головой.

П а р е н ь . Ну как еще тебе объяснить?

Д е в у ш к а . Говоришь, дети есть? И жена?

Он кивает, тут же тянется за бутылкой, чтобы сделать очередной глоток.

П а р е н ь . Теперь я стал похож на подлеца и эгоиста. Точно? Ты вот наверняка из-за неудачной любви прибежала топиться.

Д е в у ш к а . Как ты догадался?

П а р е н ь . С большим, знаешь ли, трудом.

Д е в у ш к а . Подожди, сейчас мы о тебе говорим. Думаю, тебе просто надо на время куда-нибудь выпасть, свалить подальше или поглубже. И развлечься на всю катушку. Чтобы понять — ты еще молод, все впереди!

П а р е н ь . Во-первых, я развлекался долго и всеми доступными способами. Гулял, пил, курил, ширялся. Во-вторых, ты не врубилась, милашка, в ситуацию. Я рассказываю о себе не для того, чтобы ты меня переубеждала или занималась

психоанализом. В заднице я видел твои советы. Сама ведь туда же хочешь, куда и я. Или я ошибаюсь? Может быть, ты буддистка и решила все начать по новой, в другом воплощении?

Девушка. Не надо мне хамить.

Парень. Почему бы и не похамить?

Внезапно и резко девушка выбрасывает руку и всеми пятью ногтями одной растопыренной кисти чертит глубокие царапины на лице парня. Он валится на спину, вопит, держась за лицо. Девушка спокойна и сидит, наблюдая за ним.

Парень (*убрав руки от лица – оно залито кровью*). За что?

Девушка. Ты полное ничтожество.

Парень. Дура, я сюда пришел топиться по этой самой причине. Зачем же мне рожу царапать?

Девушка. Какая тебе разница? Иди и ныряй.

Парень. Конечно, пойду.

Девушка. Иди-иди!

Парень встает на ноги, поднимает с земли за ремень свою сумку. После раздумья накидывает длинный плечевой ремень себе на шею и закручивает сумку, так чтобы она повисла у него на груди достаточно высоко, едва ли не у подбородка.

Девушка. Скажи одну вещь: сколько у тебя детей?

Парень (*согнутый под весом сумки*). Двое. А тебе-то что?

Она молчит. Он, подождав, тяжело идет к парпету, с большим трудом влезает на него и замирает над невидимой водой. Оборачивается и смотрит на девушку – она смотрит в противоположную сторону. И парень прыгает.

Снова вздымается веер брызг. Затем тишина. Проходит не меньше минуты. Девушка не оборачивается. Вдруг что-то выползает на нижние ступени лестницы, хрипя и содрогаясь. Это парень, он с яростью сдирает с шеи ремень сумки – видимо, выплыть со дна было крайне затруднительно. Сорвав с груди сумку, парень берет ее руками и отшвыривает в воду. Он не видит и девушка не видит, но видно зрителям, как над гладью реки за секунду до этого выросла огромная зубастая пасть рыбыны, решившей проглотить парня на нижних ступеньках. Сумка

летит в эту пасть, рыбина проглатывает ее, поворачивается и исчезает в глубине. Парень на четвереньках выползает на набережную.

Девушка (*оборачивается*). Передумал?

Парень. Фиг тебе! Ты для чего насчет детей заговорила?

Девушка. Какая тебе разница?

Парень. Я, елки-палки, только что на дне лежал. И вместо того, чтобы о самом важном вспоминать, я о твоём вопросе думал. Нафига она про моих деток спросила? Ну, нафига?

Девушка. Извини, сама не знаю, зачем сболтнула. Если ты не возражаешь, теперь я попробую.

Она легко встает, прыжком взмывает на парапет и с него ныряет — именно ныряет, красиво сведя руки над мокрой головой, вниз в реку. Правильный вход, и брызг мало. Парень привстал с корней липы, бес- сильно рухнул обратно. На лице кровоточат царапины.

Парень. Ну и тварь. А я хотел денег у нее попросить, на водку и сигареты. Что же делать? Кричать? Эй, люди! Стоп, а что люди подумают? Я ободранный, она утонула. Скажут — я насильник и убийца. Опять влип! Во что я только не влипал! Да пропади оно пропадом! Без водки все равно ничего не решить!

Он срывает с себя пальто, лезет на парапет и снова прыгает вниз. Фонтан брызг, потом слышно его рваное дыхание, приглушенные ругательства, снова брызги и плеск: он ныряет раз за разом. Там же мелькают огромные рыбы плавники, хвосты, зубатые пасти. Жуть сплошная — и ветер как раз завыл. И липы трещат и качаются. И обрывки мусора бегут, вроде насекомых, по брусчатке. Потом парень вылезает наверх по ступенькам, один, еще напоследок успел пнуть ботинком по зубам самую наглую рыбину. Та захлопнула пасть и нырнула. Он валится на камни мостовой вниз лицом. И глухо сам себе что-то бормочет.

Парень. Зачем же я из реки вылезал? Надо было там остаться.

Девушка (*ее вдруг стало видно под черной липой*). Так может быть, тебе выпить или покурить захотелось?

Парень (*подняв голову и посмотрев на девушку*). Ты угадала. Я хотел у тебя денег одолжить.

Девушка. Бери.

И протягивает кошелек.

Парень. Я быстро. ты меня подожди, хорошо? Если что, вместе туда отправимся. договорились?

И бежит прочь.

Конец первой сцены

СЦЕНА ВТОРАЯ

Декорации те же. Герои там же, но девушка как-то (пока непонятно, как именно) изменилась. Итак, парень возвращается с грудой покупок, в их числе две бутылки, блок сигарет и что-то еще.

Девушка (*измененным голосом*). Что купил?

Парень. Купил коньяк, «Пепси» еще, чтобы запивать, сигареты «Честерфилд», пару бутербродов.

Девушка. Для чего ты презервативы купил?

Парень (*крайне растерянно*). Не знаю!

Девушка. Ты у меня выпытывал, зачем я спрашивала тебя про твоих детей.

Парень. Забудь про это. Лучше поговорим о нас самих. Как же ты так ловко вынырнула, что я не заметил?

Девушка. Я спрашивала тебя про твоих детей, потому что это меня касается. Посмотри мне в глаза, что ты там видишь?

Парень. Красиво там. И грустно.

Девушка. Ни хрена ты там не разглядел. Это глаза твоей дочери!

Сидят какое-то время неподвижно. Девушка выдергивает из рук парня бутылку, ловко — зубами (как недавно сам парень) — откупоривает ее и делает глоток. Протягивает бутылку парню. Он не берет.

Парень. Как тебя зовут?

Девушка. Да брось эти штучки. Не ты меня растил, не ты имя выбирал, и не тебе его знать. Но зовут меня Глафира! Очень красивое имя, между прочим.

Парень. Как зовут твою маму?

Девушка. Не смей даже упоминать о ней. Сейчас мое время задавать вопросы.

Парень. Давай, задавай.

Девушка молчит.

Парень. Если ты ничего не знаешь про меня, тебе не придумать никаких вопросов. И это хорошо. Ты даже не представляешь, как это хорошо для тебя.

Девушка. Идиот!

Парень. Совершенно верно, твой отец ничтожество и идиот. А ты выросла до вполне взрослого состояния, ничего не ведая про это. Не нервничала, не грустила, не злилась. Ты избежала всяких заморочек по Фрейду и Юнгу. И отлично! Почему я так уверенно говорю? Потому что сам попал в ловушку. Сперва очень редко и вскользь, а с годами сильнее и сильнее я задумываюсь и мучаюсь по поводу своих родителей. Вот у тебя не было никакого отца, ни физического, ни в виде фотографий, писем или набора слухов и сплетен. А у меня то не было, то было!

Девушка. Ну и что!

Парень. Честно говоря, про отцов рассуждать права не имею. У мамыши часто менялись дружки, я каждого называл папой. Но они то и дело пропадали, и я привык, что отцы — это ненадолго и каждый раз по-иному. Я даже помню, как в детсаде сказал подружке — у меня три отца, но люблю я только второго. В общем, с отцами не имею никаких проблем. Зато с мамочкой, с ней хуже. Она ведь есть. Я ее не видел годами и даже целое десятилетие. Правда, я всегда знал — она есть. Но она там, где меня нет. Значит, она не хочет меня брать с собой. Но если она возьмет меня или приедет ко мне — это еще хуже! Понимаешь?

Девушка. Ты просто гонишь на всех подряд.

Парень. Вовсе нет, дочурка. Твоя бабуля спилась еще до того, как меня родила, а потом совсем опустилась. И жила то в бараках, то в тюрьмах для тунеядцев, то в прочих неопикуемых

местах. Я в эти места попадал два-три раза, мне их не забыть. Я лет с шести боялся, стыдился матери. То есть, мечтал ее иметь и одновременно не хотел, чтобы она ко мне приехала. Я хотел другую мать, но имелась в наличии лишь эта. Разве это не душе-раздирающая история?

Девушка. Это ерунда полнейшая. Слушай, только не обижайся. Вижу, как тебя затрясло. Но ты сам себе яму вырыл. У тебя мать спилась и тебя не воспитывала. Так?

Парень кивает.

Девушка. Ты имеешь два варианта решения. Либо ты ее прощаешь и заботишься о ней, потому что она все же тебе ма-муля. Либо ты ее не прощаешь и вычеркиваешь из памяти, из жизни. Она сейчас где-то рядом?

Парень. Понятия не имею. Мы редко видимся.

Девушка. Не зависай, как старье компьютерное. Прими решение. Таких раскладов полно. Представь сирот каких-ни-будь, от которых мамы в роддомах отказываются. Им тоже киснуть всю жизнь?

Парень. Мне нельзя забыть. Нельзя на чем-то одном остановиться. Я не могу простить и не могу стереть память о ней.

Девушка. И поэтому ты топишься? Да ты дурак!

Парень. Постой, Глафира. Речь о твоей родной бабушке. Тебя она не интересует? А еще — сама ты ко мне иначе отно-сишься, никак не рационально и не трезво.

Девушка. Еще как трезво. Я послушала тебя и поняла — ты мне не отец.

Парень вскакивает, машет руками.

Парень. Отец! Я отец!

Девушка. Фиг тебе.

Парень. Пожалуйста, не спеши отречься. Да, я не су-перстаричок, но у меня есть кое-что хорошее.

Девушка. Что?

Парень. Квартира.

Девушка. Ты думаешь, я сейчас отказываюсь от своего отца? Чувак, я тебя разыграла. Теперь понял? Я для прикола назвалась твоей дочкой.

Парень. Значит, разыграла? Я тебя убью.

Девушка. Вот-вот, именно этого мне и хотелось. Но теперь нетушки. Ты не годишься на роль убийцы. Лучше я тебя прикончу.

Она вынимает из кармана большой пистолет и стреляет в парня. Он пытается прикрыться руками, бежит прочь, но с каждым выстрелом его силы иссякают, и он мучительно падает на парапет. А девушка подходит и пинком сбрасывает его в воду. Тихий плеск — тело поглотила черная блестящая вода, из-за фонарей на воде играют багровые блески. Девушка уходит, не забыв бросить в реку пистолет. Тучи заволакивают месяц. Яростно воет ветер. Густые сумерки, можно еще подпустить тумана, а сразу за туманом и густого убедительного снега.

Конец второй сцены

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Снег, туман и ветер закончились. Посветлело. Девушки не видно. На липе сидит большая (лучше бы в рост человека) птица, зевает большим клювом, чистит перья, затем пукает и роняет огромную белую кляксу.

Под деревом шевельнулась фигура сидящей девушки.

Девушка. Падла.

Клякса упала ей на голову.

В реке закипела вода. Показалась морда огромной страшной рыбины. В ее зубах зажато тело. Рыбина бросает тело на нижние ступеньки и ныряет обратно в реку.

Это тело парня. И оно начинает шевелиться.

Парень со стонами выползает на набережную.

Парень. Кровь так и хлещет! Слишком больно умирать. А думал — прыг, и ты уже король. Где я? За что меня убили? Ничего не помню. Ага, я же сигареты купил.

Он вынимает из-за пазухи нераспечатанный блок сигарет. Срывает зубами целлофан с пачки. Пробует зажигалку, затем прикуривает.

П а р е н ь . Куда бы спрятаться? А то вдруг еще кто-нибудь захочет пострелять.

С трудом взбирается на крону липы.

П а р е н ь . Меня собственная дочь убила. Или только ранила? За то, что я о матери плохо говорил. Нет, потому что я мать не уважал. Кажется, мне стыдно. Мамочка, прости меня!

Снизу раздается ласковый голос пожилой женщины.

Д е в у ш к а (*она и не она, а кто-то постарше*). Сыночек, все в порядке. Я здесь, я не обижаюсь на тебя. Все у нас скоро наладится.

П а р е н ь . Ах ты, сволочь. Это ты, Глафира! Снова меня дурачишь? Я тебе покажу!

Он поспешно спускается вниз. К сидящей девушке.

Д е в у ш к а . Ребеночек мой, сколько мы не виделись? Ты на меня злишься? Не надо злиться. Или не веришь мне? Я твоя мама, но теперь я совсем другая. Понимаешь, я стала выглядеть так, как должна, а не какой меня жизнь сделала. Я сейчас тут сижу перед тобой в идеальном варианте.

П а р е н ь . Глафира, кончай придуриваться. У меня нервы не железные.

Д е в у ш к а . Это не важно, если ты не узнаешь меня. Я должна успеть кое-что сказать тебе. Сегодня особая ночь, когда можно про все говорить.

П а р е н ь (*вынимает из штанов огромный нож с блестящим лезвием*). Я тебя в последний раз умоляю...

Д е в у ш к а . Сынок, мы все вырастаем другими, не такими, как надо. Мы уродуем себя и, конечно, сами виноваты. Но посмотри на меня — вот я могла бы стать такой хорошей, а мои ошибки и рок судьбы превратили меня в пьяную слабоумную ни-

ценку. Что бы ни было с тобой, помни, в каждом существе есть маленький зародыш идеального варианта. И ради этого маленького зародыша не гневайся, прощай часто и охотно. Прости и меня.

Парень подскакивает и наносит ей несколько ударов ножом. Брызгает фонтаном кровь, заливая его лицо. Девушка встает, падает, снова встает и прислоняется к дереву.

Д е в у ш к а . Это ничего, это случайно. Ты не виноват. Не расстраивайся только. Мне очень жалко тебя!

П а р е н ь . Ненавижу! Как же я тебя ненавижу.

Д е в у ш к а . Кого именно? Свою мать или Глафиру?

Он хватает ее в охапку и швыряет вниз, в багровые волны реки.

Всплеск, тишина. Он привычно ждет происшествий, а их нет.

Парень смотрит на нож в своей руке (с лезвия течет струйка крови), испуганно бросает оружие в воду. Озирается.

П а р е н ь . Кого же я убил?

И тут гремит пушка (с бастиона недалекой Петропавловской крепости), выстрелом озаряет полнеба, отчего виден и остров с крепостью, и прочие достопримечательности туристического характера. Затем темнота. Свет. Парень верхом на дереве. Озирается. Под деревом сидит грязная, косматая старуха в наряде бомжихи. Гнусаво, хрипло говорит.

Д е в у ш к а (*она исполняет и эту роль*). Эй, ты, дай-дай денег. Я с голоду подыхаю, слышишь? Сынуля, сволочь, помоги матери.

П а р е н ь . Кто здесь?

Д е в у ш к а . Дай-дай денег, сволочь.

Парень слезает с дерева, подходит к нищенке и напряженно всматривается в ее лицо. Его начинает трясти, возможно, от холода. Нищенка что-то непрерывно бормочет, чешется, плюется в стороны, иногда и на парня.

П а р е н ь . Ты откуда взялась.

Ответа нет.

П а р е н ь . Зачем тебе деньги?

Д е в у ш к а . Сволочь какая, сын родной, а жадничает. Видишь, мне пальто нужно купить. Дай-дай денег, куплю пальто и уеду в теплые края.

П а р е н ь . На водку деньги клянчишь? Подожди.

Роемся в карманах, вынимает бутылку водки и протягивает нищенке. Та хватает ее, откусывает стеклянное горлышко и захлеб выпивает всю водку, до дна, без передышки.

П а р е н ь . Это все-таки ты, мамуля?

Д е в у ш к а . А кого тебе надо? Дай-дай денег, на пальто дай, на билет дай. Уеду в поезде.

Она подскакивает, трясет его за полы одежды. Из кармана парня выпадает нож. Парень остолбенел.

П а р е н ь . Какого черта? Я же выбросил нож в реку!

Нищенка хватает нож с брусчатки, отбегает, истошно крича:

Д е в у ш к а . Не трожь меня! Не смей даже шевельнуться, падла! Я тебя первая заколю!

Он делает шаг к ней, желая успокоить нищенку, но получает в ответ мгновенный удар ножом в живот. Падает на колени, зажав пробоину ладонями.

П а р е н ь . Зачем?

Д е в у ш к а . Думаешь, не раскусила тебя? Мешаю я тебе, захотел чик-чик мамульку, да бултых в реку. Никто во всем Советском Союзе меня со свету сжить не смог, куда тебе, ублюдку случайному, справиться. Решай, если дашь денег, вызову тебе докторов. Ну?

П а р е н ь . Ты не моя мать.

Д е в у ш к а . А кто же?

П а р е н ь . Просто фантом алкоголический.

Д е в у ш к а . Плевать мне, как обзовешь. Ухожу, все равно у тебя деньги никогда не водились.

Нищенка уходит. Парень встает. Забывает про рану, из его живота вы-
ползают длинные склизкие кишки. Вроде бы шевелятся. Он запихива-
ет их обратно.

А по небу снова пролетает большая клювастая птица, метко какает на
парня. Он сидит мокрый, с кишками в руках, голова в гуано, и горько
плачет.

П а р е н ь . Я только лишь хотел утопиться. За что мне все
это? Гады, довели хорошего человека...

К о н е ц т р е т ь е й с ц е н ы

В е р о я т н о , к о н е ц п е р в о г о д е й с т в и я

ПОСТСКРИПТУМ К ПЕРВОМУ ДЕЙСТВИЮ

Пока задвигается занавес, а парень на сцене громко жалуется, и ры-
бицы в реке режут плавниками волны, над авансценой пролетает та
самая большая птица с плохим пищеварением и поет песню.

П т и ц а :	РАНЕНАЯ ПТИЧКА
	В РУКИ НЕ ДАВАЛАСЬ.
	РАНЕНАЯ ПТИЧКА
	ПТИЧКОЙ ОСТАВАЛАСЬ.
	ЭТОТ СОН ДАВНИШНИЙ
	ДО СИХ ПОР МНЕ СНИТСЯ.
	НАД ЗЕМЛЕЙ КРОВАВОЙ
	НЕ СДАЕТСЯ ПТИЧКА!

Второе действие

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Все неодушевленное остается на своих местах. Свет, атмосферные явления и вода обрели, по возможности, еще более мрачное и неприятное свойство.

В том же углу, что и в начале действия, появляется девушка. Задумчивой походкой идет под сенью лип. Скрипит столб фонаря, раскачивается его лампочка, и становится видно нечто качающееся на толстой ветке.

Это парень, который умудрился повеситься на собственных кишках. Неудачно. Он изредка хрипит и дергает ногами. Девушка тревожно вскрикивает, подбегает к черному стволу дерева и говорит:

Д е в у ш к а . Что с вами? Вам больно? Потерпите, я сейчас помогу!

Она бегает кругами вокруг липы, делает попытку взобраться по стволу, но безуспешно. А парень хрипит и дергается сильнее.

Тогда девушка находит простое решение — она встает под висящим парнем, и его башмаки упираются в ее плечи. Парень оперся было подошвами башмаков об плечи девушки, девушка рухнула под его весом, он снова закачался и захрипел.

Д е в у ш к а . Простите, я такая неловкая. Еще раз, еще разик!

Она снова подставляет плечи, уже твердо стоит под тяжелой ношей. Парень хрипит и хватается рукой за кишки, держащие в связке его шею и сук над головой.

Д е в у ш к а . Что с вами случилось? Неужели вы захотели прервать свою жизнь? Этого нельзя делать, тогда и в будущих воплощениях ваша судьба будет столь же мучительной и неудачной.

Сил у парня хватает, чтобы на миг подтянуться на кишках, и буркнуть «ненавижу буддисток», после он снова барахтается, пытаясь вернуть ноги на ее плечи.

Девушка. Вы меня не вспомнили? Приглядитесь хорошенько! Мы с вами встречались, даже не один раз, а многократно. Ну же, вспоминайте.

Парень снова стоит у нее на плечах. Девушке тяжело, говорит все быстрее и неразборчивее, постепенно приседая под непосильным грузом.

Девушка. В самом начале девяностых, как-то в мае, неподалеку от этой набережной... Вы пили пиво, я шла и ела мороженое, а вы что-то крикнули, я уронила эскимо в реку, такое новое эскимо с желтой лимонной корочкой, и вы нырнули и поймали мое эскимо, оно было запечатано в бумажку и почти не пострадало. Вспоминаете?

Парень хрипит и извивается, балансируя на ее плечах.

Девушка. Наверное, уже тогда это случилось. Я вас любила. За что? Разве я знаю, разве существуют ответы на такой вопрос?

И тут случается катастрофический момент: под весом парня трещит и обламывается ветка липы, точнее, едва ли не вся макушка. Летит через парапет в воду макушка, увлекая болтающегося на кишках парня, а вслед за ними падает и девушка, которая цепко держится за ноги парня.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Новые декорации. Все вышеозначенное — набережная с деревьями и фонарями и лестницей — поднялось к потолку или небу. А наши герои — ветка, парень и девушка — лежат на дне реки, в окружении груд металлолома, бутылок, сизых водорослей и пары раздутых рыбьих алкоголического вида на ближайшей помойке.

Девушка лежит на спине, по виду покойница. Парень сматывает в кольца свои кишки, деловито запихивает в брюхо. Оглядывается, с наслаждением чешет затылок.

П а р е н ь . Гляди ты, всюду жизнь. Эй, мужики!

Две толстые неопрятные рыбины у помойки оглянулись, посмотрели друг на дружку, одна вынула из кармана огромный нож, повертела для понту и спрятала. Вторая выхватила зубастой пастью рака из тины, с хрустом разжевала, смачно плюнула в сторону парня. Потом рыбины подхватили какую-то железяку и поволокли куда-то прочь.

Парень закончил пристраивать в животе кишки, иначе говоря, самоисцелился. Встал, подошел к груде ржавого, обвитого водорослями металла, нагнулся за бутылкой спиртного, и тут же из груди вынырнула крупная зубастая голова на длинной чешуйчатой шее, схватила его за рукав пиджака и стала нагло тянуть внутрь металлолома. Парень отбивался, пинался, ругался, но освободила его девушка: ожила, выхватила из кармана пистолет (тот же, что и раньше) и одним выстрелом разнесла голову подводной мусорной змеюке.

Д е в у ш к а . Милый мой, она тебя не покусала? Покажи руку, покажи грудь, повреждений нет?

П а р е н ь . Все со мной в порядке. Слушай, мне это кажется, или мы с тобой уже того, в подводном царстве обитаем? Как это понимать: мы в аду или для покаяния в рыбок превратились?

Д е в у ш к а . Я не знаю. Вообще-то я по профессии маляр и штукатур. Триста долларов платили в одном стройтресте. И говорили, что петербургские фасады я реставрирую замечательно. Ты не можешь себе представить, как сложны эти проклятые фасады!

П а р е н ь . Могу. Я тоже когда-то на стройках шабашил.

Д е в у ш к а . Как замечательно! Давай и здесь все реконструируем, уберем мусор, маленький домик построим. И я начну рождать детишек.

П а р е н ь . Точнее, метать икру. Мы ведь теперь рыбы!

Д е в у ш к а . Не надо надо мной насмехаться. Тебя хотели сожрать, я тебя спасла. Значит, ты мой. Раньше ты тоже был моим, но сопротивлялся, а теперь я сопротивления не потерплю. Чуть что не так...

П а р е н ь . Что тогда?

Девушка вместо ответа начинает шипеть, у нее изо рта валит дым, а в руках появляются то ли кинжалы, то ли острия плавников.

П а р е н ь . В принципе, ты мне нравишься. Я припоминаю, что влюблялся в тебя. Рыбка моя ненаглядная!

Подплывает мелкая рыбешка с мандолиной или банджо в плавниках, мелодично бьет по струнам, и наша парочка вдруг падает в объятия друг дружке, вверх и в стороны вспархивают одежды и струйки пузырьков из потревоженной донной тины. Идет секс, посмотреть на который собирается некоторое количество рыб — тут и хищники, и бомжи, и даже парочка невообразимых чудовищ или мутантов. Рыбины начинают нервничать — секс им непривычен и вроде бы — неприятен. Наконец одна большая рыба подплывает и заглатывает одним мощным зевком в пасть парня и девушку.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Абсолютная темнота. В чем-то небольшом и мокром лежат, тесно прижатые, парень и девушка.

П а р е н ь . Ты как?

Д е в у ш к а . Хорошо. Кажется, я рожаю.

И девушка начинает истошно визжать, извиваться и тужиться. Последнее усилие — она сникает, парень подбирает что-то у нее в подоле, поспешно заворачивает в свою рубашку. Из свертка высунулся новенький блестящий хвост. Забился и стих.

Д е в у ш к а . Ну кто — мальчик или девочка?

П а р е н ь . Не разберу пока что.

Тесное мокрое ложе вокруг заколебалось, их стиснуло и куда-то выбросило. Они снова лежат на дне реки, вокруг рыбины, а из свертка вылез симпатичный малек, похожий на дельфиненка, подвигал плавниками и отплыл к рыбакам. Самая большая рыбина подплыла к нашей парочке.

Р ы б а . Вы зачем сюда приплыли?

П а р е н ь . Мы не приплыли, мы утонули.

Рыба. Дерьмо не тонет, пора бы знать. Вам тут нельзя оставаться.

Парень. Почему?

Рыба. Говорите не по-нашему, трахаетесь не по-нашему, даже рожаете как-то ненормально. Дурной пример молодежи подаете.

Парень. Дай время, всему научимся. Ты нас не гони. Нам на земле тошно жить. Может быть, здесь станет веселее и интереснее. А ребеночка нашего верни.

Рыба. Если бы не ребеночек, мы давно бы вас сожрали. Ребеночек у вас нормальный, рыба как рыба. А вы уроды и возвращайтесь на землю, там ваша среда обитания.

Парень. Ни за что не вернемся!

И тут все рыбины подплывают и накидываются на них. Парень сдается сразу, его волокут куда-то прочь, зато девушка ловко и яростно пинается, бьется, кусает рыбин, и те отлетают от нее, как шары от стенки. На нее накидывают сеть, она устает и затихает, падает без сил на грунт.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Первоначальное положение вещей в мире: набережная с горящими фонарями, ступени к воде, ветер гнет черные кроны деревьев. Парень распутывает сеть, в которой рыдает девушка.

Девушка. Отдайте мне моего ребеночка!

Парень. Да брось ты. Я там не говорил, не хотел тебя огорчать, но у тебя не ребеночек был, а что-то другое.

Девушка. Другое?

Парень. Ну, ошибка у природы случилась, треска или щука родилась. Сразу к своим поплыла, поскольку нас с тобой не признала родителями. Ты не реви, если так сильно хочешь, давай кого-нибудь еще родим.

Девушка. Нет, лучше я утоплюсь и встречусь с сыночком.

Она рвется к реке, парень ее удерживает. С кроны липы к ним тяжело спрыгивает большая птица.

Птица. Есть проблемы?

Парень. Отвали, не до тебя.

Птица. Решаю любые проблемы. Выпивка, наркота, сердечные раны, уголовные дела, любая всячина в моей компетенции.

Девушка. Ты кто такая?

Птица. Я птица говорун, охраняюсь Красной книгой, исконный житель этих мест.

Парень. А зачем к нам сюда прилетела?

Птица. Если честно, достали вы меня своей суетой. То водку жрете, то деретесь, то плачете. Хочу вас спровадить куда-нибудь, сунуть кусочек счастья и убрать с глаз долой. Ну, чего надо? Баксы, ящик коньяка, сигареты, талон на выигрыш в лотерею или жетон в казино, чтобы миллион взять разом?

Девушка. Я хочу своего ребенка.

Птица чешет в затылке и смотрит на реку. Высунулась зубастая рыба пасть.

Рыба. Тебе чего, мамуля?

Девушка (*после некоторой заминки, нервно*). Нет-нет, ничего, извините.

Рыба исчезает. Птица ждет. Парень нервно закуривает.

Парень. А город этот похерить сможешь? Угробить его целиком, чтобы не мучались здесь люди никогда больше.

Птица. Я тебе что, золотая рыбка на крючке? Тут мне решать, чего каждый из вас достоин. А город пусть стоит, мне он нравится. Тут для зимовки чердаки удобные.

Парень. Хотя бы помоги мне утопиться.

Птица. Тебя в воду ни за какие коврижки не пустят. Поэтому надо жить, дружище. Тебе тошно, другим от тебя тоже тошно, но надо все равно жить. Не спрашивай, зачем и почему, я не знаю. Одно мне известно — жить обязаны почти все,

даже самые жуткие сволочи, даже невкусные сверчки, тараканы и клопы. Ты тоже живи. Сделай этой бабе ребенка, устройся на работу, рыбу в реке лови.

П а р е н ь . Я не согласен.

В его руке оказывается бутылка спиртного, он разглядывает подарок, думает и неохотно кивает. Девушка подходит к нему, гладит по плечу.

Д е в у ш к а . Лучше двух родим. Про запас. Мало ли в кого теперь дети превращаются.

П а р е н ь . Да, ты иди, я догоню.

Девушка уходит, волоча за собой сеть и сумку парня. Он стоит у парапета, воровато озирается. Птица уже улетела. Парень вскакивает на парапет и наклоняется над водой. Из воды высовываются несколько страшнейших рыл и клацают зубами. Парень отшатывается, падает на камни мостовой. Сидит и кричит, потирая бока.

Начал падать снег. Встает солнце. Мимо парня к реке проходит рыбак — мужик в трюхе, с удочкой и деревянным ящиком.

П а р е н ь . Мужик, не ходи к реке! Там, понимаешь, рыба совсем озверела и черт знает что вытворяет. Не ходи, мужик, вода ледяная, времена лихие...

Мужик оборачивается, радостно трясет головой и приветственно машет трюхом. Потом ступает на реку — вода уже покрыта льдом. Мужик выходит на середину реки, к полынье, из которой валит пар. Закидывает удочку. Тут же клюет — он дергает и из воды показывается зубастая пасть огромной рыбыны. Мужик в трюхе отбрасывает удочку, обнимает рыбу и иступленно целует ее в рыбы губы и зубы. Рыбина его обнимает плавниками. Затем рыба ныряет. Рыбак сидит и трет глаза. Парень думает.

П а р е н ь . А если, например, у меня амнезия? Полная и окончательная потеря памяти! И я ни про что не могу вспомнить: кто сам есть, с кем жил, как собирался жить. Заманчиво звучит, черт подери. Решено, я один, я совсем новый человек, у меня все только начинается.

Р ы б а к . Эй, парень, тут к тебе пришли.

По набережной идут трое — дородная дамочка свирепой наружности, в мохнатой шубке, а с нею два пса. Парень при их появлении заметно пугается и сникает.

Д а м о ч к а . Мы беспокоимся, куда подевался наш папулечка. А наш папулечка сидит себе на бережке и в ус не дует. Детки проголодались, но папулечке все равно!

Псы гулко гавкают и скалят клыки. Парень встает и идет к ним.

Д а м о ч к а . Дети, поздоровайтесь с папой.

П с ы . Доброе утро, папа. Мы хотим кушать.

П а р е н ь . Да, сейчас, я что-нибудь придумаю. только вы не кусайте меня, не надо.

Он уходит. За ним бегут псы, норовя цапнуть за ноги. Последней уходит дамочка, и виден тонкий длинный хвост, который торчит у нее из-под шубки. Рыбак на реке, повертев головой от удивления, достает из-за пазухи бутылку, прикладывается и затягивает песню.

Р ы б а к .

СНОВА ЗАЖГЛА КОСТРЫ
ОСЕНЬ ИЗ ТОЙ ЛЮБВИ,
ТОЙ, ЧТО СЖИГАЛА НАС
СТОЛЬКО РАЗ, СТОЛЬКО РАЗ...

Юрий Медведько

ВОЗДУШНЫЕ ШАРИКИ

МОНОПЬЕСА

Они испугались. Они хотели забить меня до смерти, но им стало страшно. Какая шумиха поднялась вокруг! Отморозок, маньяк, нелюдь. А еще — псих, шиза, клиника. Они — герои. Они обезвредили. Они топтали меня, и их перекошенные рожи покрывались потом. Как им хотелось, чтобы я заскулил, взмолился и запричитал. Но мне было смешно видеть их жалкие потуги.

— Хорош! — крикнул старший. — Он просто псих.

Они думают, что если человек не чувствует боли и не проявляет страха, значит, он псих. Страх, боль, жадность, зависть и прочая дрянь — это все яд. Они пропитаны ими насквозь, даже их пот воняет страхом. Но у меня есть противоядие — ненависть. Безграничная ненависть ко всему и ко всем. Это она сделала меня сильным. Это она спасла меня от постоянного унижения — жить в этом мире людей. И поэтому я лежу в луже крови, вокруг меня толкуются озверевшие менты, на меня глазят соседи, высунувшие рыла из своих комнатушек. Они напуганы и возбуждены, и желали бы, чтобы из меня вышибли мозги. Они хотят обезопаситься и потешить себя. Но по-настоящему смешно лишь мне. Смешно и чуточку грустно. Грустно, потому что приходится расставаться со своим оружием. Во мне есть настоящая любовь к оружию. Настоящая, потому что для меня оно не забава, не защита, для меня оно продолжение моей души. Сколько помню себя, я мечтал о настоящем оружии. Первый мой пистолет я сделал себе сам. Мне было четырнадцать...

Тогда у матери появился новый ёбарь — дядя Саша. Здоровый, сутулый, вонючий. Он возник в нашем блоке во время очередного материнского запоя и уже не уходил. От него постоянно исходил шум. Он то ржал, то пердел, когда спал — храпел. И все-

гда пил. И еще он зверски ебал мать. Нас он не стеснялся. Бродил по комнатам, мотая своей елдой, и искал, где отрубилась мать. А потом начинал сопеть. Тело матери бесчувственно содрогалось под ним. Ей тоже было наплевать на нас, она хотела только одного — упиться. И мне было наплевать на нее, я привык к ее блядству.

Своего отца я забыл и не вспоминал о нем. Он умер от рака. С матерью они вечно дрались из-за выпивки. Прятали друг от друга деньги, воровали друг у друга вещи и постоянно пили. Они мне опротивели, и я приходил домой только ночевать. Помню, когда он уже совсем ослаб и не мог ходить без помощи, я помог ему дойти до туалета. Он сидел на унитазах — маленький, трясущийся от немоги и боли, — и плакал, просил у меня прощения. А я стоял, задыхаясь от его вони, и мне было противно смотреть на его гнойные глаза, слушать невнятный скулеж. Он хотел, чтобы я его пожалел, понял, что подыхает, и испугался. Все его бросили, никому он был не нужен. Хотел я его прикончить тогда прямо на унитазах и вообще исчезнуть из этой общаги, но зима была, холодно.

Так вот, этот дядя Саша любил «учить меня жизни» — так это он называл.

— Вовка, я сделаю из тебя человека! — орал он на весь блок, изображая из себя того самого «человека». Особенно он усердствовал, когда приходила учительница — жаловаться на меня. Она тоже жила в нашей общаге и боялась меня. Однажды я сказал ей прямо в классе, что ей насрать и на нас, и на весь этот «Русский язык». Я ей правду сказал, потому что она никогда ничего не объясняла: напишет на доске несколько правил из учебника и уходит болтать по телефону, а потом приходит перед звонком и орет: «Идиоты! Дегенераты!» Кроме мужиков и жратвы, ее ничего не интересовало. Жирная недоебанная сука, она просто сочилась от удовольствия, когда моя мать набрасывалась на меня и пиздила чем попало прямо у нее на глазах. А когда появился этот дядя Саша, так она стала наведываться чуть ли не через день. Вырядится в прозрачный халат и стоит в дверях:

— Саша, вы, как мужчина, должны повлиять на мальчика.

Этот «мужчина» запирал меня в комнате, а сам мямлил ее жирные сиськи и орал:

— Не выйдешь, пока все уроки не выучишь!

Дядя Саша ебал всех подряд: мать, ее подруг, общажных блудей, разведенку и даже старуху уборщицу выебал в грузовом лифте. У него всегда стоял хуй, это я знаю точно.

В тот раз я собирался идти смотреть салют, но не успел. Завернулась училка, и он запер меня в комнате.

— Теперь я лично буду проверять твои тетради! — орал дядя Саша, чтобы приглушить взвизги этой жирной садистки.

Я стоял в темноте, и меня душили слезы. Я задышался от обиды и бессилия что-либо изменить. Они издевались над детьми, потому что мы были слабее их. Они отыгрывались на нас за свои обиды, за свою поганую жизнь, за свое бессилие перед ней, за свою трусость. Я схватил стул и швырнул его в окно.

— Саша, Саша! — завопила училка. — Похоже, этот гаденыйш разбил окно!

И они притихли. Они ждали. Я встал на подоконник. И вдруг небо за окном вспыхнуло и над крышами домов расцвели разноцветные бутоны огней, воздух сотрясали раскаты салютного залпа. «Ура-аа!!!» — заорали где-то внизу. Город веселился. Вот тогда-то ненависть и спасла меня. Если бы я не захотел их всех убить, я бы выбросился из окна, и они бы дождались своего. Но я передумал. Для начала я порвал все учебники, тетради и дневник. Я решил, что никогда больше не пойду в школу. Потом я нашел молоток и стал крушить все подряд: стол, шифоньер, зеркало, холодильник. Я совсем озверел. В комнату ворвался дядя Саша, и я бросился на него, но не достал — у этой обезьяны были слишком большие руки. Он заломал меня и повалил на пол. Я слышал его сопение, ощущал гнилое дыхание и чувствовал, как упирался его твердый хуй в мой позвоночник. Он связал меня. Я провалялся так всю ночь и думал, где мне взять пистолет. Если у меня будет пистолет, этому «отчиму» не помогут его длинные ручки. Я мечтал, как всажу пулю в его огромные мудя, а потом, когда он будет корчиться в луже крови, добью в висок. Я хохотал, как помешанный. И еще я мечтал, как останусь совершенно один. Да, единственное, чего я тогда действительно хотел — это одиночества. Когда я думал об одиночестве, я сразу представлял себе свежий ночной воздух, темные улицы, дворы, настороженные тени случайных прохожих. Всё

это я полюбил, когда шлялся один, поджидая пока эти ублюдки нажрут, набутся и забудутся. Да, ночь — это классно! Однажды я сидел в кустах и срал. Слышу, по тропинке кто-то крадется. Я подтерся листьями и выглянул. Смотрю, а это пробирается к общаге наш комендант. Вот уж сука, так сука! Не пройдет мимо, чтобы подзатыльника не отвесить. За глаза его все «ворюгой» называли, а как встретят — сразу жопу лизать начинают. Мать с ним шоркалась, когда отец был жив. Надеюсь, что он ей еще одну комнату выделит. Зря отсасывала, дура. Так вот, ночью его просто не узнать было. Съежился весь, крадется на цыпочках, оглядывается. Я засунул руки в карманы и чуть выступил из кустов. Огромная тень упала на дорожку. Этот придурок остановился и замер. Я двинулся на него. Я просто пошел навстречу, а эта крыса кинулась удирать. Тогда побежал и я. И он завопил: «Помогите!»

Я обожаю ночь!

Потом я решил, что сам начну зарабатывать себе на жизнь. «Я тебя кормлю, одеваю и обуваю!» — орала мать по любому поводу. Я молчал, меня тошнило от ее гнусности. Не помню, чтобы она когда-нибудь работала, кроме как промышляла на выпивку своей пиздой. А в основном жила она на пособия, которые получала на меня и на мою маленькую сестренку. Ее забрали родители отца. Но пусть, пусть живут как хотят. Они меня уже не интересовали. Я поставил между ними и собой заслон из своей ненависти. Теперь я думал только о себе.

Во-первых, я решил сделать себе пистолет. Он будет моей свободой. Никто не посмеет больше унижить меня. Ни дяди, ни тети, ни мать. Я просто пристрелю их. Во-вторых, с помощью оружия я получу деньги. Просто приставлю дуло к виску какого-нибудь навороченного чувака и скажу — отдай. Если ему деньги окажутся дороже жизни, так зачем ему жить? Я прикончу его. А что мне оставалось делать? Я должен был вырваться на свободу или умереть.

Я начал действовать. После той ночи я перестал разговаривать вовсе, но сначала заявил им, что начинаю жить самостоятельно, и если они будут продолжать доставать меня, я выброшусь из окна, повешусь или вскрою себе вены. Они испугались. Конечно, поорали немного для понта, но все же отстали. Пер-

вый бой я выиграл. Теперь я спокойно мог приступить к главному делу — изготовлению пистолета.

Самым реальным вариантом было переделать стартовый пистолет под боевой. Про такой трюк я прослышал от Терки с пятого этажа. Он шароёбился с блатотой нашего района. Они там много чего мастерили — финки, кастеты, поджиги, ножи откидные. Их главарь отсидел на малолетке года три и понавез оттуда рецептов. Я мельком видел стартовую переделку. Главное, что барабан стартового точь-в-точь подходил под патроны малокалиберной винтовки, мы называли ее «мелкашка». Я стрелял из такой в школьном тире и спиздил полпачки патронов.

Вот это была история! Всю школу шмонали, но я успел заныкать добычу в вентиляционную трубу. Военрук сразу просек, чья это работа, и увел меня с собой в школьное бомбоубежище.

Он требовал вернуть пачку. Он выкручивал мне руки, сжимал своими клешнями мои яйца, но я просто молчал. Боль в яйцах — жуткая штука, но к ней можно притерпеться. Да боль — это вообще пустяк, если в тебе есть настоящая ненависть! Меня тошнило от одного вида этой помойной крысы. Он подсматривал за девчонками, когда те переодевались перед физкультурой, а перед нами, пацанами, корчил крутого мужика, который прошел Афган.

— Я друзей похоронил больше, чем прыщей на ваших наглых рожах! — орал он, расхаживая перед нами.

Короче, я чуть не обоссался от боли, но не издал ни звука. Потом он рассвирепел и начал наотмашь хлестать меня своими потными ладошками по лицу. Голова моя моталась из стороны в сторону, и на стенах оставались брызги крови. Он своротил мне нос. Я чуть не упал, пришлось пошире расставить ноги и напрячь все тело. Я стал, как резиновый. А он сломался. Обмяк всей тушей, распустил губы и заныл:

— Вовка, верни патроны, меня с работы уволят, пожалуйста...

Блядь, он мне надоел, и я просто ушел.

Итак, мне оставалось достать стартовый пистолет и вмонтировать в него дуло. Пистолет я присмотрел в магазине «Солдат удачи» — револьвер сигнальный ТОЗ-Ю1 — 199 рублей.

Каждый день я ходил в автосервис при кооперативных гаражах на окраине города мыть машины. Нас было трое — я и еще

двое братьев-близнецов. Не знаю, как их звали, они были глухонемые. Мне нравилось работать с этими чертями. Мы трудились молча. Драили машину за машиной. Вечером получали деньги, покупали по бутылке пива, чипсы, пачку сигарет. Жрали, пили, курили и расходились. Через неделю у меня в кармане была нужная сумма. Я пошел в магазин и купил пистолет. Оставалось дуло.

Под болванку я использовал ручку от разборной гантели. В нашей общаге когда-то был тренажерный зал. Все, что осталось от него — это гантели. Я забрал их.

Самое трудное было нарезать пулевой канал. Мне пришлось соорудить настоящий станок. Мой станок — это моя гордость. На чердаке я устроил мастерскую, там и нашел старые тисы и огромный письменный стол. Стол послужил станиной. На нем я установил тисы, вывел их по уровню и закрепил четырьмя болтами. Чтобы болванка не болталась в тисах, я выпилил в «губках» пазы. Потом на рынке у однорукого старика купил дрель и сконструировал для нее подвижной зажим. Установив сверло точно по центру болванки, я намертво закрепил дрель в зажиме. Я так увлекся, что решил снабдить свой станок системой охлаждения. Для этого я подвесил над тисами старый самовар и от его краника протянул к болванке виниловую трубку. Таких трубок у меня был целый склад: остались от капельниц после отца. Подвести к станку электричество было проще простого. Я срезал со старой стиральной машины шнур и подключился к выключателю.

Станок был готов, и я чувствовал себя хорошо. По этому поводу я даже устроил пирушку. Прикупил пива, палку копченой колбасы, земляничного рулет и отпраздновал. Я сидел на чердаке с набитым брюхом, курил сигареты и кайфовал. Подо мной гудела общага. Эти придурки ебали друг другу мозги, пилились в свои телевизоры, трендели о себе и о своем барахле и думали, что они самые умные, что они классно живут. А я мечтал, как я добуду денег, заберу сестренку и укачу куда-нибудь подальше. Я даже купил атлас, и не простой, а «Атлас офицера». Весь мир в подробностях. Я листал его часами и выбирал, куда бы мне податься. О других странах я не загадывал. Кто пропустит несовершеннолетнего через границу? И я по карте прошагал по всей

России: Северо-Запад РСФСР — самое паршивое место на земле. Я шел дальше. Мимо районов Ленинграда и Москвы, которые походили на гигантские паутины с бледно-розовыми пауками в центре, и к ним тянулось множество нитей. Я закрывал эти страницы. И попадал на Среднее и Нижнее Поволжье — Горький, Казань, Куйбышев, Саратов, Волгоград — такие же краснобрюхие кровопийцы, каждый со своей паутиной, в которой барахтаются полчища вонючих насекомых. Я шел дальше — Северный Кавказ, Полярный Урал... Мне нравилось море. Я там никогда не был, но видел по телеку. Много-много голубой воды, скалы, волны, белые корабли, дельфины... Но там шла война. Сам бы я повоевал. Это было бы, наверное, здорово: нас несколько человек, настоящих головорезов, которым все по хую. Много всякого оружия, классная военная одежда, жратва, курево. Мы пробираемся в тыл к таким же отморожкам. Двигаемся ночами, а днем забираемся в скалы или закапываемся в землю и спим. А потом будет бой, конечно, он будет кровавым. Мы будем убивать их, они будут убивать нас. Не знаю, кто победит. Может, мы просто перебьем друг друга. И все же это лучше, чем сидеть здесь и смотреть на всех этих трусливых и жадных уродов.

Но на Кавказ я не поеду, потому что хочу забрать Надюху — свою младшую сестру. Мать после смерти отца сбагрила ее его родичам. Они не хотели ее брать, тогда мать пригрозила, что сдаст их внученьку в детдом.

— Такого позора не будет, — сказала бабка и стала собирать Надюхины шмотки и оставшиеся от отца пожитки.

Она забрала даже старый дырявый горшок, на который Надюха давно не садилась. Она ненавидела мою мать. И я знал, что Надюхе там несладко. Нет, на Кавказ мы не поедem, и Полярный Урал нам не подходит. Я долго плутал по Алтаю и Кузбассу. Эта страница выделялась из всех остальных. В ней было больше коричневого цвета, чем белого и бледно-зеленого, а значит, и меньше бледно-розовых пауков и их нитей. А ниже Абакана и вовсе не было ни железных, ни каких других дорог. Только названия хребтов, вершин и цифры: Саянский хребет, Куртушибинский, Алашское нагорье, гора Кызыл-Тайга 3121, Шапшальский хребет, гора Менгулек 3488. Вот это места! Я силился представить себе эти горы и не мог. Я ничего не видел, кроме своей

ебаной общаги. И все же я перевернул эту страницу и оказался на Дальнем Востоке. Полуостров Камчатка выглядел, как край земли. Он был усеян вулканами. Суша спорила с океаном. И там жили люди. Я верил, что они совсем другие, чем здесь, в городе. Человек, который живет на краю земли, человек, который каждый день видит океан, не может такой человек трястись над дырявыми сральными горшками. Я не знал, доберемся ли мы когда-нибудь до океана, но я точно знал, что мы попробуем.

Я зажал болванку в тисы и включил дрель. Полезла кудрявая стружка. Я приоткрыл краник на самоваре, и на болванку побежала вода. Очень скоро она стала превращаться в пар. Сверло было короткое, и мне пришлось сверлить с двух сторон. Я боялся, что канал может получиться не совсем ровным. Но станок был выверен идеально, и все получилось отлично. Теперь нужно было шкуркой довести канал до точного диаметра и отшлифовать его. На это ушло несколько дней. У меня руки по локти стали черно-зелеными от металлической пыли и шлифовальной пасты, но дуло было готово. Пуля плотно садилась в канал. Я жалел, что не мог сделать нарезку, тогда бы пуля закручивалась и летела прямо, как стрела, и была бы точнее. Но это было не в моих силах.

«Хорх» — так я назвал свой пистолет, по марке немецкого автомобиля. Таких сейчас не выпускают. Я нашел фотографию этого автомобиля в журнале «Автомобили мира», вырезал ее и приклеил на стену. Они очень похожи — пистолет и автомобиль. Быстрые и свирепые, как хорек. Я срисовал эмблему машины и выбил ее из медной пластины, а потом приклепал к рукоятке пистолета. И еще я сшил для «Хорха» кобуру из кожаных голенщ. Их я срезал с сапог Валерьяна. Он был прапор и таскался к моей матери, пока его жена лежала в роддоме. Конечно, он понял, кто укоротил его сапоги, но испугался прижать меня.

— Как дела у тети Марины? — спросил я его утром.

Прапор сплюнул, подобрал свои прапорские «галюши» и вышел в холл в носках, а я пошел вываривать его голенища и кроить кобуру.

С тех пор мой «Хорх» всегда был со мной — под мышкой с левой стороны. Я появлялся с ним в самых опасных местах нашего района: на свалке, в городе гаражей, в промзоне. Пару раз

ко мне подступались шоблы малолеток. Они считали эти места своей территорией, а я ходил туда пристреливать свой «Хорх». Из пачки своего боезапаса я выделил десять патронов для тренировки. «Хорх» вел себя молодцом — с десяти шагов я отстреливал у бутылки горлышко.

— Эй, пацан, стойте! — орали они мне.

Я продолжал идти, держа руку за пазухой. Они настигали меня, рассчитывая позабавиться и чем-нибудь поживиться. Но мой «Хорх» одним блеском своего отшлифованного дула отбивал у них охоту приближаться ко мне.

— Ты труп, понял! Мы найдем тебя! — вопили они вслед.

Но подойти боялись.

Я отложил побег до весны. Во-первых, нужно было выцепить какого-нибудь жирного гуся. Мне не улыбалось собирать деньги по крохам. Я хотел сделать дело разом. Во-вторых, летом путешествовать легче — меньше шмоток и с ночевкой проще. На крайняк можно и на свежем воздухе перекантоваться.

Итак, у меня оставалось месяцев пять — в обрез. Мать с дядей Сашей продолжали бухать. На чердаке стало холодно, и мне приходилось ночевать в своей комнате. Иногда по ночам мать ломилась в мою дверь.

— Вовка, змееныш, ты будешь учиться?! — орала она.

— Ничего, в тюрьме его обучат, — бубнил дядя Саша.

— А ты заткнись, я с сыном разговариваю!

Я не отвечал. Я изучал «Атлас офицера». Снова и снова я проходил намеченный маршрут. Я заучивал города, станции, реки, леса, горы. Я фантазировал. Мне было все равно, что происходит за дверью.

— Ну, выродок, попробуй завтра не пойти в школу — убью!

В школе меня совсем забыли. Сначала приходили записки с требованием явиться родителям. Но время явки было слишком ранним для моей матери. И записки перестали приходить. Я приступил к осуществлению второго пункта моего плана — жирный гусь, или упакованный мэн, так их у нас в общаге называли.

Их ненавидели, боялись и завидовали им. Я выбрал себе одного. Мне он так понравился, что я убил бы его и не будь у него ни гроша. Он тащился от самого себя. Как он балдел от своего

тела! Ему нравилось все: как он ступает, как держит голову, как одето его тело, как оно пахнет. Он любовался своим отражением в витринах кафе, возле которого каждый день собиралась его шайка-лейка, в стеклах своего темно-синего БМВ. Он никогда не смотрел на того, с кем разговаривал, он отслеживал свое отражение. Он никогда не слушал того, с кем говорил, он упивался своими интонациями. Да я бы кончил его даром, но этого не потребовалось — у него бабки не переводились. На левом запястье у него висел кожаный кошелек, в него он складывал купюры. Он принимал бабки не в кафе, не в машине, а на детской площадке за нашей общагой.

Каждый день после шести часов вечера он выходил из кафе, которое находилось в здании соседней общаги, и осматривал свое отражение в витрине, затем подходил к своему БМВ, огибал его, наблюдая, как движется его двойник по идеальной поверхности автомобиля, и направлялся к детской площадке. В это время из припаркованных на другой стороне дороги двухтрех иномарок выпрыгивали хмыри размером помельче и спешили за основным. Собирались у раздолбанной качели. Мелкота начинала шелестеть купюрами и трендеть. Основной молчал. Бабки перекочевывали в его кожаный сейф. Потом основной произносил речь, а все слушали. Затем основной заканчивал и уходил. По пятам расходились и остальные. По субботам и воскресеньям площадка пустовала. Зато в понедельник кожаный сейф был набит до отказа. «Значит, в понедельник», — решил я. Теперь оставалось выбрать место.

У кафе не просчитывалось. Все время, пока цель перемещалась от площадки до БМВ, она была в поле зрения подельников. Оказаться в салоне БМВ раньше него я не мог. Меня могли засечь сидевшие в иномарках люди. Что ж, пришлось расширить сектор наблюдения. Я решил выяснить, куда он едет после заполнения сейфа. Задача не из легких. У меня не было даже велосипеда. Но я взял упорством, а не скоростью. Я замечал то место, где его автомобиль исчезал из поля моего зрения, и на следующий день поджидал его на этой позиции. И так далее. Мне повезло. Мой клиент был очень пунктуален, так, кажется, это называется. Через несколько дней я выяснил, куда он подруливает.

В тихий дворик, где находился тренажерный зал. «Место для строительства тела» — светилась вывеска над железной дверью. Я уже говорил, он обожал свое тело. Место было идеальное — проходной двор с небольшим сквериком в центре. Деревья высокие и ветвистые, значит, из противоположных окон будет трудно что-либо разглядеть. А окна первого этажа были наглухо задрапированы. Правда, в моем распоряжении было очень мало времени, потому что обычно совсем скоро после того, как во дворе объявлялся мой клиент, туда въезжал джип, за рулем которого сидела навороченная бикса.

Скорее всего, она жила в этом доме. Этот «строитель тела» специально толкся возле своей тачки, поджидая, когда она подъедет и выгрузит свою шикарную жопу. Он бил под нее клинья. Но судя по тому, как она воротила свой холеный нос, она считала, что он рылом не вышел, чтобы запустить его в свое стойло. А может, она доводила его до нужной кондиции, чтобы потом раскрутить на полную катушку. Бабы жаднее и поэтому гораздо хитрее мужиков, это я знаю точно.

Короче, я достал секундомер, выменял у одного пацана на бейсболку с надписью «ONYX». А бейсболку снял с одного чулды. Вообще-то, их было трое. Они стояли на остановке и трендели наперебой. Знаете, о чем они трещали? О том, кто и сколько из них угрохал монстров на своем компьютере. Разодеты они были, как клоуны. Рубашки, жилетки, куртки — все было в этих надписях. Их очумелые мамышки покупали это шмотье и сами любовались на своих придурков. И они считали себя крутыми. А я подошел и сорвал с одного эту кепку. Они все заткнулись и вылупились на меня. Что они могли сделать? Ведь у них не было под руками их джойстиков. И я был не монстр, а простой пацан в зачуханой одежде, который мог разбить рыло хоть одному, а хоть и всем скопом. Я сел в автобус и уехал, а они так и остались на остановке. В общем, секундомер был у меня, и я мог точно узнать, каким временем располагаю.

Чтобы свободно вести наблюдение и делать расчеты, я организовал настоящий маскарад. Во второй арке, через которую я рассчитывал смыться, стояли мусорные контейнеры. Я вырядился под бомжа — длиннющий замызганный плащ, вязаная шапка, вместо шарфа полотенце — в таком виде я

копался в мусоре, когда его БМВ останавливался возле железной двери.

Он выходил из машины и я запускал секундомер: вот он смотрит на часы, проворачивает свою печатку на безымянном пальце, отходит к багажнику, открывает его, смотрит на арку, оправляет ворот рубашки, одергивает штаны, склоняется к багажнику... Всё — во двор въезжает джип. Я останавливаю секундомер — 1 минута 43 секунды. Откидываем 30 секунд, которые мне были нужны, чтобы покинуть двор, переодеться и выскочить из-под арки. Остаются 1 минута 13 секунд — целая вечность, если завалить эту тушу с первого выстрела. Все же калибр у моего «Хорха» был мелковат. Порой, глядя на затылок своей жертвы, я думал, что свинцовые пульки будут просто отскакивать от него. Хорошо бы, для верности, попасть в висок, думал я, но стрелять из-под арки было очень неудобно, а если выйти, он заметит меня и повернется. Он осторожный волчара. Тогда я стал приучать его к своему присутствию. Я нарочито громко шуровал в контейнерах, нес всякую бредятину себе под нос, изображая ебанутого. Я такого видел на рынке, он бродил между ларьков и сам себя заводил. Он то восхищался собой, то просто ненавидел, и всегда сравнивал себя со всякими знаменитостями. «Я красивый! — кричал он, заливаясь слезами. — У меня борода как у Густава Вазы. В день летнего солнцестояния я вступлю на престол!» Его все так и называли — Ваза. Не знаю, кто это такой. Я выбрал себе для шизы Микки Мауса. Я перемещался со свистом, визжал и бесстрашно нырял в мусорный контейнер. Меня самого это прикалывало.

Первый день он давил на меня косяка, потом даже ржал, а потом привык. Я стал выскакивать из-под арки во двор к тележке, которую специально положил в том месте, откуда удобнее всего было стрелять. К телеге я привязал коробку, в которую нищий Микки складывал свою «добычу». Пара взглядов — и он успокоился. Итак, я должен был продырявить его черепушку, когда он открывал багажник — момент идеальный. Если с первого выстрела мне не удастся прикончить его, оставалось время подскочить (на ходу следовало взвести курок) и добить в упор.

Я тренировался, как заведенный. Меня охватывал восторг, когда я чувствовал, что тело мое становится совершенно по-

слушным. Я стервенел, изнуряя себя гимнастикой и упражнениями с «Хорхом». Мой мозг проигрывал все возможные непредвиденные ситуации и моментально находил выходы. У себя на чердаке я смоделировал место убийства и каждый день проверял все на практике. Те 103 секунды, отпущенные мне, стали для меня осязаемыми. Мне не нужны были часы, я чувствовал ход времени. Секунда к секунде.

И вот тот день наступил... Мощный, коротко стриженный затылок был прямо передо мной. Я нажал на курок, и «Хорх» привычно дернулся у меня в руках. Любитель своего тела ткнулся лбом в багажник БМВ и рухнул под колеса, точно так, как я это себе тысячу раз представлял. Я был уже над ним, приставил дуло к переносице и нажал еще раз. Глаза у него были открыты, и в них отражался весь колодец двора. Я спокойно снял с запястья пухлую сумочку, ощупал карманы и обнаружил под мышкой с левой стороны кобуру с настоящим пистолетом. И это я предвидел. У меня под плащом на груди висел маленький рюкзачок, оказавшись под аркой, я закинул в него добычу. Плащ и шапка полетели в контейнер, я выпрыгнул из сапог и натянул кроссовки, что были припрятаны тут же под ящиком. Когда я выскочил на улицу, меня невозможно было отличить от тысячи придурков, которые разгуливают по улицам города. Я шагал по выверенному маршруту, ел мороженое и не чувствовал ни радости, ни волнения, все это я уже пережил и оставил на чердаке, чтобы не мешали делу.

Новые ощущения возникли во мне, когда я добрался до дома, забрался на чердак и приступил к осмотру добычи. Первым я осмотрел пистолет. Это был «немец» — «вальтер». Вороненый, пахнувший смазкой, совершенно новенький с полной обоймой — девять золотистых «боровков». Он был тяжелее моего «Хорха», и за этой тяжестью чувствовалась превосходящая мощь. Я прошелся со своим новым оружием по чердаку. Пока мы были не одно целое. Мы присматривались друг к другу. Но я знал, мы подружимся. Я сделаю все, чтобы он повиновался мне.

Отложив «вальтер», я заглянул в сумочку. Покойник был аккуратный малый. И еще он знал толк в деньгах. Под каждую валюту у него был отведен свой отсек. Купюры расфасованы.

Сначала жирные лещи, потом поменьше, затем мелюзга. Преобладали доллары. Я стал богачом. Но это не главное. Главное — я стал сильным. Я стал независимым. Первый раз я почувствовал, что жить стоит. До этого где-то очень глубоко во мне сидел страх. Я постоянно думал об этих людях, которые окружали меня. Невольно я следил за ними. Меня воротило от них, но я был связан с ними. Связан своим страхом. Я боялся, что не смогу сражаться с ними. Сражаться и побеждать. Теперь я освободился от этого. Они исчезли, перестали существовать для меня как опасность.

Я вылез на крышу и почувствовал, что ночной воздух наполнился новым ароматом — пришла весна.

Утром я спустился к себе в блок. Пора было убираться из этой помойной ямы, и я зашел забрать свое свидетельство о рождении. Во внутреннем кармане моей куртки лежала целая пачка «деревянных». Я даже не считал — сколько, просто сунул в карман. Всю валюту и оружие спрятал на чердаке. Я решил съездить к Надюхе и устроить ей маленький праздник, а заодно раздобыть у бабки с дедом ее свидетельство о рождении. Потом я куплю нам билеты до Абакана на самый лучший поезд, самые лучшие места — и больше нас здесь никто не увидит. Никогда.

В блоке было тихо. Я подумал, что, наверное, мать со своим вечно твердым хуем уже рыщут возле гастронома или еще не очнулись с ночи, где-нибудь в другом блоке. Я прошел в свою комнату, нашел пакет, где лежали разные бумаги: какие-то квитанции, справки, медицинские карты, рецепты, фотографии, свидетельство о браке, свидетельство о смерти отца и, наконец, мое свидетельство о рождении. Я уже собрался уходить, когда услышал стоны. Я вышел в коридор и заглянул в открытую дверь, ведущую в душевую. Мать лежала на полу и пыталась дотянуться до крана. Она не могла подняться. Старый потрепанный халат распахнулся — под ним ничего не было. Все ее дряблое, усеянное синяками, ссадинами и кровоподтеками тело тряслось. Ляжки между ног почти до самых колен были в крови. Наконец она ухватила за кран, подтянулась и поднялась на колени. Лицо ее было серое, как пыль, а огромное брюхо ослепительно белое. Я никогда не видел ее такой жалкой, больной и беспомощной. Блядь, я опять почувствовал, что за мной охотит-

ся страх. Нужно было уйти, но я стоял, как прикованный. И тут она увидела меня. Наши взгляды столкнулись.

— Вовка... — еле-еле разодрала она слипшиеся губы, — уйди...

— Что с тобой? — спросил я, и мне понравилось, как прозвучал мой голос — спокойно, как в пустоту.

Она попыталась заорать, но поняла, что это бесполезно.

— Пожалуйста, уйди... — прошептала она и отвернулась.

Я вытащил из кармана несколько купюр (это были пятисотки) и бросил их на стул. Потом сразу же вышел.

Я гордился собой. Я поверил, что теперь-то уж окончательно победил свой страх. Теперь я был понастоящему неуязвим. Даже без «Хорха» под мышкой я чувствовал себя спокойно и уверенно.

Полдня я бродил по магазинам, выбирая Надюхе подарок. Мне хотелось по-настоящему обрадовать ее. Но я ничего не понимаю в этих вещах. К тому же, я не видел ее четыре года.

Когда ее увозили от нас, она ни плакала, ни радовалась. Она вообще была очень тихой. Ревела, только когда ее ругала или била мать. «Недотравленная» — все ее называли. Мать не хотела рожать. Отец уже загибался, денег на аборт не было. Да она и не искала. Стала в водку йод капать, а потом пьяная под горячий душ лазала. Несколько раз сознание теряла. Я с пацанами ее вытаскивал. Потом, когда уже пузо стало расти, какая-то баба ей уколы и капельницы ставила и заставляла шифоньер двигать по комнате.

Но Надюха живучая оказалась, не выкурили ее эти очумелые бляди. Только вот родилась она, как старая, маленькая такая, грудная старушка. Она и говорить-то начинать не хотела, до четырех лет молчала. Но однажды сказала целую речь — два предложения. Я запомнил их.

Это было примерно с месяц после того, как ее бабка забрала. Мать послала меня как бы навестить сестренку и велела, чтобы я выклянчил у деда картошки, сала, яиц, ну, короче, чего дадут. У нас-то совсем ничего жрать не было. Я поехал, только знал, что ничего просить не буду, просто хотелось Надюху проведать.

Отцовские родичи меня своим внуком не считали. Они говорили, что мать наебала отца, нагуляла меня, а его женила и потом сгубила. Я думаю, что они правы. Да я бы не хотел иметь

такого отца, каким был их сынок. И тем более таких бабу с дедом, которые извелись из-за своей жадности и кроме своих свиней и жратвы ни о чем и думать не могли. Я их не признавал взаимно. Я даже не смотрел на них, когда приходилось с ними базарить. Делал вид, что потолок разглядываю. А они меня психом считали и боялись, что я их дом сожгу. Умора. И тогда испугались, когда я впервые нагрянул. Выстроились у ворот, как перед штыковой атакой.

— Чего надо? — говорят.

Я сел на скамейку, курю спокойно, сплевываю.

— Надюху, — говорю, — позовите. Мать гостинцев прислала.

Побухтели, побухтели, погундели, пошамкали, как две жопы, потом все же вывели Надюху. Я посадил ее рядом, конфет дал, жвачек и «Барби», которую в школе спиздил у одной дуры. Да у нее уже сиськи вылезли с две боксерские перчатки, а она с куклами возилась. Надюха долго смотрела на куклу, пальчиком трогала ее платье и вдруг сказала:

— Воздушные шарики к людям ниточками привязаны. А когда ниточки рвутся, шарики убегают на небо.

Вот что сказала моя четырехлетняя сестренка, а этим свинопасам уже сто лет на двоих, а они кроме грудинки, рульки да требухи ничего и не знают.

Я вспомнил все это и решил купить Надюхе целую связку воздушных шаров. Поехал в парк отдыха, там у самого входа всегда мужик с баллоном стоит и разные шары надувает. Я заказал сначала сто штук, а потом подумал, как же я их довезу, и сбавил до пятидесяти. Ребята клевые попались, за полчаса мне такой букет соорудили, да еще фургончик поймали и договорились, чтобы меня прямо на место доставили. И я покатил к Надюхе. Здорово было ехать, особенно когда за город выехали. Я даже решил, что автостопом лучше путешествовать, свободней. Понравились места, можно выйти прогуляться, отдохнуть. Вот только водила попался напряжный, все вынюхивал, что это я делаю. Увидел, как я за шары расплачиваюсь, так у него у самого шары на лоб полезли. Допытываться стал, кто родители, чем занимаются. Я говорю, отец в тюрьме очередную ходку тянет, а мать пока за него общак держит. Он сразу язык в жопу заткнул.

Приехал, во двор заходить не стал, у них там пес на говно исходил. Я привязал подарок к скамейке, присел рядом и закурил. Все равно, думаю, выйдут. И точно, слышу, запорами задвигали, высунулись. Вытаращились.

— Надюху позовите. Мать гостинцев прислала.

Молчат. Переглядываются.

— Не выйдет Надюха! — заорала старуха.

— Ладно, — прикрикнул на нее дед, — иди в дом, собаку уйми.

Ушла. Дед был какой-то странный, вроде смутился, что ли. Я решил не конфликтовать, как-то нужно было добывать свидетельство о рождении.

— Мать пособие получила, и я подрабатываю, — серьезно начал я, — вот, скопили ей на обнову какую-нибудь. — Вытянул из кармана пятисотку.

Дед присел рядом, вытянул папироску, засмолил. Я понял, что здесь что-то неладное. Раз он никак не прореагировал на деньги, значит, дело серьезное.

— Где она? — спросил я.

— В доме... Покуда...

— Покуда чего?

— Ничего. Болеет она...

Я достал еще одну пятисотку.

— На лекарство.

Дед подозрительно посмотрел на меня. Я понял, о чем он подумал.

— Ладно, дед, я уже не мальчик. Что с Надюхой?

— Эх-ма... — поднялся старик, — ну, пошли.

Мы зашли во двор. Старуха загнала пса в сарай и теперь придерживала дверцу. Лайка просунула пасть в щель и в ярости грызла порожек.

Мы прошли в сени, заваленные кастрюлями, тазами, ведрами. От плиты валил пар, воняло разваренным картофелем и хлебом. Зашли в дом, там та же картина, только пар валил от печи. Дед прошел к маленькой дверце и откинул задвижку. Это был чуланчик. Маленький, квадратный, без окон с одной лампочкой. На полу было расстелено старое ватное одеяло. На одеяле сидела длинная, худая девчонка в колготках и майке, платье валялось рядом. Девчонка раздирала материю на одеяле и пыталась

выдрать ватин. Потом она посмотрела на нас. Это была Надюха. Слюни и сопли стекали на подбородок, глаза были припухшие и совершенно мутные.

— Ее нельзя одну оставлять в большой комнате, — заговорил дед, — или поранится, или проглотит чего. Один раз током ударило, кризис был целную неделю, буйничала.

Я охуел. Я ничего не понимал. Я чувствовал, что сейчас произойдет самое страшное. И я побежал. Не помню, куда я бежал, сколько, только когда ноги мои подкосились, я привалился к какому-то забору и чуть не захлебнулся в собственной блевотине. Потом сознание стало возвращаться ко мне, и я почувствовал страшную боль в башке, будто мне ее в тиски зажали. Я встал и побрел вдоль забора. Было еще светло, я вышел на улицу и спросил у тетки, которая набирала воду из колонки, где магазин. Потом я купил себе водки, залез в кусты возле железнодорожной станции. Раньше я ничего, кроме пива, не пил. Оно расслабляло. Я сорвал пробку и, когда почуял запах, я все понял. Я понял, что попался. Я был весь во власти страха. Меня обуял ужас. Если я сейчас сделаю хоть один глоток, значит, я такой же, как они все — моя мать, отец, дядя Саша. Я вскочил и расхуярил бутылку о край платформы. Наверное, у меня на время сорвало башню. Я ничего не соображал. То бежал куда-то, то валялся в кустах и выл. Как я оказался в городе, не понимаю. Но я четко помню, что решил их всех убить.

Я поднялся на верхний этаж, но, открыв люк на чердак, почувствовал, что здесь кто-то побывал. Воняло пылью. Я прислушался — тихо. Я влез и встал в темноте. Оставалось протянуть руку и включить свет. Я потянулся, и в тот же миг почувствовал, что рядом кто-то есть. Я хотел прыгнуть в люк, но он схватил меня за руку и выкрутил. Я рухнул на колени.

— Включай.

Вспыхнул свет. Надо мной стоял дядя Саша. У выключателя мать. Все вокруг было разворочено. Мой станок перевернут.

— Где деньги, Вовка? — шепотом заговорил дядя Саша и стал шарить у меня по карманам.

Я посмотрел на мать. Она была пьяная и напуганная.

Дядя Саша выдернул у меня из кармана оставшиеся купюры. Руки у него тряслись.

— Ебическая сила! — уставился он на бабки и отпустил мою руку. — Ты это... Показывал кому?

— Это не все, — сказал я.

— Что? — он совсем очумел.

Я поднялся, отошел к вентиляционной трубе и просунул руку между ней и стеной.

— Самodelку свою ищешь? — услышал я голос дяди Саши и повернулся.

«Хорх» был в его руках.

— Деньги давай! — зашипел этот скунс, изображая грозного змея.

— Какие деньги? — усмехнулся я.

Он подскочил ко мне и схватил за глотку.

— Ты что, в тюрьму захотел, да?

Я вьебал ему кулаком по яйцам. Но он стерпел и чуть не передал мне глотку. В глазах у меня потемнело.

— Убью, гаденыш! Где деньги?

Я задышался, и чуял его смердящее дыхание.

Собравшись, я попытался пнуть его в колено. Он ударил меня по морде. Я отлетел к стене и разыграл отключку.

— Не бей его, — сказала мать. — Я у него больше и не видела.

— Заткнись! — рявкнул дядя Саша. — Курить дай.

— Пошел на хуй! — ответила мать.

Мне нужно было перебраться к противоположной стене, где стоял ящик с песком. Выхода не было. Я резко вскочил и бросился на этого буйвола. Элемент неожиданности сработал. Я протаранил его за собой и ударил об ящик. Он завопил и стал избивать меня наотмашь. Я упал и пополз к стене. Он стал орудовать ногами. Я услышал, как завопила мать, она набросилась на него сзади. Он переключился на нее. «Вальтер» был у меня в руках. Я повернулся, привалился к стене, вытянул правую руку, подпер ее левой, попробовал прицелиться, руки ходили ходуном. Я резко выдохнул весь воздух, задержал дыхание и выстрелил.

Блядь! Пуля снесла ему ухо. Он схватился за голову, повалился на пол и завертелся, как червяк. Я встал и двинулся на него, держа «вальтер» перед собой. Мать невыносимо громко орала. Я прицелился и нажал на курок. Пуля легла точно в цель — между ног. Дядя Саша выгнулся, замер на мгновение и забился в

судорогах. Мать поползла к люку. Я подошел к окровавленной туше. Он был еще жив и смотрел на меня. В глазах него было изумление. Эта идиотская гримаса рассмешила меня. Что его так удивило? То, что есть смерть? По-моему, я выстрелил ему в рот.

Потом я сидел напротив люка и слушал, как внизу гудела толпа. Сунуться на чердак они боялись. Заставили мать уговаривать меня выбросить вниз оружие. Она истерично орала:

— Сынок! Сынок, послушай маму!

Блядь! Как они мне надоели. Я выстрелил в люк. Внизу при молкли. Я взял «Хорх» в левую руку, «вальтер» в правую и закрыл глаза. Мне хотелось спать. Думал ли я о том, что мне делать? Нет. Бежать бесполезно. Они были уже на крыше. Они уже проникли на чердак и притаились за вентиляционными трубами. Я уже был на мушке.

Думал ли я о том, чтобы пристрелить себя? Думал, но мне не понравилась эта идея. Я представил себе, как буду лежать рядом с этой падалью, как будет голосить мать, как все будут пялиться на трупы и в душе радоваться, что удалось поглазеть на нечто необычное. И, что самое противное, все будут думать, что так оно и должно быть.

Я резко встал и прыгнул в люк. Я летел и стрелял. Я разрядил «вальтер», еще не успев приземлиться. Они были в панике. Я спокойно пошел на них. Я знал, они не убьют меня. И я выиграл. Да, я победил, потому что они испугались. Они стали беспорядочно палить в меня, а я просто шел и хохотал. Они стреляли почти в упор, но их пули, как и их ошалевший страх, метались по лестничной площадке, рикошета от бетонного пола и сбивая штукатурку со стен. Одна ударила мне в правое плечо, и я упал. Я лежал и смотрел на маленькое окошечко под самым потолком. Стекло было грязное и почти не пропускало света. Я поднял «Хорх» и нажал на курок. Стекло осыпалось. В окошке появилось бледное небо. Скоро рассвет, успел подумать я, и на меня навалились.

Но все это ерунда. Самое интересное, что я ни о чем не жалею. Потому что если бы всего этого не случилось, я бы так ничего и не понял. Не знаю, что со мной будет дальше, но я знаю, что жить здорово. Пусть даже если заставляет тебя жить ненависть. Но ведь все может измениться.

Когда меня загрузили в скорую помощь, привязали к носилкам и сделали укол, я улетел. У меня перед глазами все время стояло то разбитое окошко и за ним бледное небо. И я полетел в него. И мне стало легко. И еще чуточку смешно. Не так, как я смеялся раньше, а, знаете, весело. И потом я все время думал о Надюхе. Я уже не боялся ее. Да, я уверен, что она не ебанутая. Она просто не любила их, она не хотела с ними жить. А ведь со мной она даже разговаривала. Помните: «Воздушные шарики к людям ниточками привязаны. А когда ниточки рвутся, шарики убегают на небо». Вот и мы с ней, как воздушные шарики. Нам бы ниточки оборвать, и мы полетели бы себе... Полетели... Я не знаю, но мне не хочется подыхать. Ладно, всё, хватит на этом.

Виктор Мартинович

КАРЬЕРА ДОКТОРА РАУСА

пьеса в трех актах

ПЕРЕВОД С БЕЛОРУССКОГО С СОКРАЩЕНИЯМИ

АКТ ПЕРВЫЙ

Сцена первая

Отдел маркетинга корпорации Якуба Бабича. За офисным столом сидит Старший менеджер отдела. Перед ним, в нервной позе посетителя, Доктор. На столе у Менеджера — стопка бумаг. За спиной у Доктора — флип-чарт. На заднике сцены светом выведены цифры 1515. Менеджер что-то пишет карандашом, потом откладывает записи и устало поднимает голову, смотрит на Доктора.

Менеджер. Так. Идем дальше. Следующий. Кто следующий? Имя.

Доктор. Франак.

Менеджер. Фамилия.

Доктор. Скорина.

Менеджер. Помню такого, сейчас найду CV. И почему я этим занимаюсь? Почему не эйчары? Что за жизнь? Шесть минут до перерыва на обед! Какое, кстати, предыдущее место работы?

Доктор. Я временно безработный.

Менеджер. Тунеядец, значит.

Находит CV Доктора, просматривает.

Менеджер. Что тут у нас? Лишь бы что тут у нас. Краковский университет, liberal arts. Придумают же — liberal arts! Гуманитарий, короче. Не удивительно, что сидите без работы. Хм. Дальше. Падуя. Доктор медицины. Совсем весело. И что, вы мне скажите, уважаемый Франциск Лукич, вы собираетесь делать в нашей корпорации? Якуб Петрович Бабиц ни фармацевтикой, ни философией не занимается. На какую позицию вы претендуете?

Доктор. Тут, наверное, какая-то ошибка. Я потому и попросил о встрече с представителем вашего уважаемого отдела, что не трудоустроиваться пришел. У меня другое предложение.

Менеджер. И какое же?

Доктор. Вот, смотрите.

Доктор достает книгу и осторожно подает Менеджеру. Книга сделана из листов, которые склеены вручную и обернуты отрезом кожи.

Доктор. Видели такое?

Менеджер осторожно листает книгу. Потом шелестит ей, быстро перелистывая страницы, будто музыкальным инструментом. Он пытается понять, как пользоваться книгой, но не понимает ее назначение.

Менеджер. Так! Видел! Много раз! Телевизор называется, да?

Доктор. Нет, не телевизор. Это — гаджет для чтения. Ну вот как вы сейчас мое CV читали...

Менеджер открывает книгу и начинает с умным видом листать страницы.

Доктор. Смотрите. Во всем вашем офисе нет ни одной такой. Нет?

Менеджер. Нет.

Доктор. Потому что это очень дорого.

Менеджер. И потому что нам это не нужно.

Доктор. Но и очень дорого. Чтобы переписать один экземпляр, скриптор работает от шести месяцев до года. Отсюда и цены.

Менеджер. Ну и не нужно.

Доктор. Но один немец изобрел способ не переписывать, а оттискивать тексты. Как вино. Быстро. Дешево. Для всех.

Менеджер. Но оно же не нужно!

Доктор. Не нужно, потому что дорого!

Менеджер. Не нужно, потому что не нужно!

Доктор. А вы попробуйте!

Менеджер открывает книгу и начинает произносить вслух записанный в ней текст. Это отрывок 7-й главы «Похвалы глупости» Эразма Роттердамского: *Nomen igitur habetis: Viri, Quid addam epitheti? Quid nisi stultissimi? Nam quo alio honestiore cognomine Mystas suos compellet Dea STULTITIA? Sed quoniam non perinde multis notum est, quo genere prognata sim, id iam Musis bene iuvantibus exponere....*

Менеджер (*резко закрывает книгу*). И что, вы думаете, наши люди будут читать на латыни?

Доктор. Они будут читать по-нашему. На нашем языке.

Менеджер. На нашем языке?

Доктор. Да, нашем. На том, на котором мы сейчас говорим.

Менеджер. И что это за язык?

Доктор задумывается.

Доктор. Русский.

Менеджер. Русский?

Доктор. Очевидно. Русский. И читать они будут по-русски.

Менеджер (*задумчиво*). В этом что-то есть. Я думаю, мы можем взять на реализацию в сеть наших гипермаркетов шесть. Нет, даже семь. Или, сколько вы сказали, у вас их имеется?

Доктор. Тут проблема.

Менеджер. Какая?

Доктор. Книги еще не напечатаны. То есть все готово, я перевел с чешского текст, изданный в Венеции...

Менеджер (*перебивает*). То есть вы пришли сюда не сдавать товар на реализацию?

Доктор. Нет.

Менеджер. И не устраиваться в нашу торговую сеть?

Доктор. Тоже нет.

Менеджер. Тогда чего вы от меня хотите?

Доктор. Понимаете, вот этот гаджет (*берет книгу*) изменит мир. Представьте себе, что читать сможет каждый. Каждый! Представьте себе, что книга станет настолько дешевой, что ее можно будет подарить на день рождения или просто оставить на полке в таверне, взяв взамен другую, и никто не будет против.

Менеджер. И что?

Доктор. Представьте себе пространство, в котором тексты перемещаются без задержек, и ты в любой момент можешь прочитать любой из них. Мудрость человечества станет умножаться, а не храниться, как сейчас, в библиотеках, куда доступ имеют единицы!

Менеджер (*устало*). И что?

Доктор. Вот это (*доктор поднимает книгу*) — будущее.

Менеджер. Дорогой мой, шесть минут назад у меня оставалось шесть минут до обеда!

Доктор. Будущее, в котором люди начнут не только переписывать, но и придумывать тексты! И не такие, которые распространяет любимый нами Desiderius Erasmus, не воспитательные кодексы и не комментарии к Святому Писанию, а тексты про нашу жизнь! Как делали древние греки! Как Гомер! Только про сегодня! Про сегодня на нашем русском языке! Появится новый вид текстов — художественная литератур-истика! (*Доктор с трудом произносит это слово.*)

Менеджер. А от меня-то вы чего хотите? Мечтателям не место в отделе маркетинга корпорации его благородия Якуба Петровича Бабича!

Доктор. Помогите мне.

Менеджер. А, так вы пришли за инвестициями?

Доктор. Да, я пришел за деньгами. Вкладывать в технологии выгоднее, чем в ретейл или девелопинг. В Италии я познакомился с одним юношей, Петром из Ареццо. Он изобрел

новый вид исповеди — когда ты рассказываешь не про свои грехи, а про чужие. И рассказываешь про них не святому отцу, а всему свету. Представляете, сколько власть имеющих заплатят Петру за молчание? Представляете, как озолотится Петр, если совместить идею такой исповеди с устройством, которое будет печатать тексты?

Менеджер. Господин Доктор намерен заняться шантажом?

Доктор (*с нажимом*). Если бы я хотел заняться шантажом, я бы начинал разговор с состоятельными людьми с примеров того, как корпорации кредитуют государство, а взамен получают корчмы, таверны и доли в налоговых сборах. Но, разумеется, наше отличие от Италии — в том, что тут весь свет и так знает про грехи своих властителей. И потому нет никакой необходимости в таких публичных разоблачениях. У меня другая задача. Мне не деньги нужны. Не богатство. Не дом. Я хочу, чтобы сбылась моя мечта. Чтобы вот это (*он указывает на книгу*) осуществилось.

Менеджер. И на каких условиях вы предлагаете вход в ваш проект? У вас есть инвестиционный план?

Доктор. Я буду с вами откровенен. И скажу просто. «Инвестиции» — это слишком оптимистичная формулировка в данной ситуации. Потому что скоро вернуть свои деньги вам не удастся. Я бы использовал тут слово «меценатство».

Менеджер. Меце что?

Доктор. Меценатство. Это когда состоятельный человек дает деньги просто так. Не надеясь, что они вернуться.

Менеджер. И в чем тогда смысл?

Доктор (*вздыхнув, устало*). Понимаете, в этом (*кивает на книгу*) — будущее. Представьте себе пространство, в котором тексты перемещаются без задержек, и ты в любой момент можешь прочитать любой из них. Мудрость человечества станет приумножаться, а не храниться, как сейчас, в библиотеках, куда доступ имеют единицы...

Менеджер. Так, хватит. Человеческим языком объясни. Зачем нашему хозяину Якубу Петровичу Бабичу давать тебе деньги?

Доктор снова вздыхает, но видно, что он готов к такому повороту. Он подходит к флип-чарту и прикрепляет к нему большую, на весь размер доски, иллюстрацию. Это эскиз гравюры из книг «Исус Сирахов», «Царства», «Бытие», самого известного портрета Франциска Скорины. Пластина, которую держит в руках лев, слева от головы изображенного человека, — чистая. Все остальное в портрете совпадает с оригиналом.

Доктор (таким тоном, будто повторял это уже множество раз). На данный момент уже выкуплен рекламный носитель у правого уха портретируемого (Доктор обводит перечеркнутую накрест трапецию на правой пластине лазерной указкой). Также обозначены места для подписи дизайнера (он указывает на буквы МЗ в нижнем левом угле иллюстрации). Но мы можем вам предложить левый львиный картуш, он пока не занят, но предложения мы уже получили. (Указка останавливается на свободной левой пластине.)

Левый львиный картуш — рекламная плоскость категории делюкс. Как вы видите, она размещается на колонне, капитель которой наш художник украсил тремя мраморными шарами. Голова фигуры на портрете повернута к этому картушу, лицо приветливо смотрит в его сторону, что способствует созданию позитивного перцептивного прочтения размещенного на ней образа потенциальными потребителями.

Доктор подходит к столу, берет листок, пишет на нем цифры и протягивает Менеджеру.

Менеджер. Ничего себе. И все, что мы получим, — это вот эта жестянка?

Доктор. Жестянка воссияет в вечности.

Менеджер. А что если мы вместо нее приобретем центральную позицию, вот тут, где сейчас это волосатое солнце? (он указывает на символ Скорины, выгодно расположенный под книгой).

Доктор. Эта позиция не продается. Это Солнцелуние, эмблема издателя. Венецианец Альд Мануций размещает на своих книгах дельфина, а я — Солнцелуние.

Менеджер. Почему ты ставишь себя выше тех, у кого просишь денег?

Доктор. Как раз таки не выше. Картуши — в головах, а мой символ — в ногах.

Менеджер. Нам нужно все перечитать и обдумать. А сколько показов будет на этой плоскости?

Доктор. В каком смысле «показов»?

Менеджер задумывается. Видно, что он не до конца понимает, как это все будет работать.

Менеджер. Так, нужно это осмыслить. Мы с вами свяжемся. На всякий случай подготовьте power point-презентацию вашего проекта на восемь с половиной минут.

<...>

Сцена третья

Интерьер типографии. На стене — число 1517. Рядом с печатным станком, который напоминает деревянную кровать с торчащей из него кукой. На столе лежит небольшая наборная касса — плоский ящик с ячейками, в которых мелкие буквы. Над станком на льняном шнуре подвешены отдельные страницы. Это отпечатанные с одной стороны пробники, которые сушатся перед печатью на второй стороне листа. У кассы — пустой набор, который напоминает стиральную доску, только меньшую по размеру, а строки под буквы не металлические, а деревянные. За столом сидит Доктор, напротив него — Скриптор. Рядом со Скриптором — несколько больших свертков, в них — образцы рукописных шрифтов. Доктор ведет рекрутинговое интервью со Скриптором.

Доктор. Так вы сами местный, из Праги?

Скриптор. Родился тут, стажировался в Манасии у братьев-бенедиктинцев в аббатстве Сито, потом вернулся в Прагу и окончательно обустроился в Брженове.

Менеджер. Опыт в книжной индустрии большой?

Скриптор. Занимаюсь переписыванием текстов всю свою жизнь, как себя помню.

Доктор. Что умеете?

Скриптор. Могу рустику, могу квадратуру, могу унциал.

Скриптор разворачивает сверток и демонстрирует свое портфолио.

Скриптор. В Сито очень хвалили мой минускул, посмотрите, какая работа! А вот курсива, видите, будто чернильный дождь на бумагу пролился. А что мы будем переписывать?

Доктор. Книги.

Доктор кивает на страницы, которые сушатся над станком. Скриптор снова разворачивает большой, формата А2, сверток со своим портфолио и говорит: «Вот это — книга!»

Доктор. Нет, не такого типа.

Доктор достает самодельный экземпляр, который когда-то демонстрировал в отделе маркетинга корпорации Якуба Бабица.

Скриптор. Ага! Значит, не книги, а кодексы!

Доктор. Кодексы, да. Никак не запомню разницу. И почему у меня такое ощущение, что это не я вас трудоутраиваю, а вы меня?

Скриптор. Книга — это когда один лист. А когда несколько сшито — это кодекс! И что вы хотите, чтобы я вам написал на пробу?

Доктор. Напишите, пожалуйста, слово «катехизис».

Скриптор достает походную чернильницу, перо и готовится писать.

Доктор. Только напишите, пожалуйста, его из этих литер (*он протягивает Скриптору наборную кассу*) и вот тут (*он подает собеседнику пустой набор*). Сделайте это так, будто этот ящик (*трясет пустым набором*) — лист бумаги.

Скриптор недоверчиво берет в руки наборную кассу, всматривается в нее, достает оттуда один из значков, держит в руке несколько секунд, и внезапно бросает кассу на стол, а сам резко вскакивает, с грохотом роняя кресло, на котором сидел. Все это время Доктор монотонно повторяет: «Спокойно! Будьте добры, спокойно!»

С к р и п т о р . Что это?

Д о к т о р . Где?

С к р и п т о р . Вон там, в ящике, меленькое? Металлическое?

Д о к т о р . Это буквы.

С к р и п т о р . Буквы — это то, что пишут.

Д о к т о р . Буквы — это то, что передает звуки.

Скриптор неуверенно подходит к столу, прикасается пальцем к брошенной на его поверхность литере. Потом опускает кисть в наборную кассу и трогает сложенные в нее металлические значки.

С к р и п т о р (*зачарованно*). Первый раз прикасаюсь к языку. Кто это сделал? Я уверен, что человек не может разложить слова на части и бросить их в обычный ящик. Это не в человеческих силах. Это не человеческое. Это...

Д о к т о р . Может. Если человек может перенести изображение дерева на бумагу, почему другой человек не может перенести на бумагу язык и положить его в коробку?

С к р и п т о р . Наваждение какое-то!

Д о к т о р . Успокойтесь. Я сейчас объясню вам, как это работает. Эти буквы по моему заказу и с Божьего благословения изготовили мастера в Венеции. Мы берем их и складываем в строки, видите? (*Доктор помещает несколько букв в пазухи наборной рамы.*) Потом перевязываем шнуром, чтобы не рассыпались, вот так (*делает несколько мотков шпагатом вокруг набора*), несем сюда (*делает несколько шагов к станку*), отжимаем куку, снимаем тигель, кладем бумагу на тимпан, накрываем ее фрашкетом, чтобы потом добавить цветную буквицу, закрепляем иголочками вот тут и тут, накрываем сверху набором, покрытым краской. Потом выжимаем куку — и имеем отпечатанную страницу с необходимым нам текстом!

Скриптор смотрит на все это с недоверием.

С к р и п т о р . И что, слово «Ангел» и «Лен» складываются у вас из одних и тех же знаков?

Д о к т о р . Именно так, дорогой мой!

С к р и п т о р . И эти литеры абсолютно одинаковые?

Д о к т о р . А я про что говорю!

С к р и п т о р . Так это ж страшное кощунство! Как вы можете! Это же разные слова! Лен и Ангел! Гореть вашему бесславному скрипторию в адском огне!

Д о к т о р . Спокойно! Спокойно! Таким, возможно, необычным способом мы делаем христианское дело! Вот, посмотрите!

Доктор снимает одну из страниц, которые сушатся над станком, и протягивает ее Скриптору.

Д о к т о р . Это пока пробник, просто чтобы вы представляли...

С к р и п т о р (*читает*). Библия — дивная река! Она бывает мелкой, и даже овечка может перейти! Но одновременно и глубокой, когда и слон вынужден плыть через нее! В этой книге — начало и конец всей существующей мудрости, потому что только через нее можно постичь Господа-вседержителя! В этой книге — все законы и права, которыми пользуются люди в земной жизни! В этой книге — все лекарства душевные и телесные вместе найдете! Тут — наставление философии добронравное: как Бога любить для себя самого и для ближнего своего! Тут — дело всякого собрания людского и города, которые через веру, милость и согласие добро приумножают. Тут — полное научение семи вольным наукам!

Д о к т о р . Вот видите, как хорошо! Это я сам написал! До конца года мы издадим четыре книги «Старого Завета»: «Псалтырь», «Иов», «Соломоновы притчи» и «Иисус Сирахов».

Скриптор задумывается. Он сомневается, не может решить, стоит ли ввязываться в это сомнительное занятие.

С к р и п т о р . Читается как-то слишком просто.

Д о к т о р . А я о чем! Из-за того, что все буквы одинаковые, отлитые с матриц, глаз быстрее распознает написанное.

С к р и п т о р . Читается хорошо, и это, конечно, плохо.

Д о к т о р . Почему же плохо?

С к р и п т о р . Чтение должно быть медленным, неторопливым, чтобы слушающие успевали понять, что произносит чтец. Таким письмо было издревле, с момента изобретения грамоты. А у вас глазу не обо что споткнуться, все мягко, как салом смазано. Глаза можно вывихнуть, так они и скользят по предложениям. И эта скорость! Того и гляди, люди вообще языком за глазами успевать не будут. И начнут читать молча! Молча! Читать!

И к тому же: что это за мир, в котором «Ангел» и «Лен» написаны одинаковым шрифтом? Где все букочки одна от другой не отличаются. Это же не Божий мир! Это какая-то (*задумывается, округляет глаза*) тоталитарная унификация!

Д о к т о р . Послушайте, попробуйте посмотреть на это шире. Мы живем в новую эпоху, скоро даже одежду будут ткать на станках, а не руками. Никакого подвоха тут нет!

Видно, что скриптор продолжает колебаться. Он снова берет в руки одну из букв со стола и подносит к глазам.

С к р и п т о р . Получается, чтобы эта «буки» оставила на бумаге оттиск «б», нужно, чтобы в этой рамочке — он кивает на пустой набор, — она была перевернута слева направо.

Д о к т о р . Именно так! Чтобы отпечаток получился правильный, он должен быть зеркальным отражением оригинального текста.

Скриптор снова отскакивает от стола и начинает быстро-быстро креститься.

С к р и п т о р . Вы переписываете святую Библию задом наперед!

Д о к т о р . Спокойно! Не дрожите так! Это просто технологический процесс!

С к р и п т о р . Говорили нам в костеле про язычников, которые увечат слово Божье под диктовку Вельзевула, переворачивая его шиворот-навыворот! Но не ожидал я, что опорочу свою душу визитом в их проклятый склеп. Изверги! Божья кара настигнет вас!

Скриптор выбегает из типографии.

Д о к т о р . В следующий раз надо попробовать рекрутировать кого-то без опыта работы в издательской индустрии.

Сцена 4

Кабинет проректора по воспитательной работе Краковского Университета. Кабинет обставлен почти так же, как помещение в офисе Якуба Бабича. За офисным столом сидит П р о р е к т о р . Перед ним, в нервной позе посетителя, Доктор. У ног Доктора — огромная клетчатая сумка типа тех, что используются мелкими предпринимателями-«челноками». На столе Проректора — стопка бумаги. За спиной у Доктора — флип-чарт. На заднике сцены — дата 1520. Проректор что-то пишет карандашом, потом откладывает записи и устало поднимает голову на Доктора.

П р о р е к т о р . Так. Идем дальше. Следующий. Кто у нас следующий? (*Проректор говорит с ощутимым польским акцентом.*)

Д о к т о р . Франц.

П р о р е к т о р . Фамилия.

Д о к т о р . Скорина.

П р о р е к т о р . Научная степень — высшая?

Д о к т о р . Я доктор медицины. Получил степень в Падуе.

П р о р е к т о р . На какую позицию в Краковском университете претендуете?

Д о к т о р . Я не претендую ни на какую позицию в Краковском университете.

П р о р е к т о р . В таком случае чего вы хотите?

Доктор. Пан проректор по воспитательной работе, я пришел к вам с предложением по оптимизации учебно-методического процесса.

Проректор. Так, это интересно!

Доктор. Я закончил Краковский университет в году от рождения Христова 1504-м...

Проректор. Пан — поляк?

Доктор (*на секунду задумывается*). Да, вроде того. Поляк так поляк. Так вот, я закончил Краковский униве....

Проректор. А если пан — поляк, то почему говорит на латыни?

Доктор. Латынь — язык науки...

Проректор. А откуда вы приходите?

Доктор. Я вообще родился в Полоцке, жил в Вильне.

Проректор. Но тогда пан не поляк, пан — русский!

Доктор. Ну, русский так русский! (*Доктор машет рукой, ему это кажется несущественным.*) Так вот, преподавание во время моего студенчества происходило по методике, которая сохранилась в Европе до сих пор...

Проректор. А что мальчишка из глухой русской провинции делал в Краковском университете?

Доктор (*неохотно*). Поступил на особых условиях для жителей непольских территорий Польского королевства.

Проректор (*с сочувствием*). Так пан стал студентом по крестьянской квоте...

Доктор. Но я бы это не назвал «крестьянской квотой». Полоцк и Вильня — большие города, культурные центры.

Проректор. И, отучившись по крестьянской квоте, пан пришел к проректору по воспитательной работе оптимизировать процесс обучения? Ну-ну, интересно!

Доктор (*не понимая иронии*). Нам преподавали *modus pronuntiantium* — профессор очень медленно диктовал, а мы записывали. Благодаря этому за время обучения у каждого из нас появлялась собственная рукописная книга, состоящая из записей по разным дисциплинам. Но поскольку студенты — не профессиональные скрипторы, записать нам за все обучение удавалось только по дюжине страниц по каждому предмету. С другой стороны, ничего кроме этих диктантов в аудиториях

не происходило. Опыт и знания важных профессоров сводился к воспроизведению одних и тех же записей. Правильно?

Проректор. Ну-ну. И что?

Доктор. Так вот! Есть способ улучшить процесс обучения!

Доктор достает из клетчатой сумки большой лист бумаги и несколько напечатанных книг. Он закрепляет лист бумаги на флип-чате. Мы видим сильно увеличенный титульный лист Библии Скорины с надписью: «Бивлия Руска. Выложена Доктором Франциском Скориною из славнаго града Полоцка Богу ко чти и людем посполитым к доброму научению». Прикрепив лист, Доктор кладет книги перед Проректором. Тот даже не смотрит на них.

Доктор. Вот, посмотрите! Что если вместо того, чтобы писать и переписывать снова и снова одно и то же, студенты с самого начала обучения получают уже напечатанные тексты? Те, что раньше записывали под диктовку? А преподаватели в классах вместо диктовок будут разбирать и объяснять непонятное?

Проректор поднимется, подходит к флип-чарту, достает большую лупу и начинает рассматривать слово «Руска». Это слово интересует его больше всего, остальное не привлекает его внимания.

Проректор. И много такого вы напечатали?

Доктор. Ну, довольно много.

Проректор (*бросив взгляд на клетчатую сумку*). Все тут?

Доктор. Нет, что вы! Все бы сюда не вместились! Но эти книги — только пример того, что можно сделать! Я взял свои пражские издания, чтобы вы посмотрели, как они привлекательно и ярко выглядят! (*Доктор указывает на флип-чарт.*) Не чудо ли? Я способен напечатать вот такой кодекс по любой из семи свободных наук. Так, чтобы каждый студент мог иметь свою книгу! Представьте себе! Специальный кодекс по риторике! Антология для тривиума! Упражнения по квадримуму! С гравюрами по геометрии и астрономии! Кодекс по философии! И много страниц, а не десять, как было в наших конспектах.

И каждому из учащихся — по экземпляру! Это изменит обучение! Знаний у того же бакалавра будет больше.

Проректор. А на чьи деньги вы печатали это... (*Проректор подбирает слово.*) Это русское... добро.

Доктор. На деньги литовских бизнесменов.

Проректор. Ага, конечно! И Василий Иванович, князь Московский, к финансированию этой провокации не имеет никакого отношения!

Доктор. Я только не понимаю, почему вы это называете провокацией.

Проректор. И распространение вот этого русского... православного писания среди студентов-католиков вы осуществляете по собственной инициативе!

Доктор. Я, по правде, в этом проблемы не вижу! Понимаете, это же не важно: русское или польское, итальянское или чешское, православное или католическое. Для знаний нет границ и конфессий! Можем и на католическом языке их печатать. Просто набор и шрифты у меня отлиты в Венеции с кириллических матриц...

Проректор. Вот они чем теперь занимаются! Берут бедных полоцких крестьян и засылают нам в самое сердце, в Краковский Университет!

Доктор. Никто меня не засылал. Книги я издал на том языке, на каком говорят у меня на родине. Я думал, людям это во благо будет.

Проректор (*все более зло*). И эти простофили тут ведут православную пропаганду!

Доктор удивленно смотрит на Проректора. Тот сверлит его презрительным взглядом. Доктор со вздохом снимает лист с титульным листом «Бивлия Руска» с флип-чарта и обреченно собирает свои вещи.

Проректор. Дурак, ты хоть понял, что тебя используют?

Доктор сгребает книги со стола в сумку.

Проректор. Ты слышал про твоего предшественника? Зовут Швайпольт Фиоль, немец, а стукнуло в голову издавать

книги по-русски! Хотя сам был благочестивым католиком! За это отсидел Фиоль в тюрьме, и получил убедительную просьбу гнезинского архиепископата не печатать и не распространять православную дурь. А потом и окончательно упокоился тут, в Кракове. Так вот. Кинь дурное дело! А то, понимаешь ли, учебно-методический процесс он прибыл оптимизировать! На русском языке!

Доктор (*держа в руках сумку с книгами*). Извините, мне пора бежать! Очень спешу!

Проректор. И куда же ты спешишь?

Доктор. С учетом гостеприимства города Кракова, поворачиваю обратно в Вильню. Попробую продолжить начатое в Праге там.

Проректор. И каким маршрутом туда отправишься?

Доктор роется в сумке, достает оттуда карту, всматривается в нее и доверчиво отвечает.

Доктор. Через Вроцлав.

Проректор. Через Вроцлав? (*Отмечает что-то на бумаге.*) Через Вроцлав, значит! Тогда обязательно остановись у пани Марыси. Лучшие фляки в городе. Пани Марыся, запомнил?

Доктор. Да! Позвольте откланяться!

Проректор. Доброй дороги до Вроцлава, товарищ русский!

АКТ ВТОРОЙ

Сцена 1

Приемный покой епископа. Интерьер почти такой же, как в предыдущей сцене. Только нет флип-чарта, а на столе стоит хрустальная ваза с конфетами и яблоками для посетителей. За столом — Секретарь Епископа и Доктор. Перед Секретарем стопка бумаг, он пишет что-то карандашом. Во главе стола — пустое кресло с высокой го-

тической спинкой. На заднике сцены цифры 1520. На стене портрет Папы Римского Льва X.

В покой входит Епископ. Это молодой худощавый человек.

Секретарь (*вскакивает со стула*). Его Преподобие Епископ Виленский Януш!

Доктор поворачивает голову к Епископу и приветливо кивает.

Секретарь (*злым шепотом*). Вам необходимо встать и получить благословение!

Епископ. Нет, нет! Давайте без этих церемоний! Я, как все люди, всего лишь создание Божье!

Епископ энергичной походкой подходит к столу и садится в кресло. Он панибратски протягивает руку Доктору.

Епископ. Ян.

Доктор (*пожимая руку*). Меня зовут...

Секретарь (*хватаясь за голову, шепотом*). Руку нужно было поцеловать!

Епископ (*Секретарю*). Уймись, Юрка! (*Доктору*.) Франциск, я, конечно, знаю, как вас зовут. Из Кракова пришло поручение опросить вас по поводу происшествия во Вроцлаве.

Доктор. У меня забрали книги.

Епископ. Все книги?

Доктор. Почти все. Остались только те, которые были у меня в суме.

Епископ. А почему забрали, как думаете?

Доктор. Там много чего кричали со всех сторон, и фляки на меня разлили. Посоветовали мне никогда больше не появляться в Польше. Никогда. А еще кричали, что проблема в языке, в шрифте. Я не могу понять, как может быть проблема в языке или в том, что напечатано не латинскими литерами. Разве Евангелие на арамейском хуже Евангелия на латыни? А я издал книгу на том языке, на котором сам говорю. На котором мы с вами сейчас разговариваем. Почему это может стать проблемой?

Епископ. Проблема не в языке, а в конфессии.

Доктор. Но я не понимаю. Я христианин. Мы все христиане. Что в Смоленске, что в Полоцке, что во Вроцлаве, что в Праге.

Епископ. О, если бы все было так просто...

Доктор. Бог един.

Епископ. Бог един, государства разные.

Доктор. Но Бог-то един!

Епископ (*секретарю*). Юрка, сходи на двор погуляй.

Секретарь. Но, Ваше Преподобие, мне нужно будет подготовить отчет для Кракова.

Епископ. Юрка, я сам отчет подготовлю, беги.

Секретарь. Но...

Епископ. Гуляй, я сказал!

Секретарь Епископа выходит.

Доктор. Бог един, и Писание его неприкосновенно. На любом языке. И вот я думаю, что они могут сделать с тем, что у меня отняли? Они же не могут Библию уничтожить? Не могут же, правда?

Епископ молчит.

Доктор (*сам себе*). Они, наверное, поместят мои кодексы в районную библиотеку, а возможно, и направят их в Краковский Университет, а там какая чудесная библиотека! Много древних текстов! И мои книги будут бережно храниться до тех самых пор, когда всем, наконец, станет понятно, что писание — неприкосновенно. На любом языке! Что каждый созданный на доброе дело текст — неприкосновенен. На любом языке!

Епископ (*сочувственно*). Наверное, вероятность, что случится именно так, есть. Кстати, а кто финансировал издание ваших книг? Краков направил запрос виленским магнатам, потому что вы где-то там сказали, что вас финансировали литовские бизнесмены. И вы знаете, все отрицают причастность к этому проекту.

Доктор. Правильно, что отрицают. Магнаты не дали ни гроша! Книга была напечатана при помощи корпорации Якуба Бабица и Богдана Онкова. До Радзивилов я не достучался.

Епископ. А что ж так?

Доктор. Наверное, не нужны им книги, которые читали бы обычные люди. Олигархи всегда там, где слава. А тут, как видите, проблем больше, чем славы.

Епископ. В каком вы сане, доктор?

Доктор. Я бакалавр свободных наук и доктор медицины.

Епископ. Я говорю про религиозный сан. Вы учились теологии? Вы были рукоположены? Кто посвятил вас в священники?

Доктор. Я не священник, хотя занимаюсь тем же, чем занимаются священники. Я несу слово Божие.

Епископ. Вы искренне не видите тут никакой проблемы? В том, что человек без сана сам по себе распространяет Ветхий Завет? Свой собственный Ветхий Завет?

Доктор. Вы, наверное, не поняли. Я эту книгу не писал. Я ее только опубликовал. А написал ее Господь Бог. Моя же роль была в том, чтобы как можно больше людей могли прикоснуться к тому, что создано Небесами. Как сказано в моем предисловии, «Богу ко чти и людям посполитым к доброму научению».

Епископ. Вы человек ученый, Франциск, но не учитываете очевидного. Сто лет тому назад знания принадлежали всем людям. Помните, из ваших краковских штудий? «Scientia de omni scibili» — знания принадлежат всем, кто знает. Нет того, кто их создал. Есть анонимы, которые передают их от человека к человеку. Фрески не имеют подписи художника. Лучшие миниатюры в кодексах — также. Художника не было. Не было писателя, скриптора. На ваших же книгах, кроме гравюр с вашими портретами, еще множество обозначений вашего авторства. Тут и Солнцелуние, и фамилия зашифрованная... В Кракове это называют кошунством — помещать собственный портрет под Писанием. Я с ними не соглашусь — просто время теперь другое. Пришел век индивидуализма. Никакого больше «Scientia de omni scibili». У знаний есть автор. И вы не изложили Ветхий Завет в том виде, в котором, как вы говорите, «Завет был создан

Небесами». Вы его проинтерпретировали. Начнем с того, что вы его перевели.

Доктор. Да, перевел.

Епископ. Вы взяли за основу чешскую версию Писания. И напечатали в своем любительском переводе. На том языке, на котором разговариваете.

Доктор. Я сверял чешский перевод с древнееврейской, латинской и церковнославянской версиями.

Епископ. Тут разговор не про толмаческую точность, хотя и про нее тоже. Вы же сами говорили, что Библия — не обычная книга. Не древние ребусы про риторике. Не шуточки Эразма. Это благословенная книга.

Доктор. Да неужели в том ее благословенность, что ее нельзя печатать?

Епископ. Ее нельзя издавать лишь бы кому.

Доктор. Счастье книги в том, что ее читают.

Епископ. Счастье книги в том, что ее не искажают.

Доктор. Это пустой спор.

Епископ. Этот спор благословен. Потому что у вас очень доброжелательный собеседник, Франциск. Ваши возможные собеседники в Кракове были бы куда менее склонны философствовать. Они считают вас кощунником и русским шпионом. Пропагандистом православия. И что вас лучше арестовать и держать в остроге. Они мыслят в логике столетней давности. Но я перед собой вижу не богохульника. Я вижу добронамеренного ученого, который родился раньше своего срока, лет этак на двести раньше. Тогда бы вам не пришлось страдать, разъясняя людям очевидное. Более того, мне ваше дело кажется добрым, только в будущем нужно повнимательней быть с переводами, а в этом я могу вам помочь.

Доктор ошарашенно кивает.

Епископ. Более того, я подготовлю для Кракова отчет, в котором изложу нашу беседу. В своей трактовке. (*Епископ усмехается.*) Да, изложу все так, что и им станет ясно ваше действительное намерение — донести слово Божие как можно большему числу людей. И именно поэтому вы пользовались

нашим языком, а не латынью. За это судить вас не будут, поверьте!

Доктор, расчувствовавшись, прикасается к глазам.

Епископ (*весело*). И, между нами, доктор. Есть у меня одна мечта.

Доктор. Какая же?

Епископ. Хочу собрать все наши нормы в один свод, статут Великого Княжества Литовского. Чтобы судили не произвольно, не из личной приязни или неприязни. А как когда-то в Риме было. Украл — одна кара. Ограбил — другая. Каждому проступку своя кара. И ни больше, ни меньше.

Доктор. Вы думаете ввести на наших землях закон? А меня мечтателем называете?

Епископ. А чем вы, Франциск, тут, в Вильне, занимаетесь?

Доктор. Я хочу, как Альд Мануций, свести четвертинный формат кодексов в восьмицу. И напечатать вместо кварталы — октаву.

Епископ. Для чего все это?

Доктор. Я издам «Малую подорожную книжку», включу в нее Псалтырь, акафисты, каноны — все, что нужно человеку, чтобы он не оставался один. Для того чтобы и в дороге, и на войне, что бы ни приключилось, рядом с ним был Бог. Перевод свой, конечно, покажу вам.

Епископ. Знаете, Франциск, я еще когда ваше предисловие к «Юдифи» читал, понял, что вы очень одинокий человек.

Доктор. С чего вы взяли? Я не одинок. У меня есть книги.

Епископ. Оттуда взял, что только очень одинокий человек может придумать такого Бога, который смотрит со страниц ваших книг, Франциск.

Доктор. Разве мой Бог — не такой, как в других, рукописных, кодексах?

Епископ. Те тексты предназначены для совместного чтения вслух монахами в библиотеке. Один брат читает, другие слушают. Тот Бог — для произнесения Его слова в костеле во время службы. Вы мечтаете вместить Бога в суму путника. Я понимаю,

почему — вам самому постранствовать много пришлось. Любой мечтатель вынужден всегда быть в дороге.

Доктор. Бог в сердце. Ему и там места хватит.

Епископ. Матфей, глава восемнадцатая, стих двадцатый, «где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них».

Доктор. Мой Бог в сердце. Мне не нужны двое или трое, чтобы славить Его. Мой Бог в кибитке, что везет меня из Праги. Мой Бог — в лодке, что возвращает меня из Падуи.

Епископ. Святой Костел...

Доктор. Святого Костела не будет рядом, когда я умру и попаду в чистилище. Ни Костела, ни священника.

Епископ. Вы очень одинокий человек, Франциск. Но одиночество — не грех. По крайней мере — грех того, что одинок.

Доктор. А можно мне яблоко?

Епископ. Берите, конечно!

Доктор хватает со стола яблоко и вгрызается в него.

Доктор (*жуя*). Сегодня без завтрака, а вчера и поужинать не удалось. А надо еще за постой заплатить.

Епископ. Я слышал, что у вас нет дома. Но не знал, что все настолько сложно. В деньгах нуждаетесь?

Доктор (*скромно*). Ну, не то чтобы в деньгах. Скорее — в работе. В подработке. Книгоиздание не приносит дохода — ни на хлеб с маслом, ни на хлеб без масла, ни даже на пустую воду.

Епископ встает, подходит к стене.

Епископ (*громко*). Юрка! Я знаю, что ты там, подслушиваешь! Какие у нас в канцелярии имеются вакансии?

Голос Секретаря (*приглушенно*). У нас все ставки разобраны.

Епископ (*громче*). Юрка, а по-моему, одна вакантная ставка у нас точно найдется. Позиция секретаря епископа! А то теперешний уж больно неповоротливый. Да и пререкаться любит!

Голос Секретаря (*хмуро*). Мы можем лекаря взять. На четверть ставки.

Епископ. Вот, Юрка, спасибо! Уже лучше! (*Доктору.*) Ну что, Франциск, пойдете ко мне лекарем? Здоровье мое в порядке, я ведь помоложе вас буду. Да и как может человек исправить Божие творение? Всего работы — раз в месяц приходить в бухгалтерию, получать зарплату. Сможете?

Доктор (*сияя*). Постараюсь!

Доктор и Епископ выходят.

Голос Секретаря (*из-за двери, обиженно*). А когда-то и со мной дружбу водил.

<...>

Сцена 3

Приемная герцога Пруссии Альбрехта в Кенигсберге. 1530 год. Интерьер по-офисному непритязателен: стол, два стула, на стене — портрет Альбрехта. За столом сидит Оберрат герцога — это беловолосая коротко стриженная женщина в тевтонском боевом облачении. Рядом — двуручный меч. Напротив нее — заметно постаревший Доктор со своей фирменной клетчатой сумкой.

Оберрат. И специальное образование у вас, конечно, имеется?

Доктор. Я получил степень доктора медицины в Падуе.

Оберрат. Падуя. Звучит не по-нашему. Далеко, наверное?

Доктор. В Италии.

Оберрат. Никогда не слышала. Это от нас, наверное, еще дальше, чем Вильня?

Доктор. Да, значительно, госпожа герцогский Оберрат! Это как от Кенигсберга до Вильни, наверное, раз десять.

Оберрат. Никогда не думала, что земная плоскость такая здоровенная. Сейчас, когда крестовые походы отменили, уже и мир не посмотришь!

Доктор. О, поверьте, земная плоскость настолько же велика, что и сфера неба над нашими головами.

Оберрат. Но сам вы не итальянец? Вы же наш человек? Или поляк?

Доктор. О, нет! *(Доктор энергично машет руками.)* Только не поляк. Там меня не любят. Скорее я русский. Или литовец. Хотя иногда у меня бывает ощущение, что слово, которое обозначает место, откуда я, еще не появилось.

Оберрат. А что вы умеете, русский доктор?

Оберрат приветливо наклоняется к Доктору, и из-за этого двуручный меч соскальзывает со стола и с лязгом падает на пол. Доктор вздрагивает.

Доктор. В Италии я ознакомился с новейшими достижениями медицинской науки, с самыми крупными прорывами в лечебном деле, которые только известны в нашу передовую эпоху. По ту сторону Альп сейчас все только и говорят про Теофаста Бомбаста.

Оберрат. Теофаста Бомбаста? Это какой-то рэпер?

Доктор. Это алхимик из швейцарского Эга, который произвел революцию в медицине. Госпожа Оберрат может знать его под именем Парацельсиус.

Оберрат качает головой.

Доктор. Парацельсиус утверждает невероятное. Ну, например, что гной не нужен для заживления ран!

Оберрат. Как не нужен? Без него же раны не затягиваются!

Доктор. Тут, понимаете, перепутана причина и следствие. Мы думали, что без гноя они не заживают, и специально вызывали гниение, а сейчас выясняется, что раны гноятся из-за того, что мы не соблюдаем чистоту. И что если раны промывать от гноя, больной выздоравливает быстрее!

Оберрат. У меня эта наука, господин русский доктор, в голове не укладывается. Раны? Промывать?

Доктор. Более того, Парацельсиус утверждает, что если пить лекарства — скорей поправишься!

Оберрат. Невероятно! Это нужно обдумать! На первый взгляд звучит как бессмыслица!

Доктор. И что если пить определенную их дозу, а не все сразу, то болезнь тоже отступит вернее!

Оберрат. Ну это совсем не логично! Если лекарства — пей все, вдруг Бог не отпустил тебе времени на промедление?

Доктор. И что определенные препараты, если их пьешь все сразу, могут даже повредить!

Оберрат. Что же это за медицина такая, которая вред приносит?

Доктор. Для этого наука и нужна, чтобы знать, сколько чего больному давать. Сколько пить ртути, сколько мышьяка!

Оберрат. Сразу видно ученого мужа. Может, вы и ноги отрезать умеете?

Доктор. Ну уж нет, госпожа Оберрат, хирургия — это дело не врачебное!

Оберрат. Не врачебное, согласна!

Доктор. Хирургией в наше просвещенное время занимаются только цирюльники!

Оберрат. Да-да, правила я знаю. Просто думала, что если гной из ран вымывают, то может они докторам уже и операции поручили!

Доктор. Нет, ну революция — революцией, а здравый смысл терять не надо!

Оберрат. О вашей компетенции вопросов у меня больше не осталось. Таким образом, что я могу вам предложить... Сейчас у нас в Калининграде большая административная реформа. Нас переводят в светский режим. Раньше мы были пристойным городом Ордена, а теперь... Даже и начинать не буду. Видите, все у нас теперь цивильное.

Доктор (*выразительно глядя на тевтонскую броню, в которую одета Оберрат*). Да, да! Это заметно!

Оберрат. Раньше вас бы прикрепили к кенигсбергскому комтуру, подчинялись бы Верховному Госпитальеру в Эльбинге, получили бы воинское звание пфлеггер-лекаря, коня, доспехи и меч. А сейчас, при светском порядке, комтупы у нас зовутся управлениями, доспехов не дают, кони только у цивильных, кто сам купил или отжал у кого. Короче, Содом и Гоморра.

Доктор. А что касается моих обязанностей? Правильно я понимаю, что герцог Альбрехт — молодой, здоровый, поэтому мне просто надо будет заходить в бухгалтерию раз в месяц?

Оберрат. Э-э-э! Не так все просто! Ваша обязанность — присоединиться к борьбе с Тюдоровым проклятьем и, не щадя ни живота своего, ни здоровья, помочь Господу его обновить.

Доктор. Тюдорово проклятье? Это что? Метафора для дешевого фарфора?

Оберрат. Разве вы не слышали про английскую лихорадку? Из-за нее мы и возвестили call for doctors.

Доктор. А я думал, вы просто штат расширяете.

Оберрат. Из-за Генриха VII Тюдора в Англию пришла болезнь, которая сейчас распространилась и на нас. Не иначе — Божья кара Пруссии за Краковский мир. Эпидемия. Люди мрут, как крысы во время чумы.

Оберрат поднимает меч и бьет им по полу. На сцену выглядывает
Фогт-тевонец.

Оберрат (*Фогту*). Принесите пациента.

Фогт. Какого? Получше или похуже?

Оберрат. Похуже. Какого не жалко. Нам для эксперимента.

Два фогта вносят больного на носилках. Один из них остается.

Больного сильно колотит, его одежда промокла насквозь.

Оберрат (*доктору*). Вот, полюбуйтесь. Видите, дрожь, лихорадка, бред. И главное — очень быстро! Молниеносно. День так продрожит, постонет, и наутро — Богу душу отдает. Этому бедолаге осталось жизни минут пять.

Доктор (*растерянно*). В Падуе нас учили, что когда у человека горячка — его надо согреть. Потому что ему холодно. Потому что тело — горячее, чем воздух вокруг.

Доктор достает из сумки стеклянные колбочки, льняные ленты и металлические крючочки.

Доктор. Прикажите своим людям нагреть воды, я поставлю больному банки.

Оберрат. Вы уверены, что лихорадящего больного надо греть? Ведь эту болезнь еще называют «английский пот». Больной же потеет, он мокрый насквозь! Ему, по всему видно, жарко!

Доктор (*Фогту, неуверенно*). Хорошо, принесите тогда холодной воды.

Фогт выбегает, возвращается с большим кувшином с кубиками льда.

Пациент тем временем дрожит все меньше.

Оберрат. Я бы на вашем месте поспешила. Посмотрите, дрожь уходит. И это — совсем нехорошо. А вернее — очень плохо. Ему остались считанные минуты. (*Фогту.*) Позовите священника!

Фогт убегает.

Оберрат (*Доктору*). Сейчас пациент заснет. И когда ему дадут заснуть, он уже не проснется. Потому монахи специально следят за этим и будят тех, кто засыпает. Но рано или поздно устают и засыпают сами монахи... Потому больше всего покойников у нас по утрам.

Доктор разливает воду из кувшина по баночкам и с помощью крючков и ленточек развешивает их на одежде пациента.

Оберрат. Выглядит очень по-научному! Так, наверное, и умирать не страшно!

Заходят фогт и Священник. Пациента начинает снова колотить.

Доктор. Это хорошо или плохо — что его снова колотит?

Оберрат. Холодная вода мешает ему спать. Вы великий мудрец, русский доктор! (*Священнику.*) В вас пока нужды нет, святой отец. (*Фогту.*) Скажи другим фогтам, чтобы наморозили льда и обкладывали тяжелых больных.

Фогты выносят больного, за ними выходит Священник. Перед тем как покинуть сцену, Священник критически осматривает скляночки, которыми обвязан пациент и тихо говорит: «Да это ворожба какая-то».

Оберрат (*Доктору*). Я очень благодарна вам за то, что вы откликнулись и приехали к нам. От лица города Кенигсберга и всего Тевтонского ордена. Будем вести войны против этого проклятья вместе.

Доктор (*растерянно*). Ну, не то чтобы в этом состояло мое намерение. Как-то само получилось.

Оберрат. И главное — очень мало людей откликнулось на наш призыв! Все доктора страшатся смерти, ведь болезнь-то заразная.

Доктор. И сильно заразная?

Оберрат. В Кембридже и Оксфорде умерла половина населения. В Лондоне погибли даже два лорд-мэра. Вы и вправду смелый человек! (*С другой интонацией.*) Что вас, кстати, заставило покинуть семью, дом, жену, и приехать сюда, в самое пекло?

Доктор (*печально*). Дом, где я жил, в этом году сгорел. Вместе с его хозяйкой, моей женой. Прожили мы с ней в согласии всего пять лет. Все, за что я ни брался, — пошло под откос. Григорий Адверник, который финансировал мои книги, умер. Богдан Онков отказался давать деньги. «Не-целе-сообраз-но». Не так давно покинул этот мир и Якуб Бабич — последний, кто помогал.

Оберрат. Так вы искали смерти?

Доктор. Про эпидемию я услышал от вас. А мечтал я о жизни. Скажите, это правда, что у герцога Альбрехта в прошлом году появилось превеликое книжное собрание?

Оберрат. Мы его зовем «Серебряной библиотекой».

Доктор. А есть ли возможность, хотя бы самая мизерная, что герцог будет заинтересован в издании книг? В том, чтобы специально их печатать?

Оберрат. «Серебряная библиотека» пополняется иначе. Все книжные торговцы обязаны передать в ее фонды по одному экземпляру тех изданий, которые продают в Пруссии. А чтобы специально что-то издавать — не слышала.

Доктор (печально). И тут ошибся... Ну что ж. С больными я помогу, а потом уеду. Снова уеду. Только что вопрос — куда.

На сцену возвращается Фогт в сопровождении Священника.

Фогт. Пациент умер.

Священник достает трубу и исполняет на ней первые 8 нот Tuba Mirum «Реквиема» Моцарта.

Сцена 4

Дом Мартина Лютера в Виттенберге. Цифры на заднике — 1532. За накрытым столом сидит сам Лютер. Это осанистый человек в черном бархатном костюме на пуговицах, с гофрированной вытачкой на груди. На голове у Лютера — бархатный берет. Стол заставлен простой, но обильной едой — это разнообразные копчености, колбасы, сальтисоны, блюда из потрохов. Рядом с Лютером — его друг Филипп Меланхтон, он одет так же утонченно, как и Лютер. Компании служит человек в костюме из простого черного сукна. Он режет колбасы и подкладывает еду господам протестантам.

Меланхтон. А когда твой перевод всего Писания на немецкий язык будет готов, нужно будет его издавать. Но издавать широко. Чтобы Ветхий и Новый Завет были в каждом немецком доме. В каждом!

Лютер. Тысяч сто сразу тиснуть.

Меланхтон. И, очевидно, Мельхиор Латат тут не подходит. Он нормально напечатал Septembertestamen, но цель, к которой мы движемся сейчас, значительно превосходит прежние. Это новый этап. Нам нужен издатель.

Лютер (жует). Нам нужен издатель.

Меланхтон. И тут как раз есть один неожиданный поворот. Вчера я встретился с одним польским доктором. Он поразил меня своей эрудицией и взглядами. Абсолютно нормальный человек, как мы с тобой! Хотя и из Восточной Европы.

Лютер. Не еврей?

Меланхтон. Точно нет! Так вот, этот польский доктор рассказал, что имеет большой опыт в типографском деле. И что он может с легкостью напечатать нам хоть сто, хоть двести тысяч экземпляров Святого Писания.

Лютер. Ну мало ли чего тебе наговорит человек из Восточной Европы.

Меланхтон. Но в том и дело, что он человек осведомленный. Начал сыпать терминами — «макрица», «пуссон», я за ним даже не успевал.

Лютер. Ты, Филипп, не успевал? Да ты же сам Меланхтон! Умнейший человек во всей Германии!

Меланхтон. Так я к чему веду. Так я этому поляку обрадовался, что решил как можно быстрее вас с ним свести. Он сейчас проездом из Познани, буквально на несколько дней. Нужно использовать этот шанс.

Лютер (*жуя*). Нужно.

Меланхтон. Я знал, что ты согласишься, поэтому я пригласил его сегодня к нам на ужин.

Лютер (*перестает жевать*). Предупредил бы! Ну ладно.

Меланхтон (*громко*). Пригласите поляка!

Лютер и Меланхтон встают. Слуга откладывает приборы и становится в приветственную позу, чтобы встретить гостя. Входит Доктор. Он сильно похудел и выглядит еще более измученным.

Меланхтон. Приветствуем doctor Franciscus polonus! (*Лютер, Меланхтон, Слуга кланяются.*)

Доктор сильно волнуется. Он осматривает зал, секунду колеблется, потом быстрым шагом подходит к Слуге и протягивает ему руку.

Доктор. Господин Мартин Лютер!

Лютер (*мрачно*). Господин Мартин Лютер это я.

Доктор смущается. Он озадаченно рассматривает бархатный берет и гофрированные оборки на шикарном костюме Лютера.

Доктор (*краснея*). Простите, перепутал. Я просто слышал... Ай, ну, проехали!

Лютер (*Меланхтону, слегка снисходительно*). Ну да, видно, что из Восточной Европы.

Доктор, Лютер, Меланхтон присаживаются.

Доктор. Господин Меланхтон представил меня doctor Franciscus polonus — благодарю его за это! Я действительно доктор, хотя недавно эта профессия чуть не свела меня в могилу, когда я подхватил английский пот в Королевке, то есть в Кенигсберге. И звать меня действительно Франциск. Но что касается polonus — это сильное преувеличение.

Меланхтон. Но приехали же вы из Познани!

Доктор. Был там проездом. Как и в Виттенберге. Я не поляк. Скорее русский.

Лютер. Что еще за русские?

Меланхтон. Те же поляки, только сбоку. Восточная Европа.

Лютер (*с сочувствием*). Восточная Европа.

Доктор. Поляки меня не любят, у меня во Вроцлаве книжки отняли. Они католики, а книжки были по-русски. А я их переводил на тот язык, на котором мы разговариваем в Вильне и в Полоцке.

Лютер. Это хорошо, что они вас не любят. Меня католики тоже не любят. Меня Папа даже от церкви отлучил, за то, что я ему мешал деньги на собор святого Петра сшибать.

Доктор. Дело не католиках, а в предрассудках. У них в Кракове и Вроцлаве все просто — видят кириллический шрифт и сразу пугаются. Послушать их, так Ветхий Завет должен существовать только на латыни. А как обычный грамотный горожанин его прочитает, если он на латыни? Причем за этим всем стоит такая, знаете, непрошибаемая логика. Даже не логика — философия.

Лютер (*посмеиваясь*). Мне кажется, я с ней знаком.

Доктор. Вроде такой: языки разделились во времена Вавилонского столпотворения. Разделение языков — кара за людские грехи и гордыню. Латынь объединяет все языки.

И благодаря ей мы с вами можем сейчас понимать друг друга. Потому-то все и должны читать Писание на латыни. А как быть тем, кто изможден трудом и говорит на том наречии, которое дал ему Бог, которое ему передала мать в своих колыбельных.

Лютеp (*оживленно*). И таких — большинство!

Доктор. И вот к чему я пришел. Не может быть, чтобы Господь Бог наказал нас языком нашим. Я говорю: «Нежность». И мне тепло на сердце. Я говорю: «Любость», и в душе распускаются цветы. Я говорю: «Перун»! И в ушах грохочет. Латынь так не отзывается. Через язык с нами говорит Создатель. Язык — это дар Божий, а не проклятие.

Лютеp (*расчувствовавшись*). Вы очень глубоко копаете, господин доктор из Восточной Европы. Я пришел к таким же выводам.

Меланхтон. Господин русский, наверное, гусит? Если не католик?

Доктор. Бог один, Филипп. Один. Я обещал принести вам образцы своих трудов. Вот, взгляните.

Доктор достает кодекс небольшого формата и кладет на стол.

Доктор. Это «Малая подорожная книжка». Я специально сделал ее такой крохотной, чтобы каждый путник мог носить ее в своей суме. Чтоб он всегда ее имел при себе. И в странствиях, и на войне. И вместил в нее Псалтырь, акафисты и каноны. Теперь, отправляясь в командировку, скиталец больше не будет в одиночестве. С ним всегда будет Слово Божие.

Лютеp (*листая книгу*). Сделано со вкусом. Печать отчетливая, шрифт мне нравится.

Меланхтон (*заглядывая через плечо*). Хотя ничего не понятно.

Лютеp (*подначивая Доктора*). Вот вы говорите «никто не будет один». А почему бы вашему страннику вместо того, чтобы носить с собой лишний вес, не зайти в костел, не послушать мессы?

Доктор. А зачем костел. Если ты идешь под дождем по полю — и Бог идет с тобой рядом. Когда тебя жжет солнце на

горной тропе, губы потрескались и хочется пить — Бог рядом с тобой. Чтобы обратиться к Всевышнему, клир не нужен.

Лютер (*выразительно и с благодарностью смотрит на Меланхтона*). Вы наш человек, Франциск. Мне радостно обрести такого образованного и опытного соратника. Я тоже считаю, что верующему не нужны услуги священников, чтобы быть рядом с Богом. И вы не поверите, чего я насмотрелся в Риме! Но отбросим былое и посмотрим в будущее! Я тогда ему все расскажу, Меланхтон?

Меланхтон кивает.

Лютер. Мы в одном шаге от того, чтобы завершить полный перевод Святого Писания, обоих Заветов, на наш язык. Мы готовимся к тому, чтобы где-то года через два запустить этот *opus magnum* в печать. Это будет грандиозное издание с иллюстрациями моего доброго друга, Лукаса Кранаха. Мы изменим Германию. Вся она заговорит на том языке, который мы вложим в уста апостолов и ветхозаветных мужей. Благодаря этой Библии утвердятся немецкий народ, немецкая культура, по проторенным нами тропам пройдут поэты, которые создают великую немецкую литературу. (*Торжественно.*) И я хотел бы предложить вам, доктор Франциск, стать нашим издателем. Вы войдете в историю Европы. Согласны?

Расчувствовавшись, доктор прикрывает ладонями лицо.

Доктор. Конечно, я согласен.

Лютер. В таком случае будем ждать вас завтра. Скажем, около второго часа дня! Обсудим детали и набросаем план действий.

Доктор. Обязательно! Ведь нам понадобятся новые пуансоны!

Лютер. Значит, до завтра! Будем ждать! Доброго вечера!

Доктор пожимает на прощание руки Лютеру, Меланхтону и даже Слуге и бежит к выходу со сцены. Перед тем как уйти, он на миг замирает и счастливо замуривается.

Доктор. Неужели мечта сбывается? Неужели наконец все получится? Неужели мое смирение, мое упрямое ожидание и надежда вознаграждены? Неужели? Неужели?

Лютер, Меланхтон и Слуга остаются втроем.

Лютер. Какой приятный человек!

Меланхтон. Да, я же говорил!

Лютер. Абсолютное совпадение взглядов!

Меланхтон. Невероятное созвучие!

Лютер. При том, что он происходит непонятно откуда!

Меланхтон. Ну вот видите, как бывает!

Лютер. Даже как-то подозрительно, правда?

Лютер задумывается.

Лютер. Как же так может быть, чтобы кто-то с задворок мира... Что он там говорил? Полоцк? Из какого-то там Полоцка! Придерживался насколько ультрасовременных взглядов! Как-то неправдоподобно.

Меланхтон молчит — он не может предугадать, куда склонятся весы рассуждений Лютера.

Лютер. А нет ли в этом какой-то, знаешь ли, игры?

Меланхтон. Ну, может и есть.

Лютер. У тебя не сложилось впечатления, что он говорит не то, что думает, а то, что мы хотим услышать?

Меланхтон. Мартин, и зачем ему так поступать? Я с ним встречался вчера, и говорил он то же самое. И, похоже, довольно искренне.

Лютер. А может, и специально! Чтобы войти в доверие!

Меланхтон. И зачем ему входить в доверие? Да он обычный энтузиаст из Восточной Европы, который ищет свое место в мире. Можешь представить, как ему там живется, с такими-то взглядами? Не удивительно, что он так стремится оттуда выкарабкаться.

Лютер. А откуда взялись-то у него такие взгляды? Как это он стал таким борзым да передовым? В Полоцке своем? Не, что-то не сходится. Какая-то, знаешь, фальшь.

Меланхтон. Может, и сам дошел. Говорит, много его по свету покидало.

Лютер. Нет, не верю! Ах, черт!

Меланхтон. Что такое?

Лютер. А помнишь, Филипп, ты мне сам говорил год назад, что католики решили найти наемного убийцу по мою душу?

Меланхтон (*настороженно*). Помню эти слухи.

Лютер. Так вот, кому еще меня со света сживать! Как не таинственному Doctor Franciscus polonus с края света. Приехал, втерся в доверие, отравил и уехал! И Рим ни при чем!

Меланхтон (*задумчиво*). И Рим ни при чем. Очень жаль. Мне он понравился. И что будем делать?

Лютер. Проходимца этого на порог не пускать, чтобы он тут не отравил ничего! Плохо, Филипп, что мы его книгу листали! Нужно срочно руки вымыть!

Меланхтон. Да, да! Обязательно! Яд может быть в страницах! Я про такое где-то читал!

Лютер (*Слуге*). Будет стучать в дверь — не открывай! Не обращай внимания! Чтобы ноги его тут не было! А мы с тобой, Филипп, в дорогу! В Торгов! Сейчас же, ночью! Потому что черт этот может быть не один, скорее всего они дом в облогу возьмут! Пока он уверен, что мы его примем завтра, нужно как можно скорее исчезнуть из Виттенберга!

Меланхтон. Может, и так.

Лютер. Бережет нас Бог!

ИНТЕРМЕДИЯ

В правом углу сцены — вход в дом Мартина Лютера. Большая кованая дверь. Недалеко от нее — скамья. К двери легкой походкой счастливого человека подходит Доктор. Слева на сцену выходит Священник, в сопровождении Баса, Тенора, Сопрано и Альта.

Доктор стучит в дверь, и в этот момент трубач начинает играть Tuba Mirum «Реквиема» Моцарта. Вступает Бас, и с неба начинает сыпаться

снег. Доктор стучит и стучит. Поначалу он суетится, смотрит на часы и не может понять, что сделал не так, почему его снова постигла кара. А снег все сыпет и сыпет, мелодия разворачивается, Бас сменяет Тенор, Тенора — Сопрано, и Доктор унимается. Он подходит к скамье, садится на нее, а потом и ложится. Его засыпает снегом. Доктор плачет. С этого момента действие перестает быть комедией и становится трагедией.

АКТ ТРЕТИЙ

Сцена 1

Темница ратуши города Познань. На сцене — простая кровать, небольшой стол. О том, что это не офис, а острог, говорит и то, что в помещении совсем мало света. На заднике цифры — 1532. Доктор стоит спиной к зрителю. Дверь открывается, и заходят Слуга, Секретарь, Полицейский, Адвокат и Якуб Бжоска. Они садятся на раскладные офисные стульчики. Доктор удрученно оглядывает их, подходит к своей кровати и садится. На его руках кандалы. Полицейский вешает на стену за Судьей портрет Сигизмунда Казимировича, Короля польского и Великого князя Литовского. Потом Полицейский подходит к Доктору, расстегивает его наручники и становится рядом. Тюремная кровать превращается в скамью подсудимых, а камера — в суд.

Судья. Рассматривается дело познанского мещанина Якуба Бжоски в интересах варшавских торговцев *Lazarum et Moses Antiquus*, поданная земскому судье в отношении гражданина Франциска Русского, рожденного в Полоцке. Подсудимый, встаньте и назовите себя.

Доктор (*встает*). Франциск.

Судья. Подсудимый, у меня тут обозначено (*разворачивает маленькую бумажку*), что перед началом заседания необходимо задать вам вопрос не для протокола (*Судья выразительно смотрит*

на Секретаря, который перестает писать): предупреждали ли вас о том, что вы не должны больше появляться в Польше?

Доктор. Да, предупреждение это я слышал. От людей, которые отняли мои книги во Вроцлаве.

Судья. Таким образом, вы были предупреждены.

Доктор. Да, был.

Судья. И все равно вы прибыли в Польшу. С 1529 года вы регулярно отираетесь в Познани.

Доктор. Мой брат Иван умер, и мне нужно было подготовить похороны. Потом — разбираться с его делами. Сюда я вернулся из Виттенберга, где я встречался с очень уважаемыми немцами. На вокзале меня и повязали.

Судья. На этом этапе вопросов больше не имею. Подсудимый, садитесь (*Доктор садится, Судья кивает Секретарю, тот приготавливается записывать*). Подсудимый, в связи с гуманизацией криминально-процессуального права, начатой в 1529 году, вы имеете право на адвоката, который назначен вам познанским судом. Адвокат, встаньте! (*Встает Адвокат.*) Этот человек будет защищать ваши права в ходе процесса в том случае, если ему покажется, что вас судят с нарушением правил. (*Обращаясь к Якубу Бжоске.*) Истец, пожалуйста, назовите себя и изложите суть претензий к Франциску Русскому из Полоцка.

Бжоска. Я обычный познанский мещанин и никак не связан с контрразведкой и правоохранительными структурами. Но действиями этого товарища я до глубины души обеспокоен. Поэтому, когда ко мне обратились знакомые из Варшавы, купцы Лазарь и Моисей, которым этот злодей задолжал крупную сумму, я сразу согласился быть их представителем перед познанским правосудием.

Доктор. Господин Адвокат, вы могли бы спросить, почему эти люди не явились в суд лично?

Адвокат (*неохотно встает, монотонно произносит*). Почему эти люди не явились в суд лично?

Бжоска. Потому что от Варшавы до Познани очень далеко.

Доктор. Ага, очень далеко! Целый день в пути!

Судья. Подсудимый, ваши интересы в суде должен защищать Адвокат. Вы сами не должны вмешиваться в процесс.

Б ж о с к а (*с нажимом*). Если человек трудится и заботится о собственном благосостоянии, даже на половину дня не может он оставить дела.

С у д ь я . Какое преступление совершил Доктор?

Б ж о с к а . Он должен Лазарю и Моисею крупную сумму.

Д о к т о р . Кто это утверждает?

Б ж о с к а . У меня есть их показания (*достает лист бумаги*). Вот, тут все написано: «Отгрузили умершему Ивану Скорине одну тысячу необработанных кож, не получили расчет. После смерти Ивана долг перешел к его брату, Франциску Русскому».

Д о к т о р . Адвокат, спросите его, почему долг перешел ко мне, если у Ивана есть наследник по первой линии, сын Роман, который приходится мне племянником?

А д в о к а т (*без заинтересованности*). Почему долг перешел к сыну племянника Ивана, если есть наследник первого колена?.. Я запутался. Ну вы, наверное, и сами слышали.

Б ж о с к а . Потому что Иванов сын Роман не платежеспособен и не имел с Иваном бизнес-отношений.

Д о к т о р . А с какой поры к спорам стали привлекать не тех, кто виноват, а тех, кто платежеспособен? Да еще и вопрос, кто из нас больше платежеспособен!

С у д ь я . Подсудимый, соблюдайте порядок. Истец, продолжайте!

Б ж о с к а . После получения наследства от Ивана Франциск Русский рассчитался со всеми кредиторами брата, кроме Лазаря и Моисея.

Д о к т о р . Спросите, господин Адвокат, почему долгов этим Лазарю и Моисею не было в списке тех, кому Иван был должен?

А д в о к а т (*неохотно*). Почему этих Лазаря и Моисея не было должных, в списке (*зевает*)?

Б ж о с к а . Наверное, потому, что ваш брат небрежно вел свои финансовые дела.

Д о к т о р . Есть ли доказательства, что брат им действительно должен? Ведомости, счет-фактура, платежки?

С у д ь я . Подсудимый, где ваше уважение к процессу? Все вопросы должен озвучивать Адвокат!

Б ж о с к а . В том и доказательство, что потерпевших двое! Лазарь свидетельствует, что Моисей не лжет, а Моисей — что Лазарь!

Д о к т о р . Адвокат, спросите, почему претензии этих достойных господ нарисовались только сейчас, в 1532 году? Мой брат умер три года назад! Где они были все это время? Почему ко мне не обращались? Они вообще существуют в природе, эти Лазарь и Моисей?

А д в о к а т (*теряя терпение, Судье*). А можно я не буду спрашивать? Что это вообще за практика? Почему мне преступник диктует, что спрашивать, а что нет? Можно я сам буду решать, когда мне вставать, а когда — нет?

С у дья . Да, господин Адвокат, можно! Доктор, не нервнируйте Адвоката. Он с вами в одной лодке.

Д о к т о р . Вы все тут в одной лодке! Но я на вас управу знаю! (*Достает мобильный телефон, набирает номер.*) Але? Это Епископ? Але? Але? (*Растерянно.*) Что-то ничего не слышно!

П о л и ц е й с к и й . Это же острог. Тут нет GSM-покрытия.

Д о к т о р (*в отчаянии*). Нет покрытия?

С у дья (*Полицейскому*). А почему трубку при оформлении не конфисковали?

П о л и ц е й с к и й . Тут же все равно нет приема, пускай играется.

С у дья . Истец, продолжайте, а то тут как-то сыро, надо поскорей заканчивать. А то еще ревматизм подхватим.

Б ж о с к а . Все и так ясно. Человек задолжал. При задержании он признался, что денег не имеет. Должен сесть.

Д о к т о р . Я не понимаю, откуда этот незнакомец так хорошо осведомлен о моем задержании? Откуда он вообще взялся?

Судья не обращает внимания на слова Доктора.

Б ж о с к а . Куже сказанному могу добавить следующее. Этот русский доктор проводит подрывную работу на территории Польши. По сути, он бродяга, цыган. Чем он вообще по жизни занимается? То он доктор, то философ, то переводчик, то издатель, то торговец кожами, а потом снова доктор. Посмотрите в

его паспорт — Полоцк, Вильня, Краков, Падуя, Прага, Королевц, Виттенберг, Познань, Вроцлав...

Доктор. А паспорт ты мой как увидеть мог? Ты кто, Бжоска?

Бжоска. Добропорядочные граждане всю жизнь находятся по месту прописки, а не тягаются туда-сюда по свету. А этот еще при себе имел антихристову книжку, в которой Божьи слова были специально перевернаны для таких же, как он, бродяг. Он наверняка злодей, а может, и бывший зэк, иначе зачем так часто менять дислокацию? Путешествуют только те, кто на одном месте людям в глаза смотреть боятся.

Судья. Спасибо за полезное наблюдение, оно отлично характеризует этого русского доктора, если он, конечно, доктор, а не диплом в переходе купил. Это обязательно будет отражено в приговоре. Есть ли вопросы у обвинения?

Бжоска. Да, есть один вопрос. Как мы знаем, в 1520 году подсудимый занимался православной пропагандой на территории Краковского Университета, после чего и был взят в разработку. Так вот, какое у этого русского вероисповедание?

Доктор. Я христианин.

Бжоска. Христианин это не вероисповедание. Это знак принадлежности к человеческому роду. Мы и так видим, что у вас две руки, две ноги и что вы не мавр. Что христианин. А конфессия?

Доктор. Бог един.

Бжоска. Бог един. А вот чертей — уйма. А на каждого черта — ереси. И Лютер, и Московский патриарх придумали себе изощрения. Судья, вы слышали, он, кроме Москвы, еще и в Виттенберге был.

Доктор. В Москве я не был. Ни разу.

Судья. Каким будет последнее слово адвоката.

Адвокат. Виновен!

Доктор. А можно мне сказать?

Судья. Нельзя, но поскольку в ближайшее время разговаривать вам придется только с крысами, послушаем, если коротко.

Судья вставляет в уши наушники и включает в плеере музыку.

Доктор. Что путешествовал — да, было. Но теперь время такое. Европа — как разоренное гнездо. Тут — знания, там — мастерство. Тут медицину знают, там — типографское дело. Где-то астрономию признают, а где-то — плюют на нее. Там Абеляра хвалят, а тут — он еретик. Настоящий ученый — тот, кто склеивает этот мир, рассказывает немцам про испанцев, в Вильне Падуя в сердце носит, а в Венеции поэтам рассказывает полоцкие легенды.

Б ж о с к а. И православную пропаганду не забудь.

Доктор. И разве я не тоскую по родине? Я бы хотел всю жизнь прожить в родном Полоцке или в Вильне. Бродяга я против собственной воли — в этом мое проклятье, приговорен я к непокою. А если по сути дела — то если Иван был должен этим людям, и даже если и не был, а суд считает, что за ними правда, то дайте мне написать Роману, он к вечеру деньги соберет и передаст им в Варшаву через этого Бжоску. Действительное назначение этого процесса я понял, и месседж до меня дошел. Вы не хотите, чтобы я оставался тут, и приговор, конечно, будет условный, потому что ну не принято за чужие долги людей в тюрьму сажать. Я из Польши уеду сегодня же ночью и не вернусь больше никогда. *(Доктор садится.)*

Судья достает наушники из ушей, выключает плеер.

Судья *(достает заранее приготовленную бумагу, читает по ней)*. Земский суд города Познань рассмотрел заявление познанского мещанина Якуба Бжоски в интересах варшавских торговцев *Lazarum et Moses Antiquus* в отношении доктора Франциска Русского, рожденного в Полоцке.

Доктор. Когда вы успели это написать?

Судья *(без пауз)*. После всестороннего рассмотрения всех обстоятельств дела, заслушав аргументацию потерпевшей стороны и оправданий преступной стороны, суд установил следующее. В период с 1525 по 1529 год Доктор Франциск Русский осуществлял совместную хозяйственную деятельность с братом Иваном по фамилии Скорин. Иван Скорин на территории Польши в городе Познань имел торговую базу. В 1529 году Иван Скорин при бездействии Франциска Русского умер, оставив по

себе 47 тысяч 468 кож — мохнатых и лысых. Кожы были получены в наследство доктором Франциском Русским, а также сыном Ивана Романом, и поделены между ними. Установлено, что Иван Скорин на момент наступления состояния смерти имел большой долг перед поставщиками. С большинством этих поставщиков наследник этого долга Франциск Рус рассчитался передачей лысых и мохнатых кож, но варшавские торговцы Лазарь и Моисей не получили никакой сатисфакции. После неоднократных попыток добиться от Франциска Руса оплаты они не смогли даже разыскать его. Подсудимый вел антисоциальный образ жизни, бродяжничал, постоянно меняя место жительства с целью избежать выплаты долга. В ходе процесса ясных объяснений уклонению от выплаты долга предоставлено не было, как не было предоставлено и доказательств финансовой способности Франциска Руса, который промотал наследство брата на туризм, выплатить долг Лазарю и Моисею. При учете всех вышеперечисленных обстоятельств, Земский суд города Познань приговаривает Франциска Русского к бессрочному лишению свободы в ратушной узнице до тех пор, пока долг перед варшавскими торговцами Lazarum et Moses Antiquus не будет погашен. Приговор вступает в силу с момента оглашения и обжалованию не подлежит.

Судья, Секретарь, Адвокат и Якуб Бжоска встают. Оглушенный приговором, Доктор смотрит перед собой. Полицейский снимает портрет короля Сигизмунда со стены. Процессия собирается уходить.

Доктор (*вскакивает*). Дайте хотя бы позвонить Роману! Позвоните ему сами! Если он не узнает, то я тут застряну на несколько месяцев!

П о л и ц е й с к и й . Звонки из тюрьмы запрещены.

Полицейский с грохотом закрывает дверь. В камере гаснет свет. На сцене — тишина и темнота. Наконец слышится голос Доктора. Во время первых его слов загорается тусклый свет, но камера все равно тонет во тьме.

Доктор (*печально*). «Понеже от прирождения звери, ходящие в пустыни, знают ямы своя, птицы, летающие по воздуху, ведают гнезда своя; рыбы, плывающие по морю и в реках, чуют виры своя; пчелы и тым подобная боронять ульев своих, — тако ж и люди, и где зродилися и ускормлены суть по бозе, к тому месту великую ласку имають». Зачем я это писал, если они меня не слышат? Если я для них — бродяга. Зачем я издавал книги во имя Твое, если они считают меня богохульником и еретиком? Почему вокруг меня только тьма? И так — год за годом, год за годом? Я больше не могу, Господи! Смилуйся надо мной! Пошли знак, что все это не напрасно! Что написанное мной прочитают! Хотя бы когда-нибудь! Дай знак! Прошу, дай мне надежду, Господи!

Небеса молчат, как и всегда в подобных случаях.

Сцена 2

Москва. Площадка перед входом в метро. На заднем плане виден красный знак «М» и обозначение года 1533. Сыпет снег. На парашете — знакомая нам клетчатая сумка, рядом с ней — книги, когда-то изданные Доктором. Книги быстро покрываются снегом. Доктор сметает его веником. На сцену выходит московский П о л и ц е й с к и й. Он берет книгу, с умным видом ее листает и решительно обращается к Доктору.

П о л и ц е й с к и й. Майор Краснопресненского отдела внутренних дел города Москвы. Документы.

Доктор роется в сумке, достает несколько больших листов бумаги.

П о л и ц е й с к и й. Что это?

Доктор. Паспорт.

П о л и ц е й с к и й. Паспорт. Он бордового цвета, вообще-то. А у вас — серый.

Доктор. А это — Litterae Passum, который мне выдал прусский герцог Альбрехт, когда я Калининград от английской

лихорадки лечил. А это — указ польского короля Сигизмунда о моем освобождении из Познанской узницы, видите, тут написано: «Славный Франциск Скорина из Полоцка», человек «необычайной учености»!

Полицейский делает вид, что разбирает бумаги и может прочесть надписи в них. Услышав имя, оживляется.

Полицейский. А что за имя? Франциск? Ты что, поляк?

Доктор. Что вы, товарищ майор московской полиции! Поляки меня десять недель в тюрьме держали! Как пропагандиста православия! Пока до племянника эти новости не дошли, и он долг не оплатил! Достучался до самого Сигизмунда Второго. А я им говорю, что в Москве даже и не был никогда, а они не верят! Так я решил посмотреть, может, хотя бы тут мои книги кому-то понадобятся.

Полицейский (*заканчивая задумчиво листать бумаги*). Не понял. А московская регистрация где? Где регистрация московская? Голубенькая такая бумажка, с печатью квадратной?

Доктор. A Litterae Passum от калининградского герцога не подойдет?

Полицейский отрицательно качает головой.

Доктор. Я так понимаю, что если я позвоню Епископу Виленскому Яну, это тоже не поможет?

Полицейский. Какому Епископу? Голубь ты мой круторогий, ты задержан. Складывай свою порнуху в сумку, пойдем оформляться.

Сцена 3

Управление по дружбе и межрегиональным связям Департамента культуры города Москвы. Стол, за которым сидит корпулентный Начальник управления. В центре — шредер для уничтожения бумаг. Перед ним — служебные документы, кальки, копирки и иная канцелярская всячина. На столе разложены книги Доктора, конфис-

кованные при задержании. Тут же — типографская касса со шрифтами. Над столом — портрет Великого князя Московского, Владимирского и Всея Руси Василия Третьего Ивановича. Входит Полицейский с Доктором. Доктор в наручниках.

Н а ч а л ь н и к (*встает*). О, какие люди! Гостеприимная московская земля сердечно приветствует вас! Всегда рады!

Д о к т о р. Ага, рады. Сколько дней вы меня в участке держали?

Н а ч а л ь н и к. Наши действия целиком находятся в рамках правового поля. Имеем право задерживать до полного выяснения личности. Тем более что вы мало что без регистрации, да еще и поляк.

Д о к т о р. Я не поляк. Я русский.

Н а ч а л ь н и к. Были бы вы русским, вас бы звали по-человечески. Георгий, например! Вас, случайно, не Георгий зовут?

Д о к т о р. Меня зовут Франциск.

Н а ч а л ь н и к (*серьезно*). Вы уверены?

Д о к т о р. Уверен.

Н а ч а л ь н и к. Хорошо подумали?

Д о к т о р. Хорошо.

Н а ч а л ь н и к. Ну тогда продолжим. Расстегивай его, майор.

Майор снимает наручники с Франциска. Полицейский становится у двери, демонстрируя, что задержанный не свободен в передвижениях.

Доктор бросается к своим книгам на столе, пересчитывает их.

Н а ч а л ь н и к (*весело*). Успокойтесь, все конфискованное тут! Садитесь уже. Мне поручено провести с вами профилактическую беседу. Начнем с самого начала. Вот это вот что такое?

Начальник подталкивает к Доктору типографскую кассу, полную кириллических букв.

Д о к т о р. Это знаки русского письма, изготовленные по моему заказу в Венеции для типографий в Праге и Вильне. Это все, что осталось от моего издательского предприятия после

того, как дом, где оно размещалось, сгорел. После я пробовал снова начать печатать — в Калининграде, в Виттенберге, но по разным причинам не получилось. Отправляясь в Москву, я решил взять с собой все свое имущество. Остатки книг и шрифты. На тот случай, если тут добрых людей заинтересует издание книг. Шрифты — самое сложное в этом процессе. Остальное в печатном станке можно собрать хоть из ткацкого.

Н а ч а л ь н и к . И зачем вам понадобились наши «азы», «гервы» и «фетры». (*Начальник берет из кассы несколько букв.*) Вы же поляк.

Д о к т о р . Смотрите. Сложим какое-нибудь слово. Какое? (*Бросает быстрый взгляд на стену.*) Ну, например, «князь». Берем для этого буквы «Каф», «Наш», «Малый Юс», «Зело» и «Ерь» (*Доктор выбирает нужные буквы из кассы*). Закрепляем в наборе. Затем нам понадобятся чернила (*Доктор выхватывает из стопки бумаг на столе Начальника копирку*) и бумага (*берет чистый лист*).

Д о к т о р . Мы аккуратно расправляем слегка влажную бумагу на деке и прижимаем к ней прокрашенный набор (*он кладет на копирку буквы и кулаком прижимает их к бумаге через копирку*). Вот, видите, как хорошо получилось! (*Доктор снимает копирку и показывает надпись.*)

П о л и ц е й с к и й . Поляки захватили наш язык! Наши слова!

Н а ч а л ь н и к . Ха! Да не волнуйся так, Майор! Все под контролем! Ну и объясните нам, непонятливым, зачем так извращаться, если можно просто взять карандаш и написать «По-ляк!» (*Карябает на использованном Доктором листе бумаги.*) Быстро. Красиво. Правдиво.

Д о к т о р (*накладывает копирку на тот же лист*). Когда форма уже готова, можно изготовить сколько угодно отпечатков. Только бумагу подноси и краску обновляй! (*Доктор бьет по копирке снова и снова.*) Вот: «Князь»! «Князь»! «Князь»! «Князь»! «Князь»!

П о л и ц е й с к и й . Да ты что, оборзел?

Н а ч а л ь н и к . Сейчас же прекратите глумиться!

Доктор демонстрирует лист с оттиснутыми словами.

Доктор. Мои книги, при всей их внешней похожести на старые кодексы, изготовлены именно таким способом.

Начальник (*снова становится веселым*). Ну, про книжки ваши мы сейчас поговорим. А по поводу вашей методы — так вы тут такой не первый. Был тут у нас такой же. Тоже из ваших. (*Полицейскому*.) Был же?

Полицейский. Был. Тоже поляк, Баутромей Готан. Носился с каким-то станком. Русский язык прессовал, ирод рода человеческого.

Начальник. Напомни, и что с ним в конце концов сделали?

Полицейский. Утопили, товарищ Начальник управления дружбы и межрегиональных связей Департамента культуры города Москвы!

Начальник (*смеется*). Вот-вот. Утопили! Все время забываю, утопили или повесили.

Доктор. Но вы же мне книги вернете, правда? Вы же знаете, что то, что я делаю, — очень полезное дело?

Начальник. Что? Вот это? (*Начальник демонстрирует Доктору бумажку с многократно отпечатанным словом «Князь»*.) Вот это полезное дело?

Доктор. Ну хорошо. Поляки меня обвинили в православной пропаганде. А у вас какие ко мне претензии?

Начальник (*снова становится серьезным*). «Вначале было слово. И слово было Богом. И слово было Бог». Помнишь, на-верное. Сам же переводил.

Доктор. Не переводил.

Начальник. Что значит «не переводил»?

Доктор. Это из Евангелия от Иоанна, а я Ветхий Завет издавал.

Начальник. Сам-то я не читал, не очень разбираюсь. Но это не отменяет сути. «Слово было Бог». Набедокурил ты аж три раза. Потому что поставил себя вровень с Богом, когда стал умножать слова, которые тебе не принадлежат. Потому что перевел Писание на язык, который тебе не принадлежит. И потому что выказал неуважение Московской державе, которой ты не принадлежишь.

Доктор. А власти московские тут при чем?

Н а ч а л ь н и к . Скажи мне, поляк. Это кто? (*Начальник кивает на портрет Василия III Ивановича.*)

Д о к т о р . Московский Князь.

Н а ч а л ь н и к . Полный титул.

Д о к т о р . Князь московский Василий III Иванович.

Н а ч а л ь н и к . Полный титул, я сказал!

Д о к т о р . Князь Московский и Владимирский.

Н а ч а л ь н и к (*кричит*). И вся Русь, и вся Русь! А ты что написал? (*Берет книгу, листает.*) Вот тут, в «Апостоле», концевая приписка. «Пры держаніи наласкавшего господара Жикгымонта Казімировича, Короля польского, И великого князя Литовскаго, И рускаго, И жомойтскаго И иных, Во славном месте виленском выложена, и вытиснена, Працею и великою пилностію Доктора Франциска Скорины с Полоцка»! Сигизмунд Казимирович, польский пес, у тебя — «Великий Князь Русский»! И с таким манифестом в суме ты решил пересечь границу с Москвой! И вступить в юрисдикцию Василия III Ивановича, действительного русского владыки!

Д о к т о р . Концевая приписка это просто традиция, я изложил там титул Сигизмунда, как он сам себя называет. Но важно не это, а мое намерение. А намерение мое состояло в том, чтобы напечатать Святое Писание на том языке, на каком говорят в нашем краю обычные люди.

Н а ч а л ь н и к . И что это за язык такой?

Д о к т о р . Тот, на котором мы сейчас разговариваем.

Н а ч а л ь н и к . И как он называется.

Д о к т о р . Русский!

Н а ч а л ь н и к . Серьезно? «Найласкавши господар», «праца», «пильнасць» — это русские слова?

Д о к т о р (*растерянно*). А разве нет?

Н а ч а л ь н и к . Польские это слова! Польские!

Д о к т о р . Да нет, товарищ начальник управления по дружбе, я был в Польше, меня там даже судили. Но там совсем по-другому говорят, и чтобы понимать друг друга, приходится переходить на латынь.

Н а ч а л ь н и к . И кстати, ты католик или православный?

Д о к т о р . Бог един!

Н а ч а л ь н и к . Бог един, и он — православный!

Доктор. Я уверен, что православные потомки меня запишут в византийскую веру, а католики — в римскую.

Начальник. Твои книги написаны русскими буквами на польском языке. Они оскорбляют Бога ошибками в правописании, в святом тексте. Они — вред и ересь, как и ты сам. У нас тут был уже один такой, переводил от балды, лишь бы как (*смотрит на Полицейского*).

Полицейский (*подсказывает*). Максим Грек.

Начальник. Ага! Максим Грек. Прибыл по приглашению властей. Казалось бы, мужик нормальный, с Афона, в Италию учился. Но западник. А любой западник — хоть немножко, а поляк. Простая задача перед человеком стояла — перевести «Толковый Псалтырь» так, как надо было. Так нет же. Сделал по-своему. Попросили исправить ошибки — начал спорить. Мол, не ошибки это! Мол, я, в отличие от вас, дуралеев, греческий язык знаю! Ну и что? Осудили, отправили изучать греческий в Волоколамск. В монастырь строгого режима. На шесть лет. Потом вернули, на собор вызвали. (*Полицейскому*.) Это же буквально в позапрошлом году было, помнишь?

Полицейский. Плакал!

Начальник. А я о чем! Плакать начал, на коленях тут ползал, отпустите, говорит, меня обратно в Афон. А как мы его отпустим? Он же за границей против нас пропаганду начнет! Что мы тут европейских интеллектуалов мучаем! У него, к тому же, даже за шесть лет сидки ума не сильно прибавилось. Не понимает, что переводить надо как говорят, а не из головы. Ну и что? Отправили его в Отроцкую обитель в Тверь. От таинств отлучили, в железо заковали. Чтобы лучше слово «свобода» понимал. А то вы, поляки, слишком уж им злоупотребляете. А смысл слова забываете. «Свобода», «свобода», «свобода»! Вот и ты туда же!

Доктор. Послушайте! Книги мои никому вреда не принесли! Они никого не оскорбляют — ни Великого Князя Василия Третьего Ивановича, ни Господа Бога, ни Деву Марию.

Полицейский (*зевая*). Он, похоже, не понимает.

Начальник. Товарищ поляк, проблема не в том, что перевод твой — не канонический! Проблема в том, что единственный язык, на котором можно распространять Евангелия

и Ветхий Завет, — церковнославянский. Слово человеку не принадлежит. Не принадлежит оно мужику-лапотнику. Челяди. Люди — пыль. Пыль в руке Господа. Понимаешь это? Пыль должна молчать, а говорить должен Бог. Или тот, кто Богом поставлен. В текущий момент это Великий Князь Московский, Владимирский и всея Руси Василий Третий Иванович.

Доктор. На церковнославянском Евангелия людям не понятны. Их могут только священники читать.

Начальник. Заруби себе на носу! Писание потому и Святое, что оно не для всех! По нему православные священники православных же и учат. А быдло читать и тем более писать не должно. Оно должно слушать и исполнять, слушать и исполнять.

Доктор. Я понял. Я тогда книги с собой заберу.

Полицейский. Смотри-ка, как ты уверен, что мы тебя отпустим! А ты, пшек, слышал, что случилось с европейским лекарем Немчином Антоном?

Начальник. А что, кстати, случилось?

Полицейский. Его наняли лечить сына татарского князя Каракучи. Каракучу-младшего лекарь не вылечил. Пришлось зарезать его под Москворецким мостом. Чтoб Каракуча-старший не обижался.

Доктор. Меня режьте, а книжки не трогайте.

Начальник. Книги твои — сатанинские. В них такие картинки, которые православным людям видеть нельзя. Вот это, например, что за чудище? *(Начальник протягивает Доктору раскрытую книгу.)*

Доктор. Это наяда.

Начальник. Наяда? Ты поместил это извращение языческое в Святом Писании? И думаешь, что тебе это с рук сойдет?

Доктор. Да это же фрагмент орнамента!

Полицейский. Орнамента, сакрамента, тэстмента! Видишь, как по-польски шпарить начал! Совсем страх потерял!

Начальник. По вышеизложенным причинам книги подлежат сожжению. Майор, разводи огонь.

Полицейский подходит к столу, собирает книги и несет их к шрёдеру.

Доктор вскакивает и преграждает ему путь.

Доктор. Погодите! Но мы же не закончили дискуссию! У меня есть еще аргументы!

Начальник. Никто с тобой дискуссию не ведет. Это там у вас, Польше, дискутируют. А мы тут с тобой ведем воспитательно-профилактическую беседу. Мы говорим — ты слушаешь. Решение насчет твой богохульной римской пропаганды давно принято, причем на высшем уровне. (*Начальник кивает на портрет Василия Ивановича. Цитирует с гербовой бумаги, которая лежит у него на столе, по слогам.*) «Знищить огнем книги етыя помноженны в мясцох, что подлежат римскай зверхности».

Доктор. Лучше меня сожгите!

Начальник. Мы бы с удовольствием. Конечно, не «вместо», а «вместе»! Но — с удовольствием. Только между Сигизмундом и Василием Ивановичем подписано соглашение, что если ваши нам попадутся, то распинать и четвертовать их строго запрещается. (*Берет еще один документ со стола, цитирует по слогам.*) «А нашим купцом изо всих наших земль во вси твои земли приехати им и отъехати добровольно, без всяких зачепок». Видишь, пришлось подписать. Потому что наш малый и средний бизнес все время от вашего рэкета страдал. Поэтому придется книжкам гореть отдельно, без того, кто их нашлапал. Жги, майор!

Полицейский пытается всунуть книгу в шрёдер, но она не помещается в окошко для приема бумаги. Он вырывает отдельные листы и пропускает через бумагоизмельчитель. Из агрегата летит бумажная стружка.

Начальник (*весело*). Хорошо горит! Как во время «Зарницы» в пионерлагере!

Доктор размахивается и бьет Полицейского в челюсть, наваливается на него, пытается свалить на пол. Но тот значительно сильнее — он легко отталкивает Доктора, сбивает с ног и с видимым удовольствием бьет его служебным электрошокером. Добавляет пару ударов берцами по голове. Доктор теряет сознание. Полицейский снимает с бедра дубинку и начинает его месить.

Полицейский (*с одышкой, Начальнику*). Ну бить же нам их не запрещено?

Н а ч а л ь н и к . Главное, не переломай ему ничего!

Обработав Доктора, Полицейский подтягивает его тело к стене, пристегивает наручниками к батарее и возвращается к шрёдеру. Начальник подходит, чтобы помочь ему разрывать книги на отдельные страницы и закидывать в шрёдер.

Д о к т о р (*приходит в сознание*). Везде, где я был, все, с кем мне доводилось разговаривать, от литовского священника до австрийского дипломата и прусского солдата, говорили мне, что я занимаюсь не тем. Что дело мое яйца выеденного не стоит, а мечты — полный бред. Меня держали в остроге, книги отбирали, отказывали в самом необходимом. Но никто до сих пор не жег книг. Никто!

Начальник поднимает пук стружки, вышедшей из шредера, и весело кидает его в Доктора.

Д о к т о р . Вы хотя бы шрифты мне отдадите?

Н а ч а л ь н и к (*пританцовывая, набрасывает на Доктора измельченную бумагу, похожую на новогодний «дождик»*). К сожалению, вынужден отказать. (*Нараспев.*) Шрифты, как средство, с помощью которого были изготовлены оскорбительные для московских властей материалы, мы конфисковываем!

Доктор затихает, растирает по лицу кровь, прислоняется разбитой головой к стене. Уничтожение книг продолжается, Начальник танцует, разбрасывая бумажный «дождик», и напевает «На белом-белом покрывале января любимой девушки я имя написал. Не прогоняй меня, мороз, хочу побыть немного я на белом-белом покрывале января!»

Д о к т о р . Но это ничего. Листья тоже облетают. Зимой деревья спят. И может даже показаться, что они умерли. Такие черные. Неживые. А в апреле на их ветвях проклевываются новые листья. Кто-то здесь, в Московии, сделает из моих венецианских букв новые наборы. Через заказанные Франциском Русским матрицы прорастут новые тексты. Все будет иметь смысл! Все будет не напрасно! Все будет не зря!

Н а ч а л ь н и к (*все еще танцует с бумажным «дождиком»*). Ты не понял, поляк! Шрифты твои тут нафиг никому не упали! В нашей стране книг печатных не будет! Ни теперь, ни в обозримом будущем! А перевод Библии на русский язык, а не церковнославянский, так вообще лет через триста только появится. А шрифты твои я в карточек переплавлю. В ружье засыплю и на охоту пойду!

В этот момент начинает очень громко звучать припев песни Вадима Казаченко «На белом-белом покрывале января». Пританцовывать начинает и Полицейский, самоотверженно разрывающий книги. Доктор вдруг улыбается деснами, с выкрошенными берцами майора зубами, и начинает двигаться в такт песне, отбивая ритм ногами.

Сцена 4

Ботанический сад короля Фердинанда Первого Габсбурга в Праге. На сцене — небольшие декоративные деревца, среди которых стоит скамья. Над ней светится дата — 1540 год. На скамье сидит Шеф службы личной охраны короля. Это неприметный человек в черном костюме с наушником в левом ухе. К скамейке нетвердой походкой приближается старый садовник. Он опирается на лопату, которой только что копал землю. В садовнике с трудом узнается Доктор. Он абсолютно седой, все жизненные соки покинули его. Он садится рядом с королевским охранником.

Д о к т о р. Добрэ рано, панэ шеф королевской охраны! Какая чудесная погода!

О х р а н н и к. Добры рано, панэ итальянский садовник! Апрель в Праге — приятная пора.

Д о к т о р. Это вы будете проводить со мной дополнительный интервью?

О х р а н н и к. Да даже не интервью. У Службы охраны его Величества Фердинанда Первого возникло к вам несколько вопросов. Вы, собственно, уже прошли испытательный срок в шесть месяцев, и нам нужно лишь изменить ваш временный бэйдж на постоянный. К нам прибыли ваши документы,

и я внимательно с ними ознакомился. Заметил некоторые нестыковки. Вы работаете в дворцовом периметре первой охранной категории, в который имеют выход светское руководство Австрийской империи, король и члены двора. Поэтому хотелось бы лично убедиться в вашей clearance.

Доктор. Буду рад вам помочь.

Охранник. На интервью эйчарам королевской хозяйственной службы вы сказали, что имеете опыт в ботанике.

Доктор. Я не говорил, что имею опыт в ботанике. Я говорил, что учился медицине в Падуе. А также я говорил, что ботаника — это анатомия деревьев. И что тот, кто знает медицину, знает достаточно, чтобы не повредить деревьям.

Охранник. Хотел уточнить. К вашим действиям вопросов мы не имеем. Вы расширили территорию парка, украсили ландшафт. Просто у вас немного витиеватая биография. Вы в тюрьме сидели?

Доктор. По недоразумению. Эта судимость снята.

Охранник. И в Москве у вас проблемы были.

Доктор. Проблемы в Москве — повод для гордости в Праге. Не так ли?

Охранник. И ваши рекомендационные листы. Вы представили очень красноречивое письмо епископа Познанского, Яна.

Доктор. Да, Ян — мой хороший друг еще по Вильне! Может, и последний друг!

Охранник. Действительно, в своем письме он вас нахваливает, отмечает вашу широкую эрудицию, острый разум и доброе сердце. Решение по трудоустройству принималось в том числе и на основании данного документа. Так вот, данная рекомендация более не действительна. Я вынужден удалить ее из вашего личного дела.

Доктор. Почему же?

Охранник. На момент ее подачи автор ее уже умер.

Доктор. Епископ умер?

Охранник. Еще в позапрошлом году.

Доктор молчит. Охранник продолжает.

Охранник. И вот еще нестыковка. За всю свою карьеру вы работали по специальности менее года, в Кенигсберге, в 1530-м?

Доктор. Еще я лечил епископа Яна во время его жизни в Вильне.

Охранник. Он не сможет подтвердить ваши слова. К тому же в его рекомендации нет ни слова про ваши врачебные компетенции. Там отмечаются гуманитарные заслуги и даже какое-то... книгоиздание? Вы занимались типографским делом?

Доктор. Да, был и такой период.

Охранник. Судя по документам, достаточно продолжительный, с 1517 по 1532-й.

Доктор. Начинал я в Праге.

Охранник. И где ваши книги?

Доктор. Я потому и не внес эту позицию в свое CV. Тут гордиться нечем. Угрохал лучшие годы, и ничего не осталось. Все прошло, как круги на воде.

Охранник. Дополнительный вопрос возникает в связи с вашим самоименованием. На временном бэйдже, выданном вам на испытательный срок, по вашему же предложению значится «Итальянский садовник».

Доктор. Это потому, что я учился в Падуе.

Охранник. Но на всех остальных документах с прошлых мест работы значится «Доктор Русский» или «Доктор Рус».

Доктор. Просто они постоянно называли меня поляком. А я с этим не соглашался и просил писать, что я русский. Ну а после случая в Москве...

Охранник. А что за случай в Москве?

Доктор. Познакомился с любителями книг. С той поры стал итальянцем.

Охранник. Но так нельзя. Нельзя всю жизнь издавать книги, а потом рекомендоваться большим знатоком деревьев, претендуя на пост королевского садовника. Нельзя быть русским, а потом за один день превратиться в итальянца.

Доктор. Наверное, такой уж мой путь, Богом данный. Что нужно мне — не нужно людям. Пошел ва-банк и обанкротился.

Охранник. Ничего себе банкротство! Садовник короля! В роскоши решили пожить?

Доктор. Скорее, тихо умереть. Все, что я хочу — умереть тихо. За этим и приехал.

Охранник. Путь ваш, «Богом данный», слишком уж запутанный. Что за книгоиздатель без книг? С рекомендациями от умерших? Решение по трудоустройству вашему принимал Его Величество Фердинанд. Возражать ему не буду. Но вас беру под надзор. (*Охранник показывает малозаметную камеру, прикрепленную к одному из деревьев.*) И что касается бэйджа. Вот вам постоянный. Тут написано то же, что и на ваших прежних. Потому что обмана я не люблю. «Доктор Рус».

Доктор. «Рус»? Знаете, что они со мной сделали? Разрешите называться хотя бы Раусом?

Охранник. Это можно. Исправьте ручкой. Сделаем новый, с «Раусом». Главное — не вводите в заблуждение людей. Не рекомендуйтесь «садовником из Италии». Работайте, Доктор Раус. Растите сад во славу короля и Бога.

Охранник уходит. Доктор остается один. Смотрит на деревце, растущее неподалеку.

Доктор. Прошлое разворошил. От того, что было, даже дышать тяжело. «Растите сад!» «Вы русский», «вы поляк!» Опостылело!

Доктор встает, опираясь на лопату, подходит к дереву, прикасается к почкам на ветвях.

Доктор. Набухли, скоро зацветут. (*Смотрит под ноги.*) Глянь ты, ростки показались. Я их не сажал. Не моего труда плоды.

Доктор садится на скамью, его лицо яснее.

Доктор. Шрифты забрали, станки печатные пропали. И пражский, и виленский. Нет больше мастерских, тигелей нет и кук. И книжек больше нет. У меня. Но зерно упало. Слово — Бог, но не для того, чтобы люди страх перед книгой имели. Не чтобы молчали, а наоборот. Через слово с нами вечность гово-

рит. Книгу можно уничтожить, а слова — нет. Сожгли мое дерево, корни порубили в щепки. Не будет больше листьев, неоткуда побегам взяться. Надежды, кажется, уж нет. Нет больше дерева, но будет бор. В земле слова мои. И скоро прорастут. Придет весна, и вспомнят про меня. Язык мой и любовь, мой Бог и мое дело — заметны станут людям. И миллионы скажут слово вслед за мной на языке, что мне всего дороже.

Доктор с благодарностью поднимает голову вверх.

Доктор (*в небо*). Спасибо за надежду! (*Рассудительно.*) Остались те экземпляры, которые у меня отняли во Вроцлаве, несколько кодексов должно было попасть и в Вильню. Значит, зерно упало. Осталось дожидаться весны. А она скоро придет! Потому что это закон природы! Зима кончается. Даже затяжная. Даже такая, которая длится столетиями.

ЭПИЛОГ

Мастерская интролигатора во Вроцлаве. Офисный стол, два стула, на флип-чарте — эскизы фрагментов дизайна ренессансных обложек. За столом, заваленным книжными обложками и неоправленными книжными переплетами, — мастер Интролигатор и Помощник. Они вместе склонились над большим рукописным манускриптом. Немного поодаль — стопка книг, изданных когда-то Доктором. На задней обложке — дата — 1571.

Интролигатор. Переплет, Марочек, это вообще главное в книге. Потому что он дает представление о ее содержании до того, как ты книгу откроешь. Читать — работа тяжелая. Перед тем, как погрузиться, надо убедиться, что воды, в которые ты собираешься прыгнуть, — ароматные, а не зловонные. А как мы узнаем об этом? Только по обложке! Сейчас, в наши дни, все писать начали! Каждый третий — автор книжки! У каждого бедняка — какой-никакой, а есть маленький кодекс в частной библиотеке! Коня нет, а кодекс — есть! Вот дожили! Эти... Как их

там? Типографские прессы, адские машины, заполонили мир всякими дешевыми брошюрками.

Помощник. Но и мы с этими прессовщиками повязаны. Больше книг — больше и нам работы.

Интролигатор. Наше искусство стало заметным, востребованным. Более востребованным, чем их собственное ремесло. Брошюрки с их текстиками полно, а вот обложки — только у лучших книг. Это мы ставим печать качества — обложку! И наша обложка сразу говорит, стоит ли читать.

Помощник. И Вроцлавская школа переплета — это ого-го!

Интролигатор. Ого-го, конечно! И ты, Марочек, имеешь честь работать с самым искушенным интролигатором Вроцлава! Ты же видишь, какие у меня важные заказы! От самого городского прокурора! Потому я тебе и не плачу. Потому что опыт, который ты у меня получаешь, — цены не имеет!

Помощник. Но иногда и покушать хочется!

Интролигатор. Накушаешься, как мастером станешь! На, вот тут прошей! Если не прошить еще раз — разлезется! Большую книгу прокураны написали!

Помощник. А какую тут обложку делать?

Интролигатор. Богатую, но не легкомысленного вида. Это не простой текст. Текст для специалистов. Текст государственной важности!

Помощник. А как называется?

Интролигатор. Вот, по слогам разобрать можно: «Либер про-ку-ра-то-рум»! Liber procuratorum! Все записи прокурорские с 1535 по 1571 год. Все то, что погань разная на Вроцлавской земле делала, — тут аккуратно фиксировалось. Описание злодейств, приговоры — все!

Помощник. И правда, государственной важности книжка. Аж страшно к ней прикасаться.

Интролигатор. Страшно ему! Давай, неси вон ту большую кожаную обложку!

Помощник (*прикладывая обложку*). Кажется, как-то некрасиво получается. Надо форзац дополнительно бумагой укрепить.

Интролигатор. Согласен, Марочек! Неси бумагу!

Помощник уходит за кулисы и быстро возвращается.

Помощник. Закончилась! Нет больше бумаги! Три дня ждать, пока новую привезут.

Интролигатор. Господа прокуроры три дня ждать не будут. Они нам, Марочек, уши открутят.

Помощник. А что делать?

Интролигатор. Тут нет беды. Видишь грудку фолиантов? Это прокуроры привезли расходники нам для работы. Сказали, если понадобятся подкладки для обложек или иллюстрации, — можно использовать.

Помощник. Прямо из книжек вырывать? Из прокурорских?

Интролигатор. Это не прокурорские книжки! Это книжки, которые они конфисковали лет пятьдесят назад у какого-то русского. Рви смело из них бумагу и мне подавай!

Помощник открывает один из кодексов Доктора.

Помощник. Тут написано «Би-в-лия!», а тут — «Эк-ле-зи-аст»! Это Святое Писание, господин Интролигатор, как же его разбирать?

Интролигатор. Прокуроры предупреждали! Но это не настоящее Святое Писание. Смотри, там же кириллица! Православная ересь! Искажение Божьих заветов, ни к чему не годное! А тут хоть послужит доброму делу!

Помощник. Ой, как-то мне боязно из Библии страницы вырывать. Рвите, господин Интролигатор, лучше вы сами!

Помощник подносит кодекс мастеру, тот быстрым движением вырывает из него страницу.

Мастер. На, клей под обложку! Это макулатура! Макулатура, Марочек!

Очень громко включается припев песни «It's the end of the world» группы R.E.M. Под эту музыку Интролигатор и Помощник продолжают разрывать книги Доктора. Внезапно свет гаснет и наступает тишина. На заднике сцены появляются буквы. Они возникают и складываются в слова ритмично, будто кто-то набирает текст на клавиатуре.

ПОНЕЖЕ ОТ ПРИРОЖЕНИЯ ЗВЕРИ
ХОДЯЩИЯ В ПУСТЫНИ
ЗНАЮТЬ ЯМЫ СВОЯ
ПТИЦИ
ЛЕТАЮЩИЕ ПО ВОЗЪДУХУ
ВЕДАЮТ ГНЕЗДА СВОЯ
РИБЫ
ПЛЫВАЮЩИЕ ПО МОРЮ И В РЕКАХ
ЧУЮТ ВИРЫ СВОЯ
ПЧЕЛЫ И ТЫМ ПОДОБНАЯ
БОРОНЯТ УЛЬЕВ СВОИХ
ТАКО Ж И ЛЮДИ
И ГДЕ ЗРОДИЛИСЯ
И УСКОРМЛЕНЫ СУТЬ ПО БОЗЕ
К ТОМУ МЕСТУ
ВЕЛИКУЮ
ЛАСКУ
ИМАЮТЪ

Содержание

Лидия Михеева

Послесловие к предыдущему и предисловие к настоящему. . . . 3

Юлия Поспелова

«Лёха...» 9

Анна Батурина

Кафе «Шарур» 25

Ванькина шабашка 74

Анастасия Букреева

Яблочный заяц 103

Женя Сташков

Белки и разбойники 127

Красный горошек. 139

Рядовой Дочка. 147

Юрий Ищенко

Ныряльщики. 159

Юрий Медведько

Воздушные шарик 185

Виктор Мартинович

Карьера доктора Рауса 207

ISBN: 9785986201924

**Анна Батурина, Анастасия Букреева, Юрий Ищенко,
Виктор Мартинович, Юрий Медведько, Юлия Пospelова,
Женя Сташков**

ВОЗДУШНЫЕ ШАРИКИ

Пьесы

Над обложкой работали: *Иван Белов, Сергей Майсюк*

Корректор *Татьяна Добриян*
Верстка: *Елена Кузьменок*

Подписано в печать 20.05.2016.
Формат 60×90 ¹/₁₆
Объем 25 п.л. Гарнитура NewBaskerville.
Бумага офсетная. Печать офсетная
Тираж 200 экз. Заказ № .